

У Р А Л Ь С К И Й
С Л Е Д О П Ы Т

3
1972

*Екатерина Стрекалова и Зоя Торопова заканчивают в этом году Свердловский медицинский институт. Шесть лет прошло с тех пор, когда они получили аттестаты зрелости и поехали в Свердловск из родного края Коми.
О Коми АССР рассказывается на страницах 33 и 34.*

Фото А. Нагибина

Литературно-художественный
научно-популярный ежемесячный
журнал для детей и юношества.
Орган Союза писателей РСФСР,
Свердловской писательской
организации и Свердловского
обкома ВЛКСМ

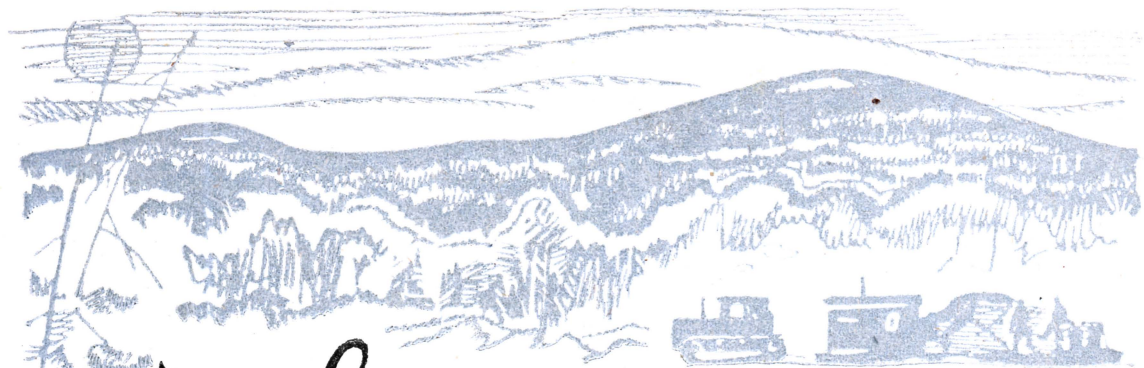
Год издания пятнадцатый

В НОМЕРЕ:

Евгений Марьсаев ДИВНАЯ ПЛАНЕТА. Повесть	2
Ю. Рябов ЛЕТОПИСЬ В ЗНАЧКАХ	10
Григорий Варшавский КАРЛ БРЮЛЛОВ. Стихи	18
С. Мешавкин, Л. Румянцев ПОРТ ВСЕХ ОКЕАНОВ	20
ВСЕГДА В ПОИСКЕ. НА ПРИЗ НАШЕГО ЖУРНАЛА	26
А. Чернова, Л. Костина РЕБЯТА ОТКРЫЛИ...	26
Г. Владимирова 29 НЕИЗВЕСТНЫХ	28
А. Нагибин УХТА ДАЕТ МИНИМУМ	33
Валентина Бускина Я — ОПЕРАТОР	35
И. Семенчик ЕГО ЗВАЛИ МАРИЦА	39
Е. Ганебный УРАЛЬСКИЙ КУЗНЕЦ	41
А. Петухов В СИНЕМ ЗАЛЕСЬЕ. Рассказ	42
А. Граевский С ЧЕГО НАЧИНАЕТСЯ КАМА? ОПЕРАЦИЯ «Ч»	52
Г. Дмитрин МАШИНА-РЕПЕТИТОР	55
А. Артамонов КНИГА ДЕДА АЛЕКСАНДРА	59
А. Блюм ПУТЕШЕСТВИЯ В БУДУЩЕЕ ПОД СУДОМ ЦАРСКОЙ ЦЕНЗУРЫ	60
В ОБЪЕКТИВЕ — МГНОВЕНИЕ!	65
Д. Клещев ДНЕВНИК ЕГЕРЯ	66
А. Беляев ВЫДРА ИЛИ ГИДРА?	73
Эрнст Бутин ЭФФЕКТ БАРАНОВА. Юмористический рас- сказ	76
В. Мутин, А. Хамзин ГРОССМЕЙСТЕР ЧАСОВЫХ ДЕЛ	80

Обложка В. Воловича и С. Киприна

УРАЛЬСКИЙ
СЛЕДОПОЛЫМ 3
1972

Дивная планета

Повесть

Евгений МАРЫСАЕВ

Рисунки С. Киприна

*Из докладной старшего радиста
начальнику экспедиции*

«Бригада буровиков Ф. Люкова, выехавшая из Уруна по известному Вам маршруту, сегодня не вышла на связь...»

*Из рапорта командира авиаотряда
начальнику экспедиции*

«Многодневные поиски бригады буровиков Ф. Люкова успеха не имели. С воздуха тщательно обследован весь путь от Уруна до точки...»

Считаю дальнейший поиск нецелесообразным...»

Резолюция начальника экспедиции

«Искать!!»

1
Из глубокой российской осени и промозглых дождей Константин за несколько часов прилетел в такой свирепый мороз, какого еще ни разу не видывал. А за неделю, что они прожили со Славкой в этом большом северном городе, ожидая вертолета до поселка Урун, где собиралась бригада буровиков, похолодало еще больше. Столбик на термометре подбирался к цифре «40», а тридцатиградусная стужа уже считалась «потеплением».

В центральной России солнце и зимою нежное, ласковое, а здесь, на Крайнем Севере, на него и смотреть страшно: какое-то громадное, красноречее от мороза чудище.

2
Зато луна — глаз не отвести, и Константин любил смотреть на нее. Тоже огромная. По ночам, налившись тугим ровным светом, она плы-

вет по темному бархату неба. При сильном морозе луна кажется глыбой из розового мрамора; отпустит стужа — из белого. И всегда в окружении радужных колец.

Звезды висят низко и кажутся такими большими, что однажды Константин, провожая взглядом пролетающий ночной самолет, поймал себя на мысли: а вдруг самолет заденет звезду крылом? Звезды эти польхают разноцветными огнями, будто плавятся. За ними — звезды уже поменьше, но тоже яркие, а еще выше — серебряное светящееся полотнище, россыпь звезд-песчинок...

За несколько дней знакомства речистый, не в меру любопытный Славка узнал о Константине решительно все. И то, что он в этом году, как и Славка, окончил школу, поступал в Авиационный институт и не прошел по конкурсу, и то, что он очень расстроен своей неудачей, потому что

ё пятого класса мечтал стать авиатором, и то, что на Север поехал, решив стать самостоятельным, независимым от отца с матерью — они его считают до сих пор чуть ли не младенцем, и это обидно. Хорош младенец — будущий Жаботинский: метр восемьдесят пять роста, пудовые кулаки, в толчке девяносто запросто берет...

Со странной дотошностью Славка расспрашивал о родителях Константина, особенно о матери. Выяснив, что родители его преподаватели Калязинского педагогического техникума, он вдруг поинтересовался:

— Опиши, как они выглядят?! Сначала мамашу...

— Да зачем тебе?

Славка с минуту помолчал. Потом без тени уныния, даже весело сообщил:

— У меня — никого.

И пояснил: детдомовский он, ленинградец.

Собою Славка неказист — большеротый, со вздернутым носом, но в улыбке и во взгляде светло-коричневых глаз столько озорного веселья и тепла, что кажется он весьма симпатичным.

Вчера перед рабочими выступал начальник экспедиции, высокий и худощавый. На пиджаке круглый знак лауреата. Начальник рассказывал о том, что сделано, о том, что предстоит сделать. Ребята настрожились, когда начальник заговорил о буровиках.

— Бригада буровиков, которая сейчас формируется, скоро двинется в путь, — сказал он. — Тут, видимо, кое-кто присутствует из этой бригады, — так вот этим товарищам предстоит найти надежное место для будущей ГЭС...

Славка толкнул Константина локтем. «Это про нас, что ли?» — шепнул он. Константин не ответил, он понял, что именно о них говорит начальник экспедиции, и боялся пропустить хоть слово.

— Ориентировочно место намечено. Однако за буровиками решающее слово. Если их керны покажут надежность породы, через несколько лет в том районе вырастет город и электростанция. А вы прекрасно знаете, как нужна электростанция нашим дальним рудникам и приискам.

«И здесь, на краю земли, есть свое дальнее», — подумал Константин.

— Путь до места предстоит сложный, — продолжал начальник. — Три сотни километров по безлюдной тайге — это считая от Уруна...

Вчера это было сказано, а сегодня начальник аэропорта, которому Константин со Славкой уже изрядно надоели, обрадовал их — долгожданный грузовой вертолет может взять их до Уруна.

Вскоре с запиской-распоряжением на вылет, перекинув через плечо рюкзаки, ребята уже шли по аэродрому, разыскивая нужный вертолет.

Ветер рвет ворот бараньего полушубка, кидает в лицо колкий снег, вихрит, лохматит сугробы.

Славка, очевидно, и не предполагает, что некоторые от природы молчаливы и терпеть не могут слишком говорливых. Ничуть не задумываясь о том, слушает ли его Константин, треплет без умолку:

— А я даже и не думал в институт идти. Единственное, что хочется — ездить, ездить, ездить. С весны здесь, бросают грузчиком на подхват то в один поселок, то в другой, то на «стрекозе», то на «Аннушке». Здорово! Лучше,

чем на одном месте сидеть! А на Севере, знаешь, не считают расстояния на километры, вот так: один, два, три часа лета...

Славкина «Спидола», перекинута на ремне через плечо, на всю округу разносит лихие джазовые ритмы.

— Да помолчи ты! — взмолился Константин. — Голова уже трещит!

Разыскали нужный вертолет. Славка забарабанил кулаком по металлу. Дверца кабины открылась. Пилоту не понравилась, видимо, Славкина бесцеремонность.

— Что тебе, мальчик?

— Твоя телега на Урун.

— Допустим.

— «Допустим...» Распустили вас, понимаешь. — Славка хмурит белесые брови и, встав на ступеньку, протягивает пилоту приказ начальника аэропорта. Пилот морщится, но приказ есть приказ.

— Скоро летишь? — нетерпеливо осведомляется Славка.

— Через двадцать минут.

Славка попробовал открыть дверцу в грузовое отделение. Она была заперта.

— Открой, не видишь, что ли?

Пилот ответил не сразу. Он не спеша закурил, потом беззлобно предложил Славке:

— Лучше пока на морозе постой. Очень уж голосистый ты. А там, гляди, и поохрипнешь. — И захлопнул дверцу.

— Вот гад! Здорово он меня! — восхищенно сказал Славка, улыбаясь во всю рожу.

— Зачем ты так? — недовольно спросил Константин.

— А что? — оправдывается Славка. — Пусть не выпендривается.

— Сам бы на себя посмотрел...

Пилот, наконец, открыл дверцу. Славка и Константин забралась в багажное отделение, заваленное буровыми штангами, коронками, двигателями, ременными передачами.

Не успели как следует разместиться, машина мелко затряслась, запрыгала на месте. От рева и грохота заложило уши.

Славка прокричал:

— Перегружена! Никак, сердешная, не оторвется!

Наконец вертолет подпрыгнул еще раз и не полетел, а тяжело полез вверх. Через иллюминатор Константин увидел на аэродроме удаляющиеся зеленые машины.

Тайга, скалы, сопки, горные хребты... Исхлестанные дегтярно-черными тенями, они тянулись в бесконечность. Белизна снегов била в глаза. То, что не было черным и белым — частые островки, — невесть отчего светилось и розовым, и голубым, и зеленым, и казалось, что это на земле распустились сказочные цветы. От колдовской игры света иногда вся гора казалась цветною. Внизу проплывала высоченная оранжевая гора. А там, на востоке, появились сразу две сиреневые горы. Они были легкими, невесомыми, как два облака, и чудилось, что плыли над землей. Сверкали дневные звезды. Над дальней грядой повисла круглая глыба солнца. Она была совсем не яркой, как глыба из красного гранита, и Константин невольно засомневался: солнце ли это? От его ли лучей так сверкают снега и цветут горы? Изредка внизу проплывали выжженные свирепыми пожарами плешины. Зловеще гляделись черные, без единой ветки обуг-

ленные стволы деревьев. Но солнце светило так ярко и так блестя снег, что страшные картины таежных пожаров быстро забывались, и Константин было весело, радостно.

— Здорово! — сказал он.

— Недаром Крайний Север Дивной планеты окрестили!.. — ответил Славка и замолчал, во все глаза глядя на землю.

Через два часа полета, стиснутый со всех сторон тайгой, показался Урун. Поселок большой: длинная, с километр, улица, множество переходящих от нее проулков. Все проулки выходили к складам. Склады — это и длинные бревенчатые амбары, и штабеля ящиков под открытым небом. Их тысячи, маленьких и больших ящиков, быть может, десятки тысяч. Внимание Константина привлекло огромное скопление черных предметов, похожих на валуны. Когда вертолет начал спуск, он разглядел, что это не валуны, а бочки из-под горючего.

Славка объяснил: Урун снабжает продуктами, буринвентарем, горючим сотни геологических партий, разбросанных в округе.

И аэродром оказался большим. На нем отдыхали и «Аннушки», и вертолеты, и даже ИЛы-14. Машина приземлилась. Они спрыгнули на снег. Константин все звуки слышал сейчас будто через слой ваты; кроме того, его слегка поташнивало от болтанки.

Они помахали пилоту и, закинув за плечи рюкзаки, направились в поселок.

— Не срамись! — сказал Славка. — Развяжи ушанку и опусти ворот. Что ж ты будешь делать в декабрьскую стужу? Бери пример с меня.

Несмотря на мороз, он действительно держался ухарски: шапка сдвинута набекрень; на волю выпущен чуб, прихваченный изморозью; верхняя пуговица полушубка не застегнута, виден треугольник тельняшки.

Славка, очевидно, уже считал себя кореным северянином.

II

Северяне не говорят: большой мороз, страшный мороз. Они говорят: мороз давит.

Мороз давил. Дикий холод заставлял людей сгибаться в три погибели, насквозь промерзшее дерево будто из железа сделано — без сноровки не вобьешь в него гвоздь. В магазине продавали яблоки. Их надо несколько часов оттаивать в воде, иначе не то что зубами разгрызть — и топором не разрубишь.

Нет, мороз не щиплет щеки. Здесь это выражение никак не подходит. И не жжет. Злая стужа, кажется, рвет на части твою кожу. Не спасают меховые рукавицы, даже специальные перчатки с обогревателем от карманных батареек. Даже привычные к лютному холоду северяне не щеголяют с открытыми лицами. Обматываются теплыми шарфами так, что лишь глаза проблескивают.

Как-то Константин не на шутку испугался, встретив человека на улице с черным лицом. Как выяснилось, человек был в шерстяной маске с прорезьями для рта, ноздрей и глаз.

Ветра не было, словно он застыл на лету. Оживает ветер с первой оттепелью. Дым из труб ровно шел к небу. «Дым колом стелет», — говорят северяне.

Плотнее, гуще стали морозные туманы. Невесты по каким законам они медленно передвигались

по Уруну, отдыхая по несколько дней то в одном, то в другом месте. Случалось, что громадное непроницаемое облако накрывало аэродром. Видимости не было, и самолеты не принимали. Тогда в воздух подымался вертолет, долго кружил над аэродромом, рвал, разгонял мощным винтом облако. Или палили по туманам из пушек специальными зарядами. Плотные рваные куски, тяжело ворочаясь, передвигались в сторону и вновь сливались в единое облако.

В родных местах Константин привык видеть небо красным лишь на зорьках. А здесь красная полоса, тянувшаяся по всему горизонту, не исчезала и днем. Наоборот, в полдень она расширялась и светилась не тонко и нежно, как зорька средней России, а густо, злоеюще. Такое на Дивной планете случается, когда мороз давит.

На делянке, над крутым обрывом, недалеко от Уруна, где бригада рубила сани-волокушу, а тракторист Никита Иванович ремонтировал свой «С-80», — не умолкал спорный перезвон топоров, хрип пилы, звонкие удары металла о металл. Уже были спилены, ошкурены и окантованы две огромные толстые лиственницы для основания волокуши. Теперь кто заготавливал жерди для настилки, кто рубил времянку, кто обивал бревна сталью.

— Не ленись, не ленись! — иногда весело покрикивал Федор, старший мастер, раскрасневшийся, с заломленной ушанкой, несмотря на страшный холод. — Не понимаю, за что я вам деньги платить буду?

Федор мужик вроде бы неплохой, но имел одну слабость: каждую удобную минуту напоминал, что он — начальник. Константина это бесило.

— Нам деньги будете платить не вы, а государство, — поправлял он.

— Не перечь начальству! — Это орал Славка, помогавший в ремонте трактора Никите Ивановичу.

— Государство — это я, — напоминала техник Таня.

— Гы-гы-гы!.. — А это Диму проняло.

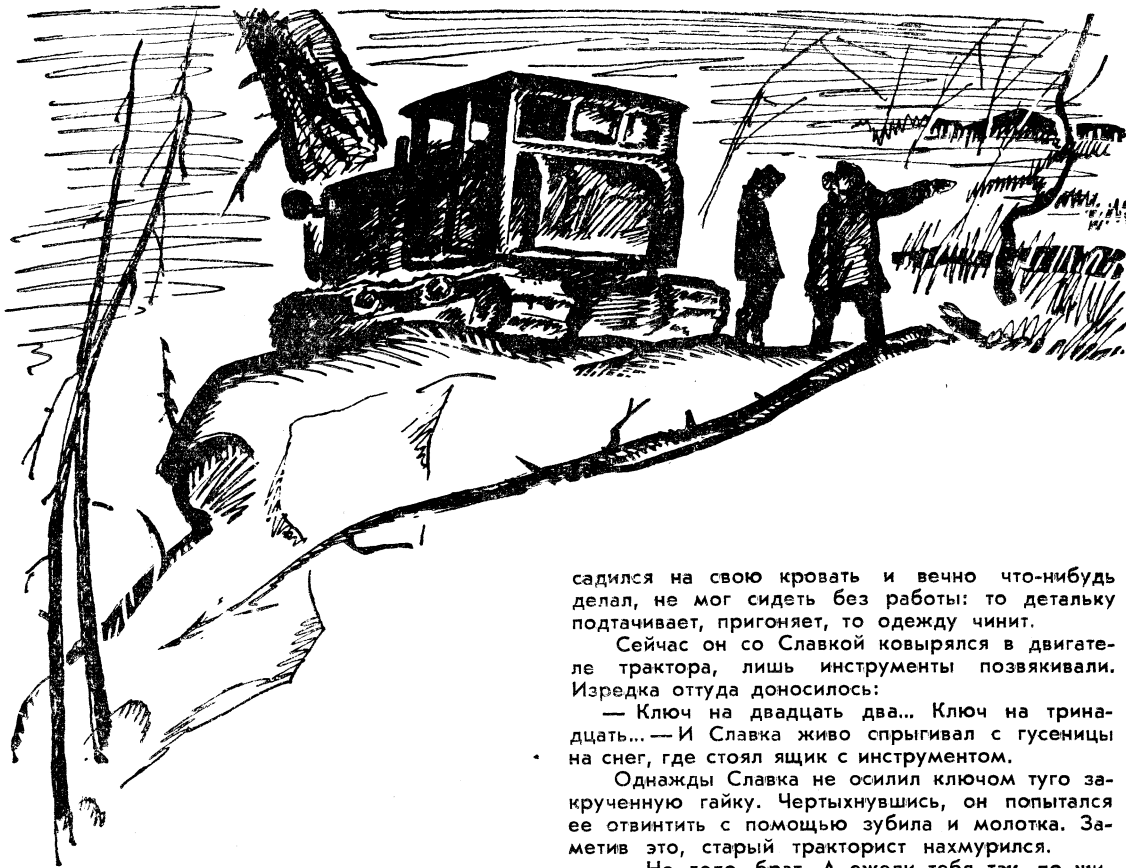
Диму Славка прозвал Бульдозером за силу его и неуклюжесть.

Вот и вся бригада. Не хватало лишь одного рабочего, которого никак не найдет старший мастер, — с рабочими руками на Севере туго.

Руки мерзли. Ноги немели. Щеки мороз будто тупым ножом резал. А работать надо. Преду-преждали — не курорт. За день так намаешься, что по утрам с койки не встаешь, а сползаешь, постанывая. Основное, выдержать первые час-полтора работы — и вновь разомнешься.

Константин хоть и сердился на Федора, не мог не ценить его выносливости. Все горело в руках старшего мастера. Работал он увлеченно, вроде бы и не было на свете более интересного занятия, чем плотничье дело. А ведь он не плотник — он техник. На офицерском поясе, туго стягивающем полушубок, — пистолет в кобуре. Начальству в тайге положено. Федор стал брать с собою оружие после того, как к делянке вплотную подошли два волка. Днем подошли, и поселок — рукой подать.

Федору было под тридцать. Ростом мал, но очень широк в плечах, все у него скроено крепко и основательно: и толстые короткие ноги, надежно защищенные от морозов собачьими унтами и ватными брюками, и бычья шея, буграми

выпирающая из-под глухого ворота мохнатого свитера, и мускулистые руки. И черты лица грубы, хотя и не безобразны: резко очерченный рот, горбатый нос, широкие черные брови; глаза неопределенного серого цвета, но взгляд тверд и властен. Был Федор немногословен, но мысли выражал ясно и коротко; слова его ложились во фразы весомо и просто, как булыжники в мостовую. Кроме тракториста, его никто не решался назвать на «ты».

Никита Иванович, как недавно рассказал Федор Константину, жил на Севере четверть века, с сорок шестого года. После войны Крайний Север остро нуждался в рабочих руках, и горком партии направил его сюда на три года. А потом уехать в родной Ленинград Никита Иванович не пожелал: полюбил этот морозный край, да и семьи у него там не было — две дочки и жена умерли от голода во время блокады. С тех пор работал трактористом в Гидропроекте. Недавно Никите Ивановичу исполнилось шестьдесят, и за безупречную работу правительство присвоило ему звание Героя Социалистического Труда.

Во внешности Никиты Ивановича не было ничего примечательного. Обыкновенное лицо рабочего-северянина с задубевшей от морозов кожей; разве что запоминались глубокие и частые морщины да густые, жесткие, совершенно седые волосы. Константин ни разу не слышал, чтобы Никита Иванович повысил на кого-нибудь голос. Приходя вечером в барак-общешитие, он

садился на свою кровать и вечно что-нибудь делал, не мог сидеть без работы: то детальку подтачивает, пригоняет, то одежду чинит.

Сейчас он со Славкой ковырялся в двигателе трактора, лишь инструменты позвякивали. Изредка оттуда доносились:

— Ключ на двадцать два... Ключ на тринадцать... — И Славка живо спрыгивал с гусеницы на снег, где стоял ящик с инструментом.

Однажды Славка не осилил ключом туго закрученную гайку. Чертыхнувшись, он попытался ее отвинтить с помощью зубила и молотка. Заметив это, старый тракторист нахмурился.

— Не дело, брат. А ежели тебя так, по живому? Техника-то, она требует, чтобы с ней на «вы» обращались.

Иногда Никита Иванович не прочь был подтрунить над своим напарником. Как нынче, например. Спросил утром:

— Так ты питерский, говоришь?

— Питерский, Никита Иванович! — бойко ответил Славка.

Перед обедом опять:

— Так ты питерский, говоришь?

— Питерский, Никита Иванович!

— А я что-то в Питере таких курносых не видывал.

У Славки, конечно, рот до ушей и приступ хохота.

...К концу дня Никита Иванович тщательно вытер концами руки, достал из кабины тонкий кожаный ремень и обернул им диск завода. Все замерли, оставив работу. Заведется ли двигатель? Целую неделю ремонтировали его тракторист и Славка, пропахли маслом и соляркой, пальцы обморозили.

— Тьфу! Тьфу! Тьфу! — плюнул через левое плечо Славка.

Никита Иванович намотал на руку ремень. Сильный рывок. Двигатель чихнул раз, другой и заработал на малых оборотах.

— Это вам не топором тюкать, здесь соображение требуется, — сообщил бригаде Славка.

Тракторист неуклюже слез с гусеницы и направился к Федору.

— Порядок, Федя. Теперь можно тебе помогать.

— Так ты ж тракторист. Не обязан.
— Свои люди — сочтемся. Когда-то и я плотничал...

Константин, воткнув в дерево топор, подошел к работающей машине. Славка, крадучись, залез в кабину. Зашептал товарищу:

— Молчи. Я прокачусь немного.

— А ты умеешь?

— Еще бы! Элементарщина. Как телега.

Константин немного умел управлять трактором, и ему тоже очень хотелось прокатиться, но без разрешения — побаивался.

Славка поочередно потрогал все рычаги, прежде чем «С-80» взревел и не тронулся, а рванулся с места. На предельной скорости он вломился в тайгу, легко подминая под радиатор деревья.

Федор и Никита Иванович несколько секунд оторопело глядели вслед удаляющемуся трактору. Потом старший мастер закричал:

— Стой! Там обрыв!.. — И все бросились вдогонку.

Константин первым прибежал к заглохшему «С-80». Машина стояла в метре от обрыва, упершись радиатором в толстенную лиственницу. Эта лиственница и спасла от катастрофы. Иначе бы трактор и Славка разбились вдребезги — обрыв был крут, дно оврага шетинилось острыми камнями, горами обледенелых валунов.

Славка стоял возле трактора бледный, с трясущимися руками. Федор вплотную подошел к нему. Славка не шелохнулся. Отдышавшись, старший мастер спокойно сказал:

— Завтра же иди на все четыре стороны. Таких ублюдков в бригаде держать не стану.

Славки не было в общежитии ни вечером, ни ночью. Константин бегал по всему Уруну, но так и не нашел его. Решил: если Федор действительно его уволит, то пропади все пропадом, уйдет и он, Константин. Потому что Славка — отличный малый.

Заявился Славка утром, когда бригада собиралась на работу. Молча вытащил из-под кровати свой рюкзак и направился к выходу.

— Стой, — тоном приказа сказал Федор, и Славка замер в дверях. — Решили оставить тебя. Иваныча благодари. Он меня упросил.

Славка стоял с разинутым ртом и хлопал глазами до тех пор, пока Константин не взял из его рук рюкзак.

— Пора на работу, — сказал Федор и первым вышел из барака.

Никита Иванович положил на Славкино плечо руку и предложил:

— Хочешь, трактором управлять научу?

— Не знаю... — выдавил из себя Славка.

— Да хочешь, по глазам вижу. Эх ты, питерский!

И Никита Иванович посмотрел на него потеплевшими глазами.

Константин подметил: старый тракторист так, тепло, начал смотреть на Славку после того, как узнал, что он бывший детдомовец.

III

В Уруне много бродячих лаек. Но их никто не обижал, собак тут, даже бездомных, любили и при случае — подкармливали.

Константин заметил как-то у барака рослую, белую лайку, необычно пушистую, с черными чулками и черной звездой на лбу. Уго-

стил ее кусочком сахара. Следующим утром собака уже ждала его у двери. Константин вынес ей кости. Лайка увязалась с Константином на делянку и ни на минуту не спускала с него преданных, умных глаз. Других своих собратьев она за версту не подпускала к новоявленному хозяину.

Во время перекура Славка и Константин, шутя, начали бороться. Изображая слабенького, Константин упал на спину, на снег. И тут же лайка бросилась на Славку, повалила его и выдрала из полушубка изрядный клочок. Трудно сказать, чем бы все это кончилось, если бы Константин не вскочил, не отогнал собаку. Это был единственный случай в Уруне, когда собака напала на человека.

Константин привязался к лайке. Несмотря на бурный Славкин протест, он решил взять собаку с собою в партию. Имя лайке придумывали сообща. Федор предложил окрестить собаку Бобиком, Славка — Зверюгой, Таня — Рексом. Сошлись на Рексе. И лайка за день усвоила кличку.

Константин купил охотничий нож в кожаных ножнах и малокалиберную винтовку. Отъезжающим в партию, в глухую тайгу, с разрешения милиции, можно было купить оружие. Но милиционер дал разрешение на покупку винтовки только одному Константину, пояснив:

— Хватит с вас и одной. Озоруя, перестреляетесь, а мне потом отвечать...

Под вечер в воскресенье все были в бараке, и Таня пришла из женской половины общежития сразиться в шахматы со Славкой.

Константин, заткнув уши, занимался — он захватил из дома учебники и вновь готовился в свой авиационный. Ежедневно по два-три часа в день. Как бы ни уставал.

У каждого было нынче какое-то дело — кто читал, кто чинил одежду, — а вот Дмитрий лежал на койке, растянувшись во весь свой богатырский рост, положив ноги на железную спинку. На толстых пальцах правой руки жирная татуировка: «ДИМА», на кисти — пошлое сердце, пронзенное стрелой. Черная челка, одутловатое лицо с мощным подбородком, глаза небольшие, серые, взгляд — равнодушный. На вид этому парню не меньше двадцати четырех, и Константин удивился, узнав, что Дмитрий всего на полтора года старше его.

Такого лодыря еще свет божий не видывал, хотя и чувствовалось, что Дима умеет работать. На делянке вечно находил причину увильнуть: то закурит, то сядет портянки перематывать. Иногда Славка не выдержит и крикнет:

— Бульдозер! Кончай сачковать, совесть иметь надо!

Дима и бровью не поведет. Лишь иногда философски заметит:

— Совесть-то, ее купить можно, а здоровье не купишь. Пушай машины работают, они из стали.

— Придурок несчастный! Пожить бы тебе в детдоме!..

Федор почему-то не вмешивался, лишь изредка с прищуром поглядывал на Дмитрия.

Константин оторвал взгляд от учебника и украдкой посмотрел на Таню. На делянке, в огромных валенках, закутанная, она напоминала неуклюжего медвежонка. Здесь же совсем

иная — маленькая и изящная, в брюках, тщательно отутюженных и заправленных в кожаные сапожки на меху, и белом тонком свитере «водолазке». Светлые волосы пострижены коротко, под мальчишку. Однажды на танцах — бригада иногда ходила в клуб на танцы — какой-то парень, пробираясь в центр зала, тронул ее сзади за плечо и попросил:

— Дай-ка пройти, малый.

И извинился, увидев перед собою девушку. Таня вся вспыхнула. Константин был рядом, и это, кажется, смутило девушку больше всего.

На делянке Тане работать необязательно, она — техник. Ее дело — сортировка и упаковка кернов там, на месте будущей электростанции. Но Таня каждый день трудится наравне со всеми. Не передохнет, пока Федор не объявит перекура, хотя в конце смены от усталости на ногах не стоит. Странная она какая-то, думает Константин. То задумчивая, слова не скажет, то прохохочет весь день, едко подтрунивая над Славкой или Дмитрием. Как сейчас, например. Славка, проигравший ей пять партий подряд, смахнул с шахматной доски фигуры, мрачно заявил:

— Отлично играешь. Молчу. У тебя мужской склад ума.

— А у тебя что — женский? — последовал вопрос.

Славка вместо ответа на полную громкость включил «Спидолу». Он считал себя неотразимым остроловом, но состязаться с Таней не решился с первого дня знакомства.

IV

Найден последний рабочий: молодой звенк Савелий, местный житель...

Отъезд!

Еще с вечера «С-80» подогнал прямо пахнущую смолою волокушу к общежитию, и в дощатую времянку, установленную на передке волокуши, перенесли вещи, спальные мешки, чтобы не мешкать с утра, сразу выехать.

Весь день перед отъездом ушел на подключение со складов бурового станка, двигателя, универсального чешского токарного станка, бочек с горючим, продуктов на четырнадцать дней пути. Все это было расчетливо размещено на волокуше и увязано стальными тросами; станки и двигатель для верности приболтили к полу.

На ночь установили поочередное дежурство: «подкармливать» костер под трактором, чтобы с утра сразу раскрутить двигатель. От дежурства освободили одного Никиту Ивановича. Трактористу перед дальней дорогой надо было хорошо выспаться.

— Подъем! — раздался в шесть утра зычный голос Федора.

Наскоро почистили зубы, умылись и съели полный обед, наваренный с вечера.

Первым из-за стола поднялся Федор, приказал:

— Осмотреть барак: не забыли ли что?

Никто ничего не забыл.

Федор во главе бригады уже было двинулся к выходу, поправляя карабин и кобуру револьвера, когда Никита Иванович остановил всех укоризненным вопросом:

— Иль не русская земля вас родила?..

Константин все понял. Но до Федора не дошло:

— В чем дело, Иваныч?

— Присядем-ка по обычаю. Иначе пути не будет.

— Да брось ты, Иваныч. Мы в приметы не верим.

Однако присел вместе со всеми и даже шапку снял...

Поселок еще спал, освещенный луною и звездами. Со стороны аэродрома ползло плотное облако.

В свете тракторных фар, провожаемый своими многочисленными домочадцами, появился Савелий. За плечом у него висел туго набитый самодельный рюкзак из оленьей кожи.

— Разве ты не берешь с собой карабин? — спросил его Константин.

— Мой карабин на время переходит братишке. Ему уже двенадцать, с отцом-матерью на охоту ходить будет.

Братишки и сестренки не озорничали, стояли в стороне, почтительно глядя на брата-кормильца; тот, кому на время переходило оружие, выглядел совсем мальчуганом, карабин был чуть меньше его самого.

Родители прощались с Савелием сдержанно. Мать на мгновение прижалась щекою к сыновнему плечу; отец пожал руку.

— Оборони вас бог от напастей! — обращаясь ко всем, сказал отец.

Откуда-то вывернулся Рекс и, уцепившись зубами за полу полушубка Константина, потянул хозяина прочь от волокуши. Пес, видимо, понял, что хозяин уезжает, а его оставляет здесь. Но Константин поднял Рекса на руки и отнес во времянку. Что тут сделалось с Рексом! В порыве благодарности он прыгнул на грудь Константину, лизнул его в щеку. Радостно взвизгивая, обжегал всех, даже Славку, которого недолюбливал, не обошел вниманием.

— Пошел! — крикнул Федор Никите Ивановичу.

Трактор взревел и поехал.

Все вышли из времянки на волокушу проститься с Уруном.

Огоньки уже зажглись в избах и юртах. Люди собирались на работу. Два мощных столба света от тракторных фар вздрагивали, метались на неровностях проселка, упираясь то в косяк избы, то в часток палисадника, то в горы сугробов. Снег в ярком свете вспыхивал разноцветными блестками.

Слева проплыл клуб.

— Прощайте, танцы, прощай, цивилизация! — то ли серьезно, то ли в шутку воскликнул Славка.

Станный он все-таки парень. Недолго погрузил после того, как чуть не угробил и себя и «С-80». Случись такое с Константином, он бы и за месяц не отошел.

Мелькнула в свете фар последняя изба на отшибе. И вот уже трактор на таежной дороге. Теперь фары освещали листовницы, валуны, морщинистые стенки скал и бесконечные снега, снега в разноцветных блестках.

— Нечего попусту мерзнуть, — сказал Федор и открыл обитую войлоком дверь времянки.

Две керосиновые лампы «летучая мышь», подвешенные на потолке, подвернуты на полную яркость; пол, еще перед отъездом весь в окурках и стружках, тщательно подметен; из спальных мешков, лежащих на нарах, высовывались аккуратно заправленные треугольники про-

стынь, подушки взбиты; «буржуйка», раскалившись, уютно гудит; стол покрыт белой полотняной скатертью.

Это постаралась Таня.

— И чтобы такая чистота была всегда, — строго сказала она. — Свиарника не потерплю.

— Правильно. Чистота — залог здоровья, — поддержал ее Федор.

Во времянке тепло и уютно, лучше, чем в общежитии, и плавное покачивание от езды не утомляет, а наоборот, успокаивает. Иногда под полом слышится долгий режущий звук: это на дороге попался камень и задел жердяной настил.

Федор коротко описал маршрут, который со слов начальника экспедиции уже знали Константин со Славкой: четырнадцать дней гусеничного хода по тайге, где нет ни городка, ни поселка. Рассказал о будущей работе. Предстояло пробурить две скважины. Рассчитывает управиться до весны. На днях вертолет забросит на точку продукты до весны и еще кое-что из инвентаря. Они же запаслись съестным на время следования, иначе все не разместилось бы на волоку-

ше — всю площадку саней заняли буровой станок, двигатель, бочки с соляжкой.

— Работа ответственная, даже очень, — продолжал Федор. — На нас, можно сказать, большая надежда. К чему это я все говорю? А к тому, товарищи, что дисциплина солдатская у нас должна быть. В экспедиции разгильдяйство до добра не доводит, это хорошо знаю, девятый год в буровых мастерах хожу. Сам я мужик строгий и со своих подчиненных со всей строгостью спрашивать буду, уж не обессудьте. Случись же что с вами, я первый под суд пойду. И другое: сам работать люблю, знаете, не хвастаюсь, и с других работу спрашивать буду. Не получится что — помогу, но лодырничества не допущу. — Здесь старший мастер взглянул на Дмитрия. — На дармовщинку в городе прожить можно, а не в тайге... Вроде бы и все. Вопросы есть?

— Вы сказали, что продукты вертолет скоро забросит на точку. Как же они там без присмотра? Ведь зверье все сожрет, — поинтересовался Константин.

— Для этого на деревьях устраивают лабазы. То есть дощатые домики. Там и хранятся

продукты, ни один зверь, кроме медведя, до них не доберется. Рысь не в счет: силенок не хватит домик сломать. Медведь же зимою, как сам знаешь, спит в берлоге. А шатун, ну... испуганный медведь, встречается редко,— объяснил Федор.

— А вдруг заблудимся?— предположил Дмитрий.— В такой мороз сразу копыта отбросишь.

— Это ты из головы выбрось раз и навсегда. Иваныч здешнюю дорогу как свои пять пальцев знает, любого звенка-проводника за пояс заткнет. Маршрутная карта есть. Есть и рация— я за радиста,— со штабом экспедиции связь. Уж коли что стряется— вертолет вышлют.

— И у меня вопрос,— сказал Славка.— Вы утверждаете, что в городе на дармовщинку прожить можно. Я сам городской, но такого не понимаю.

Тоном, не допускающим возражений, Федор объяснил:

— Одно дело штаны в конторе протирать и чесать языком, а другое дело— в тайге бревна на себе таскать.

Трактор вдруг резко остановился, сильно качнув волокушу.

— Что там еще? Костя, глянь,— попросил старший мастер.

Константин вышел на волокушу, поднялся на ящик и посмотрел вверх времянки.

— Лось! Лось!— закричал он.— Таня, быстрее! Лось!

Таня без полушубка выбежала из времянки. Сохатый замер посреди дороги, ослепленный фарами. Огромный, мускулистый, с мощным разветвлением рогов. Длинная морда-соха вся в изморози, даже сосульки свисают, а пар из ноздрей валит, густ и бел, до самых копыт.

— Страшный какой... и красивый!..— прошептала Таня и ухватила за плечо Константина то ли от страха, то ли чтобы не упасть с узкого ящика.

Фары на мгновение погасли. Когда они вновь зажглись, сохатого на дороге не было. Покрывая гул двигателя, в тайге трещали мерзлые сучья.

Константин провел пальцем по кончику носа и не почувствовал его: он был будто резиновый.

— Иди в тепло, обморозишься,— сказала Таня, вздрагивая от холода узкими плечиками, и потащила его за руку во времянку.

На четвертый день пути Константин так свыкся с походной жизнью, что уже не замечал ни работы тракторного двигателя, ни движения волокуши.

Если не случалось серьезной поломки с трактором, утром просыпались по-барски, в десятом часу (сладко спится, когда укачивает!). С полчасика травили анекдоты. И Славка, и Константин, и Таня, и Савелий. Иногда анекдоты рассказывал Федор. Избитый анекдот он рассказывал с таким видом, будто это было нечто свежее и чрезвычайно оригинальное.

Славка вежливо спрашивал старшего мастера:

— Разрешите засмеяться, Федор Ляксандрович? (Федор по батюшке — Александрович, но Славка упорно произносил его отчество именно так).

— Вот чудной! Конечно,— простодушно разрешал Федор.

Наконец старший мастер приказывал:

— Ну, подъем! Ох, разленились вы у меня без работы! А на буровой вкалывать надо.

— Трудно жить без работы,— отвечал Славка.— Но мы не боимся трудностей!

Всегда первой из-за занавески, отделявшей угловые нары, выходила Таня с неизменным:

— Ой, не смотрите на меня, заспанная я...

Зубы чистили тальм снегом (его же употребляли и в готовку), а умывались так: бежали за тихоходной волокушей, хватая пригоршни снега и растирая им лицо. До полотенца очередь доходила уже в тепле. Вытирались тщательно, чтобы не обветрела кожа.

Таня начинала хлопотать возле «буржуйки»,

готовить завтрак. Обязанности кухарки она приняла добровольно, как нечто само собою разумеющееся. Однажды, правда, тихо спросила Константина:

— Вкусно получается? Только откровенно.

— Вкусно,— покривил душой Константин.

— Я ведь никогда не готовила и дома терпеть этого не могла,— призналась Таня.— А здесь приходится. Дурацкий древний закон: стирать должна женщина.

На третий день пути выручил Савелий. Ему, очевидно, надоело жевать подгоревшую кашу и хлебать пересоленные щи, и он тактично предложил Тане:

— Можно, я помочь буду?

Поваром он оказался отличным. Решительно все знал: и как тесто замесить, чтобы лепешки получились пышные и вкусные, и как обжарить оленье мясо, чтобы оно не подгорело и одновременно не утратило своей сочности, и как приготовить из томатных консервов и сушеных фруктов острый кисло-сладкий соус.

Таня сразу оценила способности Савелия и терпеливо училась секретам кулинарного искусства.

Наконец завтрак готов. Славка проглатывал свою порцию, пулей вылетал из времянки и орал во все горло:

— Иваныч! Завтракать!

Славка торопился не без задней мысли. Пока Никита Иванович завтракал, Славке разрешалось вести трактор, правда, лишь на первой, черепаший, скорости. Никита Иванович давно уже подучивал Славку, и тот почти все дни проводил в кабине тракториста, которого стал называть ласково — «Иванычем», в чем, разумеется, не было ни малейшего намека на фамильярность. Прибе-

ЛЕТОПИСЬ В ЗНАЧКАХ

21 декабря 1965 года печать сообщала: «Сегодня первые десятки тонн сибирской нефти, пройдя по трубе четыреста километров, поступили в резервуары Тюменской станции. Нефтепровод Шаим — Тюмень построен, началась его эксплуатация. Лютые морозы, тайга и топи тормозили строительство. Дело решили твердостью характера, воля, высокая квалификация советских людей. Они расчистили около 700 гектаров трассы, переработали 1400 тысяч кубометров земли, сварили 72 километра стальных швов. Почти тысяча различных машин и механизмов помогали людям в труде, и люди победили». Участникам стройки был вручен нагрудный значок «Нефтепровод Шаим — Тюмень» (1).

гая на короткое время на времянку, Славка восторженно говорил Константину: «Иваныч — сила!» И по секрету передавал очередной рассказ, услышанный от Никиты Ивановича.

— В молодости он, оказывается, командовал отрядом в Средней Азии: басмачей бил. Говорит, звери они дикие, не люди. Однажды в разведку поехал с шестью бойцами и в плен к ним попал. Красноармейцев на глазах Иваныча пытали. Хотели дознаться, сколько человек и пулеметов в отряде. Бойцы погибли, но не выдали. Тогда к Иванычу чернобородый басмач в красном халате подходит и говорит: «Подумай ночь, командир. Не скажешь — смотри» — и распахнул халат на груди. А на груди татуировка: красноармеец с отрубленной головой. Ночью же Иваныча наши отбили... А в войну командиром танка был. Восемь раз горел!

Или:

— В Питере он с самим Кировым дружил. Говорит, веселый такой был, без шуток жить не мог. Знаешь, его как любили все!.. Что я рассказываю, никому ни гу-гу. Понял? Иваныч просил. Я уж тебе так, по дружбе.

Как-то Славка прибежал во времянку взволнованный и озадаченный. Горячо зашептал Константину:

— Иваныч предложил на «ты» его звать! Ей-ей! Что бы это значило? Ведь он мне в деды годится.

С этого разговора в голове Константина зародилась слабая догадка...

После завтрака каждый мыл посуду, убирал за собой со стола. Федор разворачивал маршрутную карту, разбитую на квадраты, и подсчитывал пройденные километры. Потом включал портативную батарейную рацию. Через день, ровно

в одиннадцать, была связь со штабом экспедиции Гидропроекта. Старший мастер выстукивал на ключе один и тот же короткий текст, менялась лишь цифра километража:

«Прошли (следовала цифра) километров. Все нормально. Старший мастер Люков».

Так же сухо и однообразно отвечал сидящий за сотни километров радист: «Вас поняли. Штаб экспедиции. Конец».

Впрочем, изредка случалось, что радистом оказывался некий Вовка, хороший приятель Федора, и тогда в эфир летели сугубо личные, порою озорные радиogramмы, запрещенные инструкцией:

«Вова, как там Надя поживает? Привет ей от меня. Федя».

«Надя в норме. Привет передам поцелуем. Твой кореш до гроба Вовка».

Все эти радиogramмы говорили бы Константину не больше того, что сказал бы мышиный писк, не будь Славки. Еще в детдоме он, оказывается, увлекался «морзянкой», занимался в кружке радистов и сейчас свободно принимал радиogramмы на слух. Весь процесс отправки и принятия радиogramм старшим мастером имел свое «кодовое» название, придуманное Славкой: «Связь с Надей».

После «Связи с Надей» Федор гнал своих подчиненных на мороз.

Начиналась ежедневная проверка: не разболтался ли груз. Если стальные тросы и веревки казались ослабшими, их подтягивали. Затем следовала заготовка дров на сутки. «Буржуйка» прожорлива. Во времянке держалось тепло, когда печка была раскалена докрасна. Стоило же дровам прогореть, как живо начинали индеветь потолок и стены, а в углах нарастать наледь.

В Директивах XXIII съезда КПСС по пятилетнему плану развития народного хозяйства СССР на 1966—1970 годы говорилось: «Создать крупный народнохозяйственный комплекс на базе вновь открытых месторождений нефти и газа, а также лесных богатств». В Тюменскую область поехали новоселы: строители и монтажники, буровики и нефтяники, студенты. Тогда и появились значки «Тюмень — Всесоюзная ударная комсомольская стройка» и «Тюмень — студенческая стройка» (2, 3).

18 января 1966 года из Москвы по радио было передано: «Сегодня строители газопровода Игрим — Серов, протянувшегося на пятьсот километров, закончили сварку последнего стыка трубы. Построенный трубопровод — своеобразный газовый мост между Сибирью и Уралом. Через несколько дней по нему голубое топливо Березовского газоносного района пойдет предприятиям Серова, а за-

тем заводам Нижнего Тагила, Свердловска и Перми». В ознаменование этого события были выпущены значки «Строитель газопровода» и «Игрим — Серов. Н. Тура — Пермь» (4, 5).

Памятная медаль была выпущена и в связи с окончанием сварки нефтепровода Усть-Балык — Омск. Это произошло 26 августа 1967 года на границе Тюменской и Омской областей. Длина новой подземной магистрали около тысячи километров. По размерам он уступил только трансевропейскому трубопроводу «Дружба» (6).

В октябре 1967 года строители закончили укладку железнодорожного полотна Тюмень — берег Иртыша под Тобольском. Это первый участок семисоткилометровой магистрали Тюмень — Сургут. Он сравнительно невелик — немногим более двухсот километров, но для строителей послужил своеобразной школой мужества. Их подвигу посвящена памятная медаль, вырезанная из зуба

Таяжная смекалка Савелия и тут помогла. По его предложению печку обложили тяжелыми булыжниками — разогретые камни дольше сохраняли тепло. Однако времянка — не рубленая бревенчатая юрта, тонкие стены времянки мороз прошибает легко, как револьверная пуля дощатую перегородку. Дров все равно нужно было много.

Работали не останавливая трактор, чтобы не терять времени. Константин и Славка, умудрившись натянуть кальсоны поверх валенок и ватных брюк, чтобы меньше черпать снега, прыгивали с волокуши и, утопая в сугробах, пробирались к заранее намеченному сухостойному дереву. Качнут раз-другой — и дерево с глухим треском валится, вздымая облако снежной пыли. Взвалив сухостой на плечи, они догоняли волокушу и бросали дерево на настил; Федор, Савелий и Дмитрий пилили его, кололи и укладывали поленья аккуратными штабелями. Отдышавшись, Константин и Славка намечали очередную сушину и с криками, гиканьем бросались на нее как на заклятого врага. Рекс, барахтаясь в снегу, был тут же. Он, очевидно, беспокоился, что Константин прыгнет с волокуши и больше не вернется.

— Шевелись, шевелись, работнички! — покрикивал Федор.

Любо было смотреть, как работал Савелий. Плотницкую работу на волокуше — перекобаченную дверь времянки поправить, полочку смастерить, выломанную камнем жердину настила заменить — все делал он. Ведь звенк-охотник — прирожденный плотник. Ремеслу этому он обучается круглый год, строя в тайге лабазы, зимовья, да и юрты в поселках всегда рубит собственными руками.

Казалось, Савелий никогда не уставал. Если звали на перекур, погреться во времянку, он смущенно говорил:

— Да ничего, не запарился... спасибо.— И продолжал трудиться.

Зато Дмитрий уставал. Ужасно уставал. Каждые пять минут. А работал будто из-под палки.

— Живее, живее пилу-то таяни! — раздраженно приказывал старший мастер. — Не стыдно лениться с такой-то харей?! — И угрожал: — Вставлю я тебе фитиля. Наплачешься!

Дмитрий же хоть бы покраснел.

...В полдень из-за скалы высовывался мглистый солнечный ободок, накрытый морозным маревом; совсем скоро он уходил, и уже в два часа смеркалось. Но до наступления темноты успевали дров заготовить достаточно, и это главное.

— Шабаш, — говорил Федор, и умаявшийся Славка, еле переводя дух, с облегчением сообщал, что очередная операция под «кодовым» названием «нижнее белье» успешно завершена.

А из времянки уже струились такие чудные запахи, что переводя текли! На еду после мороза и работы набрасывались с жадностью, словно недюлю не ели. Каждый проглатывал по два первых и два вторых. И еще просили добавки.

За обедом Константин невольно любовался Савелием. Как красиво он ел! Будто священнодействовал. И по-девичьи аккуратно. Возле него не было ни одной крошки. Если на тарелке оставался ломтик хлеба, он никогда не выбрасывал его, а клал на камень возле печки, сушил сухари.

Вот и отужинали. Савелий доставал большую шкуру оленя, прихваченную из дома, и начинал шить толстыми суровыми нитками. Теплейшие варежки уже были готовы. Теперь он мастерил крохотные меховые чулки. Константин догадался: подарок младшей сестренке. Золотые у него руки! Игла так и мелькает в пальцах.

Особых дел не было; Дмитрий и Федор, поймав по «Спидоле» интересную передачу, перекидывались в карты, в «дурака». Константин и Таня сидели за учебники. Они занимались вместе со второго дня пути. После того, как Константин увидел в Таниных руках толстый учебник по геологии,

кашалота (7). А через полтора года, 28 марта 1969 года, по крупнейшему мосту через Иртыш в Тобольск прибыл первый поезд из Тюмени. Новый мост вместе с насыпями протянулся на несколько километров. На памятном значке из кости вы видите этот тобольский мост (8).

В мае 1969 года была по-

ставлена под напряжение семисоткилометровая энергомагистраль Тюмень — Усть-Балык, рассчитанная на 500 киловольт. Для нее специалисты создали нержавеющие опоры, высотой в двенадцатитажный дом. При сооружении магистрали конструкции и людей на трассу доставляли вертолеты. Ее строили энтузиасты-романтики Ура-

ла и Сибири, Москвы и Башкирии. Все они получили памятный значок «Строитель ЛЭП» (9).

Так значки и памятные медали стали своеобразной летописью Всесоюзной ударной комсомольской стройки.

— Дальше учиться думаешь? — спросил он.
— Конечно. На геолога, — ответила Таня. — Ведь работа техника элементарна и скучновата, признаться.

— Откуда знаешь? Ведь только что техникум окончила, по специальности не работала.

— Работала. Папка меня всю дорогу в летние каникулы в свсю партию брал. Я по его дожке пошла. По-моему, лучшей профессии нет на белом свете.

— Он геолог?

— Да.

— Что ж тогда в его партию не попросилась?

Таня отвела взгляд в сторону. Тихо, чтобы слышал только Константин, ответила:

— Он в Саянах погиб, когда отряд через бурную реку переправлялся. В прошлом году, двадцать седьмого июня.

— Давай вместе заниматься? — предложил Константин.

Она отлично знала алгебру, в которой Константин не был силен. И вообще, он понял, что Таня гораздо способнее его. Это сильно задевало самолюбие Константина, особенно когда она, объясняя непонятную ему очередную алгебраическую задачу, не без раздражения говорила:

— Это же элементарщина, каждый восьмиклассник обязан знать!

В такие минуты Константин горько жалел, что предложил ей заниматься вместе.

Помнится, в первый день совместных занятий он, как обычно, через три часа начал складывать книги.

— Вроде бы хватит на сегодня.

— Что? Это ты серьезно? — удивилась Таня. — Три часа в день! Да разве это занятия? Другие день и ночь над учебниками просиживают и режутся на экзаменах.

И теперь нередко они откладывали учебники глубокой ночью.

...За окном уже давным-давно темень непроглядная, и на волокушу одному выйти страшно; все кажется: кто-то за ящиками притаился, вот схватит сейчас и утащит в тайгу. Лишь один рев трактора успокаивает. Но скоро двигатель гложет, волокуша останавливается. Значит, на сегодня хватит, значит, полночь. Отдых нужен не только Ивановичу, но и машине.

Усталый, с мазутными разводами на лице тракторист входил во времянку, за ним появлялся чумазый, как трубочист, Славка, лишь глаза да зубы блестели. Но он долго не умывался, и похоже было, что гордится своим измазанным лицом. Константин даже заподозрил: уж не нарочно ли Славка пачкал свое лицо?

Наконец все ложились. Но еще долго не смолкали анекдоты, остроумные и глупые, шутки, смешки. Но вот Федор приказывал:

— Спать, пустомели!

И все подчинялись.

Не спал лишь очередной дежурный. Работа его не из легких. Надо беспрестанно «подкармливать» и «буржуйку» и костер, разведенный под тракторным двигателем.

VI

Ничего подобного Константин еще не видел.

Наутро от сравнительно ровной местности не осталось и следа. Земля будто вздыбилась отвес-

ными скалами, сотнями сопок. Трактор осторожно, ощупно ехал над ущельем.

Тайга потянулась дремучая, рослая. Здесь не равнина, негде разгуляться частым на Дивной планете свирепым пожаращим: повсюду разбросаны природные преграды огню. Все в яркой зелени лиственниц, елок. Деревья росли даже на стенах пропасти и вкривь, и вкось, глубоко вгрызаясь корнями в скальные трещины.

Глядишь вокруг — все горы, все островерхие пики на десятки, на сотни верст, и вдруг остро, щемяще начинаешь понимать, как ты мал, будто снежинка, в этом мире, а жизнь человеческая покажется коротким, словно вспышка молнии, мгновением. И пронзительная тоска охватит тебя. Впервые в голову придет, о чем прежде не задумывался: зачем ты живешь? Какой след оставишь на земле? Память людскую, и только? Дьявольски мало!

Все это разом пронеслось в голове Константина, когда трактор ехал высоко в горах, а он стоял на волокуше и глядел, глядел вдаль...

За скалою, совсем рядом, подымалось солнце, казавшееся плоским, как диск, и — обман, наважденье! — Константину чудилось, что за солнечным диском все еще тянулись и горы, и хребты, и сопки. Вот слепящие лучи полосули по вершинам, ударили в глаза. Дегтярно-черные тени, окутавшие горы, сползли, опустились к подножьям, обнажая зелень тайги, пронзительную белизну снегов. Горы как бы раздевались донага, чтобы искупаться в лучах. Наконец, солнце резко остановило свое движение, будто зацепилось за гранитный выступ. И в этот короткий миг, пока оно не ушло обратно, за землю, свет начинает творить чудеса. Все пространство — в цветных прозрачных лоскутах. Лоскуты горели тонко и переливались. Вот перед глазами синее пространство. Плавная кисть через мгновенье скользила по этому пространству, и оно становилось нежно-зеленым, потом и коричневым, и голубым. И туманы, и снега казались цветными, всякую минуту меняя окраску. И — колдовство! — все это под дневными, лишь слегка обесцвеченными звездами и огромной луною.

— Я никогда такого не забуду... — услышал Константин голос Тани. Она стояла рядом.

— Хозяйка! — Голос Федора. — Обед простынет. Что не разливаешь?

— Обождите вы!..

Только теперь Константин почувствовал, что трактор стоит, а не едет. С большой неохотой он зашел следом за Таней во времянку.

Славку не пускали за рычаги управления: дорога опасна. Вернее, бездорожье, потому что трактор третий день ехал там, где проторенных дорог уже не было.

Все уже уснули, даже усидчивая Таня, намаявшись за день, отложила учебники, легла. А Константин, дежуривший в эту ночь, занимался. Никак не получалась алгебраическая задача. Он дал себе слово: пока не решит — не приляжет отдохнуть.

Каждые полчаса, сунув пистолет в карман полушубка, он выбегал на мороз «подкармливать» ненасытный костер под трактором. Выбежав с этой целью четвертый или пятый раз, Константин «подкармливал» костер и уже вновь вспригнул на волокушу, как невольню отпрянул назад. Бешено заколотилось сердце. Рука мгновенно

выхватила пистолет. Кто-то большой, неуклюжий пошевелился в темноте, сидя на ящике.

— Опустит пушку, дура.

— Т-ты, Дим?... — спросил Константин.

— Ну.

— Что делаешь? Я был уверен, что ты дрыхнешь...

Дмитрий не ответил. В слабом отблеске костра Константин заметил, что брови и небритые щеки Дмитрия взялись крепкой изморозью. Он присел рядом на ящик.

— Не заболел ли?

— Уйди... Я так.

— Что — так?

Дмитрий долго молчал, потом засопел и глухо ответил:

— Матушку я свою измотал, издергал... Во, глянь.— Он поспешно снял рукавицу, вытащил из-за пазухи небольшую фотографию и передал ее Константину. В отсвете костра он различил усталое лицо пожилой женщины.— Ей и сорока еще нет, а старуха старухой... Седая уже.

— А где отец?

— Отец? Одно название. Перед тем, как взяли меня, в деревню приезжал. Матушке: «Совсем приехал». Это, значит, погулял вволю, все года ни слуху, ни духу, а как плешивым стал, на покой, видишь ли, потянуло. Ну, мы ему с матушкой от ворот поворот. Пусть знает...

— А тебя за что?... — Константин осекся.

— Сельмаг обчистили. Шпанили, шпанили и доигрались. За дело, словом. Что получится, если все воровать начнут?..

— Да,— неопределенно сказал Константин.

— Что да? Что да?! — взелся Дмитрий и забрал фотографию.— Тебе что? Поработаешь — и в институт. У всех что-то да маячит впереди...

— А тебе кто мешает?

— Ты со своими книжками.

— Вот не думал.

— А я вот думаю... Иди, я посижу еще...

— Смотри, не замерзни.

— Уйди.

Прежде чем уйти во времянку, Константин еще раз подбросил дров в костер под трактором. Посмотрел на Дмитрия. Тот сидел на прежнем месте темной, неподвижной глыбой.

Никита Иванович только что остановил трактор, чтобы часок вздремнуть в кабине. Дров было наготовлено достаточно. Константин и Таня занимались. Дмитрий и Федор перекидывались в «дурака», тихо беседовали. Обычно Федор никому не рассказывал о своем прошлом, а сегодня разоткровенничался.

— Сам я сибиряк, и родители чалдоны коренные,— неторопливо рассказывал он Дмитрию.— Поселок за тридевять земель лежит, в медвежьем углу, Клещ называется. Батя сызмальства по старательской и охотничьей части пошел. А жилы золотые там, доложу тебе, богатейшие, триста лет еще брать не выбирать. До войны старателям привольно было, ох, и жили же мужики клещинские! А после победы попржижали старателя: казенных драг всюду наставили. Однажды специально к батю большому начальник из Москвы прилетел. «Вы, говорит, замечательный знаток этих мест и должны указать нам золотосные жилы, помочь народному хозяйству». Батя сдуру одну жилу им указал, другую, а потом за голову схватился: на шута ему премиаль-

ные, он в пять раз больше старательским трудом возьмет. И больше начальнику ни слова, фигу под нос. Да... И охота там отменная: и оденет, и прокормит. Никогда б оттуда не уехал.

— Что ж все-таки уехал? — поинтересовался Дмитрий.

— История одна вышла... Жениться по молодости лет надумал да отделиться. Бате: «Выдели, мол, долю на строительство, на обустройство». А он, как тому начальнику, и мне фигу под нос, потому как жаден очень. «Батя, говорю, в гроб-то с собой все не унесешь». За такие слова он меня кнутом отстегал в кровь да приговаривал при этом: «Я, говорит, сто лет еще жить буду, тебя, сукин сын, переживу». И вправду — крепкий, что дуб, переживает. Подумал, подумал, проку-то с бати, как с козла молока, да и на Север подался.

— Не зовет домой-то?

— Сколько лет уж не писали друг другу... Таня предложила устроить санитарный день. С ней согласились.

Из времянки вытащили все вещи, вплоть до рации, которую Федор с большой осторожностью поставил на жердяной настил волокуши, возле бочек с соляжкой. Начали кипятить воду, чтобы вымыть пол, нары и стол. Спальные мешки, подушки тоже вытащили наружу — проветрить и выбить.

Дмитрий, запустив обе пятерни в короткие волосы, поскреб голову и бросил Федору:

— Разве дело, начальник, хату прибираем, а сами грязные? В колонии, ей-ей, лучше было: каждую субботу в баню водили.

И у всех вдруг зачесались давно немые головы.

— Тело надо держать в чистоте. Правильно, — согласился Федор. — Придется подождать еще немного. На месте баньку выстроим, вот тогда и попаримся вволю.

— Пока, Бульдозер, не стесняйся, заводи блох, — посоветовал Славка.

— А Дима прав. Помыться бы не мешало, — сказал Константин. — Еще ехать да ехать, да и на месте не сразу же баню построим.

И Таня поддержала.

Старший мастер попробовал урезонить:

— Каждый из вас, товарищи рабочие, получает зарплату в два раза больше квалифицированного инженера. Почему? А потому, что вы имеете много разных надбавок. И отдаленные, и полевые, и морозные.

— В данном случае нас интересует надбавка за грязь, — заметил Славка. — Но такую надбавку Министерство геологии почему-то не ушло.

Федор пожал плечами и пошел советоваться с Никитой Ивановичем, в трудную минуту он всегда обращался за помощью к трактористу, только старался, чтобы другие этого не замечали.

— Что скажешь, Иваныч? Баню им надобно.

— В общем-то желание законное.

— Но где же мыться? Во времянке?

— Можно мне? — сказал прислушивающийся к разговору Савелий. — Выход есть, и неплохой. Наши охотники месяцами кочуют по тайге и придумали походную баню. Заготовят побольше горячей воды, настил из жердей под ноги, вокруг себя кольцом разводят сплошной костер и преспокойно моются.

— Но не при таком морозе! — возразил Федор.

— Именно при морозе. Я мылся. И было жарко, как в парной.

— Что ж, Савелий — человек тайги, ему можно верить, — сказал Никита Иванович.

— Попробуем, — разрешил Федор.

Сказано — сделано. Воду грели в огромной порожней бочке из-под солярки. Чтобы удобнее было черпать ковшем, при помощи зубила вышибли дно, потом тщательно промыли бочку и водрузили ее на раскаленную «буржуйку». Кроме того, одновременно грелись пять-шесть ведер, поставленных вокруг печки. Место для «бани» выбрали на большой поляне, чтобы не запалить тайгу.

Костер развели на славу. Пламя взвилось в полтора человеческого роста, а диаметр огненного круга, разорванного узким проходом, был метров десять.

Живо сколотили настил для ног. Бочку, ведра с горячей водою и настил внесли внутрь круга.

Константин предложил: пусть первой вымоется Таня, и все согласились. Мужчины тем временем прибирались во времянке.

Таня вернулась через полчаса. Лицо ее блело и сияло.

— Баня лучше городской! — сказала она.

— Следующий! — скомандовал Федор.

Но мужчины решили мыться вместе, так быстрее и веселее, благо на широком настиле все помещались.

Вышли из времянки. Каждый под мышкой держал смену белья, полотенце, мыло и торчащие во все стороны мочалки.

Разделись возле входа. Дрожа от холода, вбежали на круглую площадку, обвятую пламенем. А здесь было тепло, даже жарко! Только изредка жалили, кусали тело стреляющие угольки.

— Сочи! — крикнул Славка.

Никита Иванович заблаговременно запасся березовыми вениками, вернее, связками голых мерзлых веток. И попарились таким необычным способом. Ветки хлестали больно, как стальные прутья. Таня не соврала: эта «баня» была по крайней мере не хуже, чем обычная.

Один за другим выбежали из огненного круга. Константин замер, пораженный, не чувствуя того, что стоит босой на снегу.

Полнеба было озарено оранжевым. И в первое мгновение ему показалось, что горит небо, а не два высоченных, с четырехэтажный дом сухостоя, что торчали ближе других к костру. Пламени стоит хоть раз лизнуть сухостой — сухое дерево займется сразу.

Беды особой не было, потому что сплошная тайга стояла далеко. И Никита Иванович спокойно сказал:

— Одевайтесь поживее. Повалим их жердянами. Огонь в тайге грех оставлять. А я трактор с волокушей подальше отгону, как бы сухостой на них не грохнулся...

Мертвые деревья пылали, как два гигантских факела. По лицу хлестал жар.

Никита Иванович, стоя на гусенице, дергал ремень завода и чертыхался — двигатель, прорывав с полминуты, останавливался.

— Иваныч, помочь? — спросил Славка.

— Не надо... Что ж ты с ним поделаешь, третий день барахлит...

Федор и Дмитрий едва успели упереть жердину в пылающее дерево, исполинский факел

рухнул в глубокий снег. В небо взметнулось полотно, сотканное из сотен искр. Снег возле упавшего дерева зашипел, задымился, а ствол сразу обуглился.

Дальше все произошло в две-три секунды.

Федор и Дмитрий уже подходили с жердью ко второму горящему сухостю, намереваясь повалить и его. Но приставить жердь не успели — сухостой, подточенный огнем, рухнул без посторонней помощи. Удар пришелся по баку с горючим, прикрепленному позади «С-80», двигатель которого только что удалось завести Никите Ивановичу. Лесина переломилась пополам. Трактор, весь в масле и солярке, от жаркого огня вспыхнул как свеча.

— Иваныч!! — во всю глотку закричал Славка.

Но Никиту Ивановича не задело. Он стоял

по другую сторону кабины, возле диска завода, и успел спрыгнуть с гусеницы.

А длинные огненные языки накрыли уже и времянку, подбирались к бочкам с соляркой, что стояли на волокуше.

— Всем отбежать! — приказал Никита Иванович. — Может взорваться бак с горючим.

Приказ выполнили лишь Дмитрий и Федор. Барахтаясь в снегу, они отбежали на добрую сотню метров.

«Где же Таня?...» Константин сломя голову бросился во времянку. Внутри времянка еще не горела, но гарью пахло и здесь. Он отдернул занавеску, отделявшую Танины нары. Она безмятежно спала!

Константин сгрэб ее в охапку и выбежал наружу.

Спрыгнув с волокуши, успел заметить: кто-то исчез в кабине «С-80», объятай пламенем. А рядом метался Славка, загрозявая лицо от жара.

Через минуту из кабины вылетела тяжелая кувалда, а за нею вывалился Никита Иванович. Он покатился по снегу, сбивая огонь с одежды. Потом проворно поднялся, подхватил кувалду и приказал Славке:

— Как крикну — вскакивай в кабину и трогай трактор. — И с этими словами нырнул в пламя, под бак с горючим.

Константин догадался: выбивать из уключин стальной стержень, соединяющий «С-80» с волокушей. Надо во что бы то ни стало отогнать трактор от волокуши. На ней — горючее.

— Бум!.. Бум!.. Бум!..

Сначала звонкий удар. Глуше. Еще глуше. Значит, стержень поддается, вылезает! Наконец, последний удар, и голос Никиты Ивановича:

— Трогай!.. — И Славка прыгнул в кабину.

Мощный взрыв громыхнул в тот момент, когда трактор рванул с места. Пламя опалило Константина и Таню, хотя стояли они далеко.

Савелий и подбежавшие Федор с Дмитрием бросились сбивать пламя с Никиты Ивановича, неподвижно лежащего возле волокуши, Константин и Таня — со Славки, выскочившего из горячей кабины.

Потом начали тушить, засыпать снегом горящие времянку и трактор.

Наконец, пожар отступил. Времянка стояла черной — обуглилась, но не успела прогореть насквозь. «С-80» шипел и дымился. Бак с горючим за кабиной топорщился металлом и зиял огромной, от стенки до стенки, дырой.

Константин подбежал к Никите Ивановичу, сидящему на снегу. Над ним уже склонился Славка. Славка не так уж пострадал: опалены брови, ресницы, прожжены полушубок и ватные брюки.

— Иваныч! Иваныч!.. — беспрестанно повторял он.

Лицо Никиты Ивановича было совершенно без бровей и ресниц. Щеки, лоб, нос — сморщенные, ярко-красные.

Он долгое время молчал, играя желваками, уставившись в одну точку.

— Иваныч! Что с тобой?!

Никита Иванович посмотрел куда-то мимо Славкиной головы.

— Жив, жив, Славик...

Белки глаз у него были густо-красными.

— Немедленно идите во времянку. В аптечке есть мазь от ожогов, — сказала Таня.

Тракторист поднялся сам, без помощи.

Он сделал несколько шагов следом за Таней и ударился лбом о косяк времянки. Сказал извиняющимся голосом, не оборачиваясь:

— Черт! Темнотища... Стоит солнцу зайти — и сразу ночь...

Славка подбежал к трактористу, схватил за плечи. Помахал рукою перед глазами Никиты Ивановича. Его взгляд оставался неподвижным.

— Это ты, Славик?

— Я... Я!

— Ожог глаз — пустяки. Случается. Ермаков в танке горел. Ослеп всего на трое суток. А потом прозрел. Даже в медсанбат не ходил.

Славка прижался к груди Никиты Ивановича и в голос заревел.

— Ну, будет, будет. Проводи-ка во времянку да глянь, что с трактором. Бак-то другой можно приспособить.

Славка завел Никиту Ивановича во времянку и побежал к трактору...

Таня уже обработала мазью лицо пострадавшего. Она копалась в аптечке, переставляя склянки. Никита Иванович лежал на нарах, крепко сжав губы и устремив незрячие глаза в потолок. Он не издал ни единого стона, хотя Константин знал, как болит даже слегка обожженная кожа лица.

— Есть! — обрадованно, насколько можно было сейчас радоваться, сказала Таня, рассматривая наклейку на пузырьке. — Глазные капли. Применяются и при ожогах. По две капли три раза в день. Ложитесь пониже, Никита Иванович.

Хлопнула входная дверь, и вбежал Славка. Лицо его все было в мазутных пятнах.

— Кто это? Славик? — Никита Иванович приподнялся на локтях.

— Я...

— Что с трактором?

— Электропроводка вся обгорела...

— Ерунда. Что еще?

— Прицепная серья лопнула. Та, которая к заднему мосту крепится... Я виноват: слишком сильно рванул с места.

— Так и знал... — произнес Никита Иванович и тяжело вздохнул. — Ты-то успокойся, Славик, ты нисколько не виноват. В таких условиях и не то могло быть...

— Клапан еще оборвался.

— Хватит с нас и серьи... Трактор-то теперь, пожалуй, можно только в мастерской до ума довести... И серье нечем варить...

Возле волокуш на корточках сидел Федор. Он тупо смотрел на расплюснутую рацию, на которую упала от рывка трактора трехсоткилограммовая бочка с соляркой.

— Плохо дело, Федор, — сказал подошедший к старшему мастеру Константин, — Никита Иванович ослеп. Трактор вышел из строя...

— Что? — переспросил Федор.

— Никите Ивановичу худо...

— А-а, — махнул рукой старший мастер и встал, не сводя своего взгляда с покаленной рации. — При чем тут Никита Иванович! Связи нет! Связи! Видишь?!

ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ

КАРА БРЮЛЛОВ

1

Вокруг него струилась красота,
Мир без начала и без окончания,
Весь в красках, обретающих звучанье,
Весь в звуках, излучающих цвета.
Крово-красный громогласный цвет
Буреподобен,

искренен и внятен,
Когда в смешенье фантастичных пятен
Им обагрался медленный рассвет.
Минорной нотой пела желтизна,
Когда от кроны увядает крона,
Как будто в ней одной воплощена
Вся суть неумолимого закона!
А чернота была, как смерть, страшна,
Гремела мекфистофельским профундо,
Она рвалась, звуча ежесекундно,
В проеме ослепленного окна.
Но синева была слышна едва,
Как робкий подступ к зелени цветущей,
Которой наливается за пущей
Звенящая, как дисканты, трава.
Он мир цветов на звуки разлагал,
Затем слагал в цвета простые звуки,
Волшебный мир творили эти руки,
Которыми ни разу он не лгал.

2

Зима в Москве пышна снегами,
На окнах кружевная вязь,
Какой восторг, Москвой дивясь,
Неторопливыми шагами
Брести с Арбата до Тверской,
Седые клубы выдыхая.
Так вот она, Москва, какая,
Мой неусыпный непокой!
Двенадцать лет вдали, как вечность,
Как бесконечность тяжких дней,
Москва!

Что граций безупречность,
Что храмы Рима перед ней!
Милан классический далече,

Встречай, Москва,

я русский, твой!
А снег доверчиво навстречу
Летит и падает на плечи,
И кружит, кружит над Москвой.
И он согнал былую грусть,
Остатки давней ностальгии,
Увидев сердцу дорогие,
Твои края, святая Русь.
И скрип саней, и ямщиков
Протяжный оклик: «Э-эй, родны-я-а!»
И звон на сорок сороков
Твоих звонниц, Москва, Россия.
И переливы бубенцов
Под каждой радугой дугою,
Так вот она, земля отцов,
Не замененная другою,
Многострадальная земля,
Где все старо и все так ново,
И он стоял у стен Кремля,
Не в силах вымолвить ни слова.
Туманом застила слеза
Его глаза...

На Лобном — плахи
И над Москвой гремит гроза,
А под Москвой лютуют ляхи,
И самозванец на Москву
Ведет несправедное войско,
И на земле от крови скользко,
И кто-то падает в траву.
И по Москве летят гонцы,
Как в православный стольный праздник,
Понуро тянутся стрельцы
В недобрый день стрелецкой казни.
Он видел сквозь туман веков,
Сквозь пелену во влажном взгляде
Великий Новгород в осаде
И непреклонно-гордый Псков.
И, плавя бронзу алтарей,
Огонь бушует в русских храмах,
Сгорают в муках лики в рамах,
И богоборствует Андрей.
Былую Русь, ее бунты,

умов броженье
Переносило на холсты
воображенье,

Мерцали трепетно огни
В лампадах белых,
Еще он полон был в те дни
Порывов смелых.

3

Туман плывет над городом Петра,
Разведены мосты и ночь нависла,
О тягостные эти вечера,
Балы, собранья, «тет-а-тет» без смысла,
Шуршанье кринолинов, кивера,
Слепящий лоск дворцового паркета,
Улыбки дам в границах этикета,
И завтра будет то же, что вчера,
О тягостные эти вечера!
И августейший взгляд из-под бровей,
Переплетаясь щупальцами спрута,
Сжимает горло:

«Помни, будет круто,

Россия долг взыскует с сыновей...»
Он помнит все

и Царское село,
И в Царском то же царское чело,
И взгляд, остекленевший, полный злобы,
А полотно тускнело и цвело,
И живописцу на душу не шло
Живописанье царственной особы.
О чудо Красной комнаты!

Незрим,
Он может в ней укрыться, и столица
Покажется далекою, как Рим,
И в памяти усталой растворится.
И все-таки

пока живем — творим!
Вокруг него струилась красота,
Мир без начала и без окончания,
Весь в красках, обретающих звучанье,
Весь в звуках, излучающих цвета.

ПОРТ ВСЕХ ОКЕАНОВ

Завершить сооружение первой очереди глубоководного порта на Дальнем Востоке, в районе Находки.

Директивы XXIV съезда КПСС по пятилетнему плану развития народного хозяйства СССР на 1971—1975 гг.

Пароходо-корвет «Америка» терпел бедствие, застигнутый яростным ураганом. Низко неслись лохматые тучи, и волны, касались неба. Поврежденный корвет то падал, как в пропасть, в распадок между гигантскими волнами, и весь корабль — до верхушек мачт — скрывался за стеною воды, то взлетал на кипящий гребень, и тогда вдалеке, на северо-западе, выхватывал глаз неровную полоску земли. «Будем выбрасываться», — решил капитан и приказал держать курс на берег...

Стремительно надвигались скалистые гряды. С ревом и грохотом разбивались о них взбешенные волны.

Корабль, конечно, погибнет, но, может, спасутся люди.

И вдруг, как подарок судьбы, — за грохочущими сопками открылся просвет, где волны и ветер были потише. Еще немного, и обреченный корвет скользнул под прикрытие скал в неведомую спасительную бухту...

— Счастливая находка! — вымолвил капитан.

— Находка, — откликнулся обессиленный рулевой.

Так родилось имя новой бухты, а залив назвали Америкой — в честь пароходо-корвета.

Эту историю, ставшую легендой, нам рассказали в Находке. Возможно, что строгая истина и подробности уступили тут место романтическим обобщениям. Но факт остается фактом — бухта названа удивительно точным и славным именем, мать-земля заботливо устроила тихое пристанище для океанских скитальцев, огордив его высоким скалистым берегом. А честь открытия залива и бухты принадлежит действительно пароходо-корвету «Америка». На улице Ленина стоят на гранитных постаментах два якоря. На одном из них выбита дата «1950» — в том году Находка получила статус города, на другом: «1859—1959. 100 лет со дня основания бухты Находки».

Ныне Находка — современный город с населением, превышающим сто тысяч человек. Как и во всяком городе здесь есть главный проспект, центральная площадь. И все-таки сердце города — бухта. Она дала жизнь этой земле, она кормит и поит его жителей, к бухте идут железнодорожные и шоссежные пути, невидимые нити морских дорог тянутся отсюда ко всем портам мира.

Удивительно красива Находка ночью. Как-то сразу обрывается компактный центр с гостиницей, рестораном, административными и жилыми зданиями. Окраина города? Нет, впереди, в двух километрах, снова призывно переливаются огни. Скалистые, еще не обжитые, сопки делят город на две части. Город прерывается, город и связан воедино этой светящейся ниткой фонарей вдоль широкого шоссе. Как-то сразу вспомнилась случайная фраза старожилы, с гордостью уверявшего нас, что центральный проспект простирается на двадцать километров. Там, где «первый» город оторвался от «второго», широкий проспект весьма своеобразен: с одной стороны — крутой обрыв, с другой — мрачные, нелюдимые срезы скалистых сопки. Идут по этому диковинному проспекту не торопясь туристы и влюбленные, спешат моряки, проносятся грузовики, высвечивая на поворотах неровности каменных стен, не тронутую по склонам тайгу.

Пробитая в бурьяне тропинка, огибая створный маяк, выводит к утесу. Прямо за спиной упирается в горизонт каменная громада сопки. В двух шагах — отвесная пропасть. Не дай бог оступиться! Предосторожности ради держимся за низкую березку.

Все маленькие треволения пути вознаграждаются сторицей. Перед нами распластая свои могучие крылья залив. На чернеющей глади воды выделяются, скрадываемые темнотой, силуэты кораблей. Они пришли в Находку. А левое крыло огромного залива — невидимая сейчас бухта Врангеля.

Море и суша, безмолвие сопки и еле слышимый скрежет портовых кранов, дикость скал и ясно ощущаемый пульс большого города — все это рождает какое-то странное состояние. Словно ты не на утесе, а на корабле, плывущем к загадочным, неведомым берегам.

Яркий луч прожектора упал на волны. Спешит к стоянке приподдавшее судно, дальний пришелец. Ночью город засыпает, порт — бодрствует, ему, как и океану, неведом покой.

Находка — крупнейший порт на Дальнем Востоке. Отсюда уходят суда в арктические районы страны, на Сахалин и Камчатку. Отсюда начинаются их дальний рейд к портам Камбоджи, Пакистана, Индии, Индонезии, Англии, Италии, Кубы, Канады. Почти ежедневно покидают причал корабли с удовольствием, промышленным обо-

рудованием, одеждой для Демократической Республики Вьетнам.

Наиболее частые гости Находки — суда под флагом Японии. От Находки до Японии — 700 — 800 километров. Предпосылки для развития интенсивной советско-японской торговли самые очевидные. До последнего времени нефть и нефтепродукты доставлялись в Японию из черноморских портов. Сейчас танкеры пошли в азиатские страны по самому короткому пути — из Находки. В прошлом году советские суда перевезли в Японию только леса и лесоматериалов более миллиона тонн. В свою очередь все более увеличивающийся поток товаров идет к нам из страны Восходящего Солнца. Большой популярностью у туристов и деловых людей пользуются комфортабельные советские лайнеры — удобное и надежное звено самого короткого пути из Азии в Европу и обратно.

Как ни бурно растет Находка, а не может поспеть за еще более бурным процессом развития торгового, туристского обмена между Советским Союзом и азиатскими странами. Вот потому и появилась в Директивах пятилетнего плана красноречивая строка, предпосланная эпитафией к этому очерку.

Мы едем в бухту Врангеля с директором строящегося порта Виктором Алексеевичем Яценко и главным инженером Владимиром Кузьмичем Сусалевым. «Волга» съезжает с накатанного

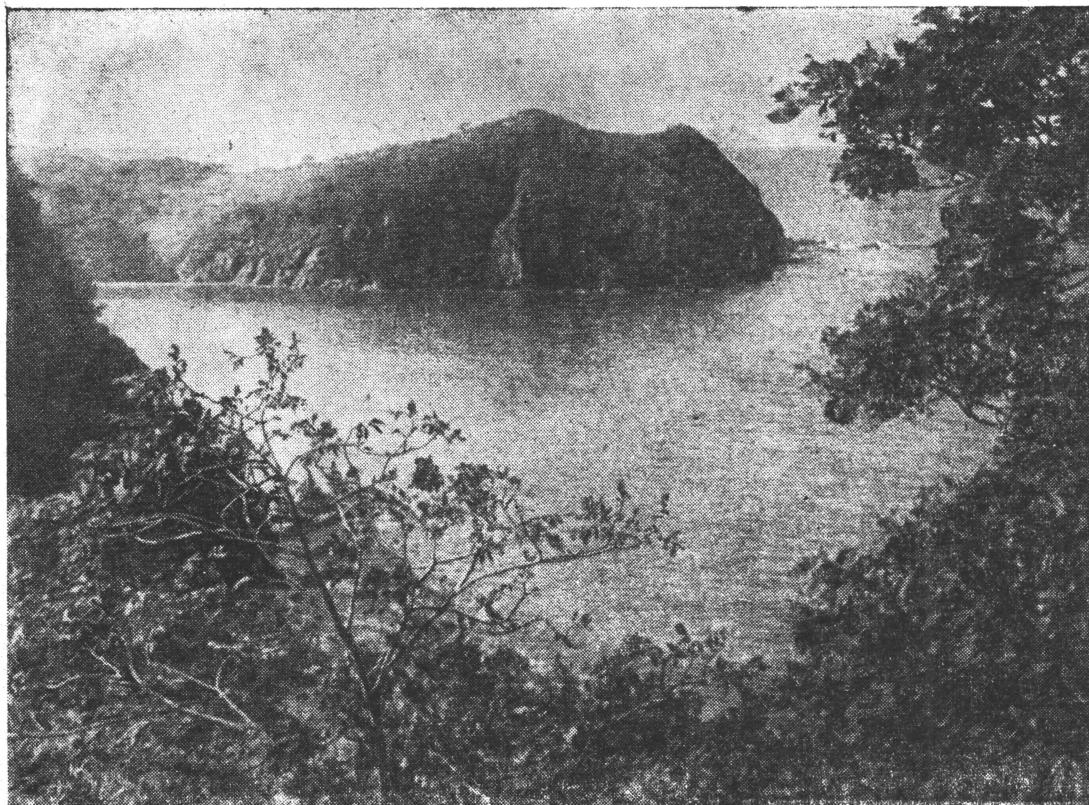
пути, на малой скорости преодолевает колдобину, наполненную водой. Разговор о стройке самой собой начинается с дороги.

— В следующий ваш приезд гарантируем отличное шоссе, — улыбается Владимир Кузьмич. — Машины пойдут в четыре ряда, пустим троллейбус. Видите, вздымаются стрелы кранов? Это строится железнодорожный мост через реку Сучан. Дороги, именно дороги — начало стройки.

Полыхают на солнце сопки. Щедра на краски дальневосточная природа, обряжая леса в осенний убор. Одна к другой примкнули три сопки. У них персональные имена — Брат, Сестра и Племянник.

— Это очень интересная гора, — поясняет нам Виктор Алексеевич, указывая на Брата, и поясняет: — Коренные породы выходят здесь, так сказать, наружу, а это, естественно, привлекает ученых. Говорят, что выходы аналогичных пород есть только в Австралии, да и то под водой.

С Братом связана поучительная история. Строители облюбовали сопку для своих целей — почти готовый щебень. Затраты небольшие, расстояние — рукой подать. Запротестовали — и решительно! — климатологи. Брат, оказывается, загрохочет своей широкой грудью туманы, идущие с моря к плодородной Сучанской долине. Убери его, исчезнет микроклимат, не будут созревать кукуруза, виноград, тыква. Пример вроде камерный, а выводы можно сделать глобальные. Из та-

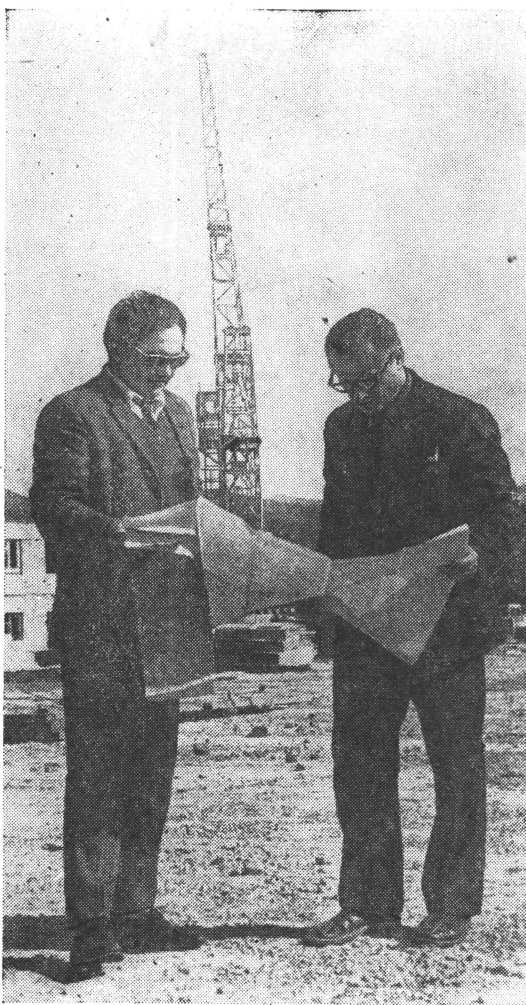

В заливе Америка

ких частных примеров и складывается в конечном счете великое равновесие в природе. Не слишком ли легко принимаются иногда решения осушить болото, срыть гору, исходя из сиюминутных потребностей человека? А не обернется рублевая экономия сегодня миллионными убытками завтра? Трезво рассчитать все варианты, выбрав из них оптимальный, это и есть хозяйское отношение к природе.

Бухта, к которой мы едем, названа в честь известного русского мореплавателя, адмирала, почетного члена Академии наук, члена-учредителя Русского географического общества Фердинанда Петровича Врангеля. Она расположена в юго-восточной части залива Америка и на три с половиной километра вдается в возвышенные берега, которые надежно прикрывают ее от северных, южных и восточных ветров. С севера и юга, словно сторожевые башни, вход в бухту охраняют два мыса — Каменский и Петрова.

В 1968 году комиссия из советских и японских специалистов, в составе которой был

22

Директор строящегося порта Виктор Алексеевич Яценко (слева) и главный инженер Владимир Кузьмич Сусалев на площадке, где возводятся первые жилые здания

В. А. Яценко, обследовала побережье, подыскивала место для будущего порта. Взвешивали шансы бухт Ольги, Де-Кастри и других, и все-таки выбор пал на бухту Врангеля. Почему? Виктор Алексеевич поясняет нам, загибая пальцы на руке.

— Места обжитые, что во многом облегчает проблему рабочих рук. Это — первое. Гавань хорошо защищена от ветров — как понимаете, немаловажное преимущество. Третье — грунт здесь добрый, строителям есть где развернуться. Затем — удобный ледовый режим, что позволит принимать корабли круглогодично, в том числе и не имеющих, как у нас принято говорить, ледовых подкреплений. Большая половина акватории с глубиной до двадцати метров, следовательно, доступ открыт самым крупным океанским лайнерам. И, наконец, рядом — магистральная железная дорога.

«Волга» останавливается у головной части бухты. Нам непонятна причина остановки. Наши собеседники, приглашая выйти из машины, явно чего-то недоговаривают. Мы недоумоменно оглядываемся вокруг: низкое место, кустарник, равнина как равнина.

— Здесь будет море, — наконец, произносит главный инженер, притопнув ногой. — На этом самом месте.

И мы, невольно подражая Владимиру Кузьмичу, топаем ногой. Словно хотим по-мальчишечьи удостовериться — земля ли под нами? Крепка ли? Крепка! Но здесь будет море. Земснаряды выберут грунт на большую глубину, и тут, где стоим сейчас мы, будут величественно подходить на швартовку океанские корабли.

Кажется, в наш век, век быстрых, удивительных перемен, пора бы привыкнуть, перестать удивляться. Но что поделаешь — удивляемся!

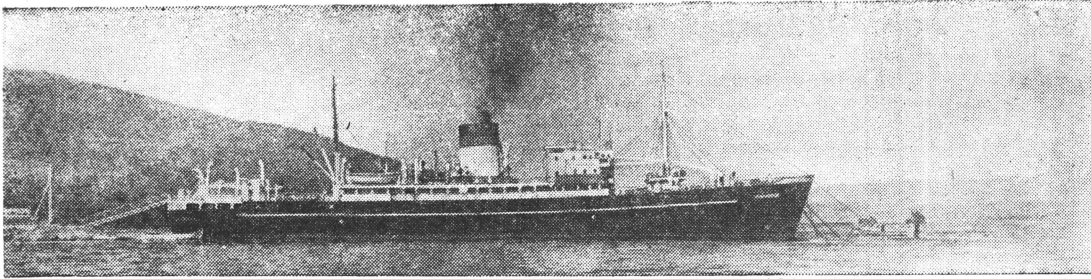
Человек вносит разумные коррективы в природу. Два мощных земснаряда углубляют и расширяют дно, одновременно производится отсыпка грунта под причалы. Причалы протянутся на многие и многие километры.

Эта бухта в скором будущем станет гигантским портом. В подтверждение можно привести немало цифр, но, пожалуй, лучше оттенить определяющую. Находка насчитывает сейчас более 20 причалов. Порт в бухте Врангеля будет иметь более 60 основных и вспомогательных причалов. Другими словами, бухта Врангеля вместит четыре Находки! Уже в 1973 году предполагается сдать в эксплуатацию первые два причала...

«Дорогая дирекция! Очень прошу Вас принять меня на работу в качестве строителя. Хочу участвовать в возведении грандиозного порта Врангеля. Арктики не боюсь, с детства мечтал работать в суровых полярных условиях.»

(Из письма в дирекцию порта).

— И таких энтузиастов, я взял бы это слово в кавычки, приходится встречать, к сожалению, не так уж редко, — улыбаясь, комментирует послание Виктор Алексеевич. — Письмо дышит оптимизмом, автор готов к суровым полярным испытаниям, а мы... мы, честно говоря, таких оптимистов побаиваемся. Выбор своего жизненного пути, выбор места, в котором ты готовишься начать первый самостоятельный шаг, — все это должно быть десятки раз взвешено, обдуманно, осознано. Мы ждем сюда не случайных пришельцев, а будущих хозяев Приморского края. А этот паренек не удосужился, прежде чем направить заявление,

Пароход «Приморье» — первый дом строителей порта

заглянуть в популярный географический справочник. Спутать арктический остров Врангеля с бухтой Врангеля! Это, как говорят в Одессе, две большие разницы. Остров Врангеля — крепчайшие морозы, долгая полярная ночь, а у нас растет виноград, кукуруза выбрасывает початки. Находка находится примерно на одной географической широте с Сочи. Конечно, у нас не Сочи — за три летних месяца 1971 года Тихий океан «выдал» нам двадцать тайфунов — вот тебе и Тихий! И все-таки это далеко не Арктика, куда так стремятся с детства, если верить письму, любитель полярной экзотики.

— Но главное даже не в этом. — Виктор Алексеевич, размышляя вслух, говорит неторопливо, видно, что эти мысли обдуманы, если хотите, прочувствованы. — Честное слово, иной раз даже обидно, когда юноша или девушка забывают, что на календаре — семидесятые годы двадцатого столетия. Во многих заявлениях одна и та же фраза: «Мы готовы предоставить в распоряжение стройки свои руки». Что ж, рабочие руки очень нужны, но руки умелые. Скажу более определенно — нужны специалисты. Не просто человек, впервые в жизни взявший топор, а плотник, столяр, имеющий разряд. Сейчас нужда не столько в землекопах, сколько в машинистах экскаваторов.

— Знаете, как сейчас подбираются кадры? — говорит Виктор Алексеевич. — Приезжает на стройку молодой человек, и, если нет за душой специальности, его оставляют в Находке. Там он проходит курс наук в опытной бригаде, а потом милости просим к нам. Только так.

На основе полной механизации, точного инженерного расчета возводятся такие сооружения, как наше. А сроки? Сдать первую очередь, как я уже говорил, предполагаем в 1973 году. Много ли сделаешь лопатой, если одной земли надо вынуть миллионы кубометров?!

Слушая рассказ директора порта, мы невольно вспомнили Комсомольск-на-Амуре, где особенно ощущается, как далеко вперед ушли верстовые столбы времени.

10 мая 1932 года на крутой берег Амура высадились первые отряды строителей. В память об этом воздвигнут огромный валун. Около памятника повстречали одного из первостроителей города — Ивана Федоровича Коленко.

— Впервые я попал сюда в январе 1934 года, — вспоминает Иван Федорович. — От Хабаровска шли пешком по льду Амура. Целых шестнадцать суток. Представляете? В середине пути поднялась метель, в двух шагах человека не видно. Потеряй след — и закружит тебя снежная

мгла. На наше счастье встретили старый амбар. Разобрали его. Костер запалили огромный. Обогрелись, выпались, а утром снова в путь.

Палатки, землянки и костры, лопаты и кирки — даже эти простейшие инструменты числились в списке дефицитов. Все это приметы славного, трудного и не такого уж далекого прошлого нашей страны. Романтика, поиск, мечта и сейчас характерны для этого края, романтического в своей основе, края сильных и мужественных людей. Но — времена иные, и нынешним первопроходцам совсем не обязательно сопутствуют житейские невзгоды и неудобства.

...Стремительная лента шоссе пролегла вдоль живописных отрогов хребта Мяо-Чан. Сопки, сопки и вдруг вырастает квартал девятиэтажных домов. Город-спутник Комсомольска-на-Амуре — Солнечный. Не ищите палаток и землянок, город сразу закладывается основательно, на века. Школы, детсады, магазины, в том числе книжный. Скоро войдет в строй общественно-торговый центр, в котором разместятся просторный клуб, столовая, парикмахерская, магазины, швейная и обувная мастерские, домовая кухня.

По таким же законам сегодняшнего времени будет расти и уже расстел городок в бухте Врангеля. В прошлом году пришел сюда пароход «Приморье». Отслужило свою океанскую службу, выдавшее виды судно и стало на «вечный» причал, перебросив широкие сходы с кормы на берег. В каютах парохода разместились первые строители.

Уютно попыхивают дымком трубы «Приморья». Недалеко от схода, у бетонной площадки, неизменный якорь — символ будущего порта, и высокий транспарант «Всесоюзная ударная комсомольская стройка». Молодежи, комсомольцев здесь много.

Любопытна история десяти друзей, бывших военнослужащих. Еще задолго до демобилизации решили они принять участие в строительстве крупнейшего в нашей стране глубоководного порта. И вот работа в бухте Врангеля. Попросили не разлучать их, дать одну работу. Так родилась новая на стройке бригада, которую возглавил Василий Воронов, бывший пограничник, старшина команды мотористов.

Бригада Воронова возводит жилые здания, объекты бетонного завода. Работают комсомольцы отлично.

А во временном общежитии — сборно-щитовом домике, — как память о военно-морском флоте, висят над кроватями бескозырки ребят. Флотский уют, чистота в помещении.

Мы были возле первых жилых зданий буду-

щего порта. Тогда, осенью, поднимались уже третьи и четвертые этажи. Кстати, Василий Воронов почти что наш земляк — он из Кировской области. До службы в армии работал там шофером.

Немало на стройке и уральцев.

Когда мы осматривали бухту с катера, то познакомились с главным механиком плавстроительного отряда Николаем Николаевичем Гусевым. Родился он в Перми, учился, а потом был послан на Дальний Восток. Молодой, высокий, плечистый, он рассказывал, что у них в отряде есть ребята из самого Свердловска, бывшие рабочие с заводов Химмаш и Турбомоторного. Как занесла их судьба на берега Тихого океана? Очень просто — сначала служба в армии, а там уже невольная привязанность к Приморью. Впрочем, никто из них не забывает Урал.

Плавстроительный отряд...

Могучие землечерпалки «Зая» и «Свирь» неумоимо углубляют дно акватории строящегося порта. По кромке будущих лесных причалов идет забивка свай. Еще между сваями и берегом широкая полоса воды, но скоро уже вытеснит ее насыпанный грунт, бетонные плиты пирса.

«Скорее!» — Это слово часто звучит на стройке. Сама жизнь требует — скорее!

Очень выгодно, например, нам продавать Японии не лес-кругляк, а технологическую щепу. И стоит она намного дороже, и перевозить ее удобнее. Причал для технологической щепы в бухте Врангеля рассчитан на перевалку 800 тысяч тонн груза. Специальные крупнотоннажные суда-щеповозы будут принимать в свои чрева по 600—700 тонн щепы в час.

Признано, что перевозка грузов в контейнерах значительно удешевляет и облегчает работы в портах. Контейнерный комплекс в бухте Врангеля запроектирован с учетом новейших требований и достижений. Но кто знает, что скажет нам завтрашний день, какие он выдвинет новые задачи, что будет изобретено. А поэтому необходимо скорее вводить в строй то, что прогрессивно сегодня. Освободить свои руки для завтрашних дел.

Скорее! Скорее и лучше!

Это хорошо понимают строители.

Не так давно министр внешней торговли СССР Н. С. Патолчиев, возвратившись в Москву из поездки в Японию, рассказал корреспонденту журнала «Новое время»:

— В декабре 1970 года с фирмой «ЯВ кабуки кайся», выступающей от имени 14 фирм, было подписано генеральное соглашение о поставках из Японии в Советский Союз в кредит оборудования, машин и материалов для строительства морского порта в бухте Врангеля. Это крупное соглашение.

Самым большим в стране и одним из крупнейших в мире будет этот порт.

...Мы смотрим на «внешнюю» сторону стройки — видим первые, уже обозначившиеся причалы, первые жилые дома. Но есть у стройки и ее «глубинная» сторона,

На водолазный бот поднимается со дна будущего порта богатырь-водолаз Владимир Тыртышный. Блестит на солнце, омытый морем, скафандр, за иллюминатором — улыбка. Владимир Тыртышный, Герой Социалистического Труда, сегодня свое задание выполнил. Сейчас пойдет в море его младший брат Александр.

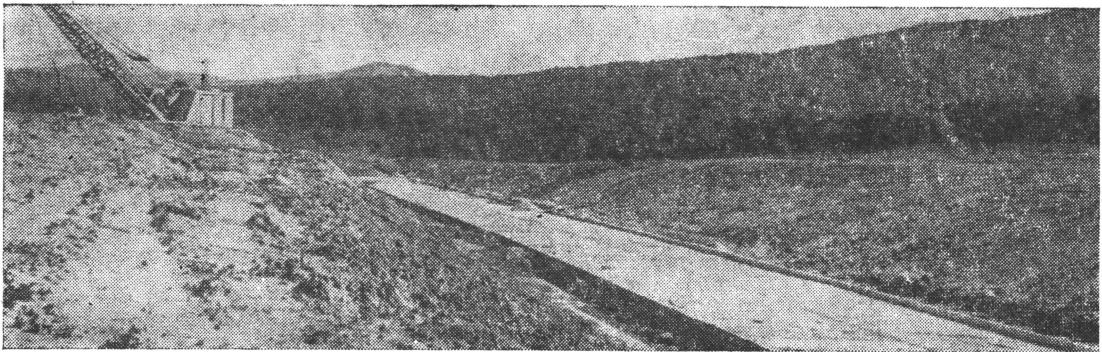
Александр крупнее и выше Владимира. Он перерос все рамки стандартных водолазных костюмов. Рассказывают, что Александру «шили» костюм по персональному заказу, благо завод-поставщик водолазного снаряжения не стал тянуть волокиту, сразу откликнулся. Там, на заводе, видимо, не без юмора и по достоинству оценили комплектацию Александра, и любо было им делать громадный скафандр: не перевелись, мол, чудо-богатыри на русской земле.

Третьим в «водолазном экипаже» — Леша Тетиевский. Перед братьями он выглядит коротышкой. Но силы и ловкости Леше не занимать. И руки и широкие плечи сплетены из железных мускулов.

Нужна водолазу сила — такая уж работа. Но нужна и смекалка, способность мгновенно реагировать на опасность, нужны знания, много знаний. Ведь со времен легендарного ЭПРОНа значительно усложнились и техника водолазных работ, и «вооружение» водолазов...

Заботой о высококвалифицированных специалистах проникнуты теперь, кажется, всюду. На новой стройке одним из первых «объектов» считают профтехучилище: примет оно полторы тысячи учащихся и будет готовить моряков, портовых рабочих, молодых специалистов, прекрасно разбирающихся в современной морской и портовой технике.

Возможно, что к юношам и девушкам, ре-

шившим посвятить себя морю и поступить в новое училище в бухте Врангеля, будут обращены не менее поэтичные слова:

«...Послушай, товарищ! Ты молод, силен и дерзок... Идем. Я познакомлю тебя с морем. Ты станешь сильнее, будешь ему побратимом, будешь его заботой, будешь его защитой...»

Эти слова мы прочли в Находке на стенде Находкинской мореходной школы.

Красива бухта Врангеля. Крутые, поросшие дубками сопки обрамляют ее. Мы стоим на балконе здания дирекции строящегося порта. Само здание на вершине сопки, да еще балкон под самой крышей: ни дать ни взять — ласточкино гнездо. Прекрасный обзор с высоты птичьего полета. Вдалеке видна Находка — белыми точками дома, черными — океанские пароходы, стоящие на рейде, ждущие очереди, чтобы подойти к причалу.

Для среднего судна сутки простоя — почти что тысяча рублей на ветер.

Но скоро очереди не будет. Пойдут пароходы и сюда, к новым причалам.

Неузнаваемо изменится все вокруг.

— Видите вон ту большую сопку, — показывает нам рукой главный инженер Владимир Кузьмич на противоположную сторону бухты, вернее уже за пределы ее. — Эта сопка называется горой Арсения. У подножия ее раскинется новый жилой район. Тысяч на сорок — пятьдесят для начала. Школы, больницы, детские учреждения, спортивные комплексы, клубы, кинотеатры. И, разумеется, жилые здания, удобные, красивые. Жилой район запроектирован так, чтобы избежать традиционной ошибки многих портовых городов. Возьмите Одессу, Владивосток, ту же Находку. Железнодорожные пути, портовые службы и сооружения отрезали береговую полосу от жителей. У нас же будет по-иному. Все транспортные магистрали пройдут в стороне от городка. И сам он будет у моря. Два шага — и вы на песчаном пляже. Залив Америка у ваших ног. И ни портового мусора на воде, ни радужных мазутных пятен, этих, увы, печальных и частых спутников цивилизации.

Нам хочется верить, что именно так и будет: светлый городок у чистого-чистого моря.

Станет этот городок одним из районов Находки. А будущее всего объединенного портового центра в заливе Америка весьма перспективно.

«Центральная площадь» нынешней стройки

Тот пароходо-корвет, имя которого стало названием залива, на год позже посетил и бухту Золотой Рог, где в это время был основан пост Владивосток. В память о данном событии долгое время главная улица Владивостока называлась Американской. Сама история протянула нити между двумя географическими точками.

Громадным, красивейшим городом стал Владивосток.

У Находки же — все впереди.

**С. МЕШАВКИН,
Л. РУМЯНЦЕВ**

**В № 4 читайте фантастическую повесть
Игоря Росохватского
«Пусть сеятель знает»**

Несколько лет назад ученики нашей бокситогорской школы № 1 Ленинградской области совершали экскурсию по замечательной речке Рагуше. Они обратили внимание на курганы правильной формы, расположенные вдоль берега. Ребята осмотрели холмы, описали их и послали материалы в Исторический музей Ленинграда. Вскоре пришел ответ. Оказалось, что обнаруженные курганы — это древние захоронения. Вместе с учеными из Ленинграда ребята стали изучать курганы, присутствовали при вскрытии одного из них.

Так в нашей школе началась следопытская работа, которая привела к интересным находкам.

На берегу той же самой Рагуши во время похода мы обнаружили старое заброшенное кладбище. Стали рассматривать надписи на плитах. На одной из них прочитали: «Генерал-лейтенант Кренке Виктор Данилович. 1816—96 год». Кто такой был Кренке? Обратились в Исторический

архив Ленинграда. Ответ был неожиданным. Мы узнали, что В. Д. Кренке — герой боев на Шипкинском перевале, награжден многими боевыми орденами. Он — один из создателей военных укреплений в Выборге.

А когда Виктор Данилович вышел в отставку и поселился в нашем районе, в Коябеках, он много сделал полезного для людей: написал сельскохозяйственную энциклопедию; учил крестьян выращивать картофель; организовал первую в крае воскресную школу, где преподавал вместе с дочерью. На свои деньги он установил памятник Петру I на Тихвинском канале.

Могилой В. Д. Кренке, которую мы нашли, заинтересовалось Общество советско-болгарской дружбы. Сейчас памятник-могилу восстановили, и она взята под охрану государства.

Следопыты школы взяли на учет и составили картотеку всех исторических и культурных памятников нашего района и помогли установить на них

РЕБЯТА ОТКРЫЛИ...

...ЛИТЕРАТУРНЫЙ МУЗЕЙ

В ста километрах от Омска расположено село Большемогильское. В нем живет много ребят, увлеченных литературой. Они-то и создали в своей школе литературный музей. Его стенды и витрины рассказывают о связях великого Пушкина с сибирским литератором Петром Ершовым, автором знаменитого «Конька-Горбунка» и поэтами-декабристами, о пребывании в Сибири Ф. М. Достоевского.

Раздел «Горький и омские писатели» посвящен дружбе Алексея Максимовича с Всеволодом Изановым и Лидией Сейфуллиной. «Строка, оборванная пулей» — так называется стенд, где собраны материалы о поэтах, писателях и журналистах, погибших на фронтах Великой Отечественной войны. Есть в

музее книги современных литераторов Омской области.

О литературном музее ребят знают не только в селе Большемогильском и в Омске. Следопытам в их поиске помогают писатели и поэты.

Так, когда сестра Л. Сейфуллиной узнала о музее, она прислала в школу несколько фотографий Лидии Николаевны и рукопись ее воспоминаний о Горьком. Поэт Николай Тихонов подарил ребятам книгу стихов своего друга поэта Георгия Суворова. Из Омска Г. Суворов ушел на фронт и погиб смертью храбрых. На книге дарственная надпись: «Пусть этот сборник — «Слово солдата» — будет в вашем музее, в руках людей, искренне любящих советскую литературу, русскую поэзию».

По просьбе ялтинского музея А. П. Чехова следопыты вы-

слали фотографию ямщика Федора Павловича Копейкина, который вез Антона Павловича от села Могильного-Старожильского до села Пустынного. Копию редкой фотографии известного писателя Ивана Бунина ребята отправили в литературный музей города Орла.

...МУЗЕЙ ЭТНОГРАФИИ

На Сахалине в поселке Ноглики в школе-интернате живут и учатся ребята, влюбленные в свой край. Несколько лет назад они решили открыть в своей школе музей этнографии народностей Севера — нивхов и ороченов.

Нелегко поначалу пришлось — родители и соседи не очень-то хотели расставаться с домашними реликвиями. Но ребята убедили их.

мемориальные доски. Особое внимание обращали на памятники воинам, погибшим в годы Великой Отечественной войны. Вот история одного из них.

В ноябре 1968 года недалеко от Бокситогорска мелиораторы обнаружили братскую могилу. Об этом они сообщили в нашу школу, и сразу же на место выехала следопытская поисковая группа. Мелиоративные работы были приостановлены. Мы решили узнать, кто был похоронен в этой братской могиле. Не один месяц велась переписка с разными учреждениями, пока, наконец, из Военно-медицинского музея Ленинграда мы не получили списки погибших и похороненных здесь воинов. Это были сибиряки 65-й стрелковой дивизии, освобождавшей Тихвин в лихую годину 1941 года. Когда мы стали запрашивать родственников, знают ли они, где погибли и похоронены их близкие, то некоторые ответили, что получили извещение: «Пропал без вести».

И сколько слов благодарности мы получили в свой адрес!

Останки воинов были перенесены и торжественно захоронены в районе деревни Астрачи на холме Славы. Здесь в 1941 году были остановлены полчища фашистов. Дальше на восток они не прошли.

Сейчас на холме Славы установлен мемориальный памятник-ансамбль, в создании которо-

го принимали участие и следопыты нашей школы. Рядом с ним, вдоль рубежа боев, мы посадили аллею березок.

Так благодаря поиску ребят на карте нашей области появился еще один памятник боевой славы. Он взят на учет отделом культуры Ленинградского облсовета как памятник республиканского значения.

Недалеко от мемориала на холме Славы находится начальная школа. В этой школе наши ребята помогли создать октябрятам и пионерам музей боевой славы.

Немало сделали следопыты по установлению исторических мест на территории Бокситогорского района. Они уточнили место, где находился штаб 4-й армии, которой командовал маршал Советского Союза К. А. Мерецков, где стоял 34-й скоростной бомбардировочный полк. Двадцать Героев Советского Союза было в этом полку. Свое боевое крещение они получили недалеко от старинного города Остров. Сейчас там установлена мемориальная доска.

За следопытскую поисковую работу наша школа награждена юбилейной медалью Географического общества РСФСР.

Следопыты школы № 1 Бокситогорска

С большим концертом следопыты проехали по поселкам своего района, а после выступлений рассказывали зрителям о том, какой музей они хотят создать.

И вот музей открыт. Его экспонатам могут позавидовать многие профессиональные этнографические музеи. Здесь несколько разделов: «Хозяйство и быт», «Обряды», «Быт и культура». А среди экспонатов наконечники стрел, металлические трубки для курения, ритуальная утварь, старинные украшения, охотничьи ружья, лыжи, обтянутые оленьей шкурой, предметы домашнего обихода, национальная одежда.

С магнитофоном ребята обошли старожиллов, записали с голоса старинные песни, легенды, сказания, сказки.

Женщины-ниви — замечательные мастерицы. Их орнаменты отличаются оригинальностью и своеобразием. В музее собрано много образцов национальных орнаментов. Но девочки решили сами научить-

ся вышивать. И теперь скатерти, шторы, салфетки в интернате расшиты самими следопытами. Даже платья свои девочки оформляют нивскими узорами.

...КАРТИННУЮ ГАЛЕРЕЮ

Три студии изобразительного искусства работают в школе № 38 города Калининна. В них ребята учатся рисовать, чтобы более глубоко проникнуть в мир прекрасного. На одной из встреч с художниками решено было создать в школе картинную галерею.

Следопыты организовали поход в село Сафонково, где жил и творил А. Г. Венецианов, побывали в Тургиново, Кимрах, Старице, Бернове — местах, связанных с творчеством Левитана.

Интересным был поход в Домотканово. Ребята посетили дом-музей В. А. Серова, встретились со старожиллами Домо-

ткановского уезда, осмотрели места, связанные с творчеством художника. Особенно им понравились знаменитые пруды, которые Валентин Александрович изобразил на своих картинах «Заросший прудик», «Пруд».

Неделю рисовали школьники, вооружившись этюдниками, красками, пером, а потом показали колхозникам выставку своих работ: пейзажи, наброски портретов доярок, зарисовки строящегося животноводческого городка. Эту выставку ребята подарили колхозу имени XXII съезда КПСС.

Из походов следопыты привезли много интересных экспонатов и рисунков. Несколько картин им подарили художники Калининна. Школьная картинная галерея и музей рассказывают о жизни и творчестве русских и советских художников.

А. ЧЕРНОВА,
Л. КОСТИНА

29 НЕИЗВЕСТНЫХ

Молодой искусствовед Ольга Константинова достает из стола папку. На картонном скоросшивателе вполне детективное название:

Дело № 1
Иоанна VI (Антоновича)
начато 1/XII 1967 года.

Ведет следствие О. Константинова

Что же это за «дело» и почему оно попало на стол к искусствоведу?

Никакого отношения к преступному миру оно, естественно, не имеет. Но, тем не менее, познакомиться с ним и еще несколькими, подобными «делами» представляется интересным, потому что,

когда папки заполнились соответствующими документами и первоначально запутанный клубок расследований вытянулся в стройную логическую цепь доказательств, в Свердловской картинной галерее открылась удивительная выставка — «Портреты неизвестных». Побывав на ней, можно не только проверить все, что здесь будет в дальнейшем описано, но и принять участие в разгадывании невыясненных еще тайн.

Вели интересный искусствоведческий поиск еще совсем молодые люди, студенты Уральского университета, начинающие научные сотрудники Свердловской картинной галереи.

Итак, раскроем первую папку.

«Дело Иоанна VI»

На двух фотографиях — портрет ребенка. Позы, костюмы, даже лица очень похожи. Отличия едва уловимы, вот только на одном изображении мальчик сидит в кресле, на другом — за его спиной ровный фон.

Под фотографиями, хранящимися в папке, письмо:

«В фондах Государственного Русского музея находится портрет Александра I в младенчестве, сидящего на желтой подушке, с золотой погремушкой в правой руке. Подобный портрет был приобретен нами в 1961 году у частного лица в Москве. Сотрудники Третьяковской галереи определили его как портрет Александра I, кисти Левицкого.

Однако, — читаем дальше в письме, — возникли сомнения как по поводу авторства, так и изображенного на портрете лица:

1) Судя по грубости письма и жесткости рисунка, портрет, находящийся в Свердловской картинной галерее, не может принадлежать кисти Левицкого и, судя по технике, был выполнен в середине XVIII века.

2) Автор «Словаря русских гравированных портретов» Ровинский утверждает, что «...в первый раз изображение Александра появляется на картинке силуэтера Сидо в 1783 г.» (то есть, когда Александру было шесть лет)¹. Поэтому можно предположить, что на портрете изображен не Александр, а какая-то другая царственная особа, возможно, император Иван Антонович. Это мнение возникло из сравнения портрета с другими изображениями малолетнего императора и укрепилось

¹ По дате, поставленной на портрете (1787), Александру было уже 10 лет, а изображенному ребенку нет и года от роду. Кроме того, в этом же 1787 году Д. Левицким действительно был написан портрет десятилетнего Александра (находится в Государственном Русском музее).

после того, как в «Истории Государственной свиты XVIII века» В. В. Квадри был найден аналогичный портрет, значившийся там как изображение Ивана Антоновича.

Наш портрет несколько отличается от того, который находится в фондах Русского музея — на портрете нет кресла, фон темно-коричневый с чуть заметной зеленоватой драпировкой справа.

Если по фотографиям, приложенным к письму, возможно провести сравнение, просим помочь нам установить имя изображенного на портрете лица и сообщить ваше мнение.

Научный сотрудник Ольга Константинова».

Это письмо было первым шагом в кропотливой исследовательской работе молодого искусствоведа. Предстояло реабилитировать имя художника Левицкого, поскольку приписываемый ему портрет мог вызвать у людей, знакомящихся с творчеством замечательного русского мастера по этому произведению, ложное впечатление, а вместе с тем и недоверие ко всему, что написано о Левицком.

Но чтобы доказать, что уже однажды поименованный портрет изображает совсем другое лицо, принадлежит кисти другого (какого именно?) живописца, написан в другое время — между 1740 и 1741 годом, Ольге Константиновой пришлось обстоятельно познакомиться не только с творчеством Д. Левицкого, но и с историей русского государства, с родословной императорской фамилии и, разумеется, научиться определять почерк каждого художника-портретиста XVIII века.

Папка «Дело Иоанна VI» пухла, полнилась документами, ссылками на литературные и художественные источники. Наконец, на одной из ее последних страниц появились, как итог, строки: «Портрет принадлежит не Левицкому, а неизвестному русскому художнику XVIII века».

Казалось, грустный и для сотрудника галереи и для зрителя вывод. Было произведение поименовано, известен был его автор. А теперь... Но зато — это честный вывод и, кроме того, небезынтересный для исследователя. Под портретом

теперь стоит надпись: «Неизвестный художник. Портрет Иоанна VI» и определена дата: с августа 1740 по ноябрь 1741 года.

Тем самым определена ценность произведения — это своеобразный и редкий документ эпохи, поскольку оно создано в короткие месяцы правления императора-младенца и является одним из немногих изображений опального государя, вокруг имени которого в русской истории сложилось так много легенд и кривотолков.

Вельможа обретает имя

В 1940 году в Свердловскую галерею из Государственного Русского музея поступил «Портрет вельможи в зеленом мундире с анненской лентой». У сотрудников возникло предположение, что вельможа этот — князь Платон Zubov, фаворит Екатерины II. Однако, подтвердить догадку долгое время было нечем, кроме сравнения портрета с репродукциями других изображений Zubова.

Оригинал одного из них Ольга Константинова обнаружила в фондах Русского музея. По ее мнению, портрет этот имел полную аналогию с хранящимся в Свердловской картинной галерее. Вопреки тридцатилетней традиции считать это произведение портретом неизвестного вельможи, Ольга Константинова загорелась желанием поставить под ним имя. Послала запрос в Русский музей, а пока ожидала ответа...

Говорят, исследователю часто помогает случай. Здесь тоже «случай» был: знакомый искусствовед обмолвился, что видел портрет, подобный «Вельможе», в Новосибирском музее. Ольгу Константинову известие взволновало, она написала в Новосибирск. Оказалось, что на сибирском, аналогичном свердловскому, портрете изображен Платон Александрович Zubov. А вскоре пришло письмо и от К. В. Михайловой, хранителя фондов Русского музея.

«...На мужском портрете из вашего музея действительно изображен Платон Александрович Zubov, граф с 1793 года, с 1796 года светлейший князь. Как вы правильно отметили, портрет в точности соответствует хранящемуся в Русском музее... Он поступил в 1925 году из фамильного собрания В. П. Zubова в Ленинграде как копия портрета работы И. Б. Лампи-старшего¹. Местонахождение оригинала нам неизвестно, известно только, что до революции он находился в собрании князей Васильчиковых».

Так «Неизвестный вельможа» обрел имя, но имя автора произведения по-прежнему под вопросом. Что, если это не Лампи (ведь пока нет оснований с уверенностью утверждать, что портрет принадлежит его кисти), а кто-то другой? Тогда кто?

И работа продолжается. Ольга прослеживает и заносит в папку все сообщения о многочисленных копиях портрета Zubова, отмечает все «различия» в одежде, в цвете, выписывает данные,

¹ И. Б. Лампи (1751—1830) — автор многих придворных портретов, в России пробыл с 1792 по 1798 год.

могущие натолкнуть на разгадку имени неизвестного мастера. Эта работа ей самой интересна еще и тем, что в старинных описаниях дворцовых коллекций имена художников обозначались лишь изредка. Даже имя такого живописца, как Боровиковский, упомянуто лишь в каталоге 1787 года. Впрочем, этот факт Ольга отмечает в связи со следующим исследованием.

Разгадка «Дамы в белом»

Есть на выставке и портрет, уже полностью «разгаданный». Установлено и имя живописца, и имя изображенной им молодой женщины.

Таинственная и прекрасная «Дама в белом» кисти «неизвестного художника» оказалась Елизаветой Петровной Дубовицкой, чей портрет создан выдающимся русским художником В. Боровиковским.

«Расследование» происходило так.

Искусствоведам многое было известно о четырех портретах членов семьи Дубовицких. Все четыре выполнены Боровиковским, все хранились в одном частном собрании, однако «Дамы в белом» среди них не было. Но вот О. Константинова в V томе «Русских портретов XVIII—XIX вв.» встречает очень похожее лицо. До мельчайших деталей оно напоминает даму, изображенную на свердловском портрете. Подпись под репродукцией гласила: Елизавета Петровна Дубовицкая (1791—1845 гг.), автор произведения В. Л. Боровиковский.

Нашлось и еще одно доказательство: Боровиковский был близким другом одного из членов

семьи Дубовицких, Александра, часто бывал в их доме. И коль скоро художник написал четыре портрета Дубовицких — отца, матери, сына и его жены, вряд ли образ дочери запечатлела чья-то иная рука. Какой смысл был и для коллекционера, хранившего все пять портретов, присоединять к четырем произведениям одного мастера, писанным в одной семье, постороннюю работу, чужое лицо?

Студентка второго курса отделения истории искусств Уральского госуниверситета им. Горького Л. Баева, выбрав темой своей курсовой работы портретную живопись России второй половины XVIII века, тщательно анализирует почерк автора «Дамы в белом» и тоже приходит к выводу, что это — кисть В. Л. Боровиковского.

Стало быть, безвестный «Женский портрет неизвестного художника круга Боровиковского», с 1938 года хранящийся в Свердловской картинной галерее (он поступил из Государственного музея изобразительных искусств имени Пушкина), теперь обрел имя. По всей очевидности, работа Боровиковского — оригинал. Он приобретает большую ценность еще и потому, что на сегодня сохранились, кроме него, только два портрета Дубовицких — отца и матери. Портреты Александра и его жены погибли в Киеве во время войны.

Любопытна еще одна деталь: реставрировал портрет известный советский живописец П. Корин.

Из разряда «купеческих»

Взапасниках наших музеев годами, иногда десятилетиями хранятся картины, которым не суждено увидеть свет экспозиционных залов, услышать голоса зрителей, наконец, стать причиной споров: неизвестны ни имена художников, ни имена изображенных лиц, да и живописные качества полотен порой невысоки.

Так сложилась, например, судьба портретов, обычно называемых «купеческими». В свое время,

особенно в середине прошлого века, начав входить в силу, купцы, промышленники стали заказывать местным художникам свои портреты, как правило, при всем параде. Сегодня эти холсты представляют для нас интерес как документы своего времени — ведь в них запечатлена и история быта, и страницы малоизученного процесса развития искусства в провинции.

Купеческими портретами заинтересовалась сотрудница галереи Татьяна Трошина. Путем логических сопоставлений, сравнения с подобными произведениями в других музеях страны, изучения истории костюма, живописной манеры портретистов XVIII и XIX веков ей удалось доказать, что исследуемая коллекция относится к первой половине прошлого столетия. Это был лишь первый шаг к дальнейшему анализу, а затем прямо-таки посыпались новые вопросы.

Сравните хотя бы такие два портрета.

Портрет купца. Сочная живопись, впечатление такое, что художник был увлечен своеобразием натуры позируемого. Здесь и активная сила, и жизнелюбие, а вместе с тем хитрость, дерзость и этакая разухабистость, что ли...

А ниже — совсем иное лицо и иная манера художника. Здесь — сдержанность, затаенность главенствуют и в характере изображенного, и в том, как пишет его художник. Это портрет старобрядца.

Уже два этих типа — целая история. Характеры типичны для Екатеринбургa начала XIX века, где сталкивались и сплетались интересы заводских и приисковых воротил из бывших стрельцов, стареров-раскольников и других пришлых людей, которые обретали на Урале волю и выход для своей жажды деятельности.

На выставке пока оба портрета безымянны. Но давайте попробуем заглянуть в историю.

Многие легенды оставило по себе начало девятнадцатого века с его «диким счастьем» уральских заводчиков: о предприимчивости и деловом упрямстве, с одной стороны, и невиданной жестокости — с другой. Фамилии Зотовых, Расторгуевых, Харитоновых особенно часто упоминаются в таких рассказах. Достаточно сказать, что при Григории Зотове, который из крепостного кричного мастера выбился в главные управляющие Верх-Исетских заводов, на золотых Соймовских промыслах было заведено специальное кладбище для «скоропостижно умерших», то есть людей, преждевременно сведенных в могилу тяжелой работой и наказаниями. Не зря тот же Зотов вместе с П. Я. Харитоновым был сослан в Финляндию по делу об убийстве крестьян. За это полагалось наказание шпицрутенами, но все ограничилось ссылкой. Не менее дурная слава ходила и за племянником Григория Зотова Титом Поликарпычем.

Образы этих хищников, уральских «баловней судьбы» с достаточной полнотой и весьма живописно изображены в произведениях Д. Н. Мамина-Сибиряка. Словесные, литературные их портреты (известно, что прототипами Гуляевых и Приваловых из романа «Приваловские миллионы» как раз и были Зотовы и Харитоновы) весьма выразительно дополняются живописными, появившимися на свердловской выставке.

Любопытно было бы сравнить эти портреты с сохранившимися изображениями точно установленных лиц. Разумеется, сегодня их найти нелегко, но они все-таки известны краеведам. Есть портреты П. Я. Харитонова, Л. И. Расторгуева,

Я. М. Рязанова, Г. Зотова. Среди них пристально-го внимания заслуживают портреты Зотова и Расторгуева. Даже при беглом сравнении облик купца на безмянном портрете очень напоминает разудалую физиономию Г. Зотова, а остриженный под кружок старообрядец — Л. Расторгуева.

Известно также, что в память 200-летней годовщины города Екатеринбурга была организована историческая выставка, один из разделов которой назывался «История Екатеринбурга в портретах, фотографиях и пр.». Был там и раздел «Художественные уголки, характеризующие жизнь и быт обитателей города в разные эпохи его существования», составленный при участии антикваров К. М. Ошуркова и Д. Н. Пешкова. Может статься, что экспонаты той далекой юбилейной выставки могут подсказать новые пути для поиска. Хочется только подчеркнуть, что при этом нельзя ограничиваться лишь екатеринбургской историей, ведь связи промышленного Урала были широки, простирались на огромные пространства, тесно соприкасались со столичным миром, поэтому в разгадывании тайн портретов неизвестных может оказаться много неожиданного.

Ниточки к поискам

Рядом с «разудалым» купцом висит женский портрет. На характер лица в нем мало обращает внимания — оно невыразительно, хотя и необычно. Видно, главной целью художника было поймать сходство с натурой, а что эта женщина за человек, его мало интересовало. Впрочем, ее нарочитая поза и особенно то, как выставила она напоказ свою дорогую шаль, серьги, ожерелье, пальцы с насаженными на них кольцами, выявляет то, чем жила эта женщина, во имя чего писался ее портрет. Не шутки ради можно сказать даже, что ее украшения могут служить иллюстрацией к истории провинциального ювелирного дела. Портрет выполнен в откровенно декоративной манере, хотя видны в нем традиции иконописи.

Еще ярче почерк иконописца виден в следующем мужском портрете красно-коричневых тонов, статичном, с лицом, прямо обращенным на зрителя.

Не отсюда ли и надо идти в определении имени художников и портретируемых?

В качестве подсказки хочется привести свидетельство Д. Н. Мамина-Сибиряка, описавшего свою встречу с нижнетагильским старожилом Дмитрием Петровичем Шориным в очерке «Платина».

«Прежде-то какие иконописцы были... Взять хоть Худоярова. Старик Германов хорошо работал, на Вые — Матвей Лукояныч Чельшев. В Тагиле иконописная школа была у Федора Агафонича Уткина. Старики-то перемерли, а молодые что-то не нарождаются... В Невьянске славились Чернобровины и Богатыревы, в Черноисточинском заводе — Киприян Серебряков и Кузьма Петрович Полетаев...»

«Иконопись завезена на Урал раскольничьими выходцами и в свое время славилась, — продолжает Д. Н. Мамин-Сибиряк. — Из этих доморощенных живописцев выдвинулся своим талантом Исаак Худояров, работы которого и сейчас можно встретить в старинных богатых домах: он расписывал сундуки, железные шкапулки, подносы и

даже писал целые картины на железных листах. Очень недурно у него выходили живые цветы и особенно женщины в старинных костюмах двадцатых и тридцатых годов».

Так и хочется это свидетельство, особенно последнюю его строчку, счесть подсказкой. Разумеется, она требует и проверки, и других подтверждений. Но — все-таки, наш уральский писатель будто предвидел появление анонимных произведений и из далекого прошлого протянул ниточки к поискам.

И еще об одном портрете на той же выставке хочется сказать несколько слов — о «Неизвестном в мундире» министерства юстиции, с медалями Александра I на Владимирской и Анненской лентах.

В аннотации о нем сказано, что такой мундир мог носить выборный от купечества. Известный краевед, историк Анатолий Григорьевич Козлов оставил в книге отзывов запись, где предполагает, что неизвестный в мундире может оказаться купцом Казанцевым, имевшим соответствующий чин.

А вот меня, зрителя, невольно остановило сходство этого лица с известными изображениями Емельяна Пугачева. Предположение дерзкое, но — разве мало оставила нам история зашифрованных портретов Пугачева, почему бы не мог оказаться среди них и купец в мундире?

«Парные» портреты

Остановимся еще перед двумя портретами — мужским и женским. Одинаковые по формату, они одновременно поступили в Свердловскую картинную галерею. В живописи явно ощущается рука одного мастера. Но если в мужском портрете еще видна некая романтическая приподнятость, то женский портрет удивляет живой и видимому очень близкой подлинному лицу характеристикой. Улыбка женщины, ее фигура, ее простое лицо, видимо, запечатлели полное сходство с натурой. Так кто же автор этих портретов?

В процессе их изучения Татьяне Трошиной удалось установить, что на мужском изображен Алексей Яковлевич Яковлев, один из владельцев верх-исетских заводов. Женский — вероятно все-го — портрет его жены.

А вот кто писал эти портреты? Вряд ли это столичный живописец — слишком небрежен он к живописным канонам, но в то же время неплохо владеет традициями романтического искусства и использует их, особенно в мужском портрете. Он демонстрирует крепкое живописное мастерство, умение заглянуть в характер и подчеркнуть его — в женском портрете.

Так кто же он? Не уральский ли живописец, имени которого мы пока не знаем?

Поиски могли бы стать более определенными, если бы удалось проследить историю этих полотен до появления в Свердловской картинной галерее. Пока же известно только, что портретами прежде владел А. К. Воронихин, бывший заведующий Кунгурским краеведческим музеем.

Еще два портрета, которые тоже можно считать парными, Татьяне Трошиной удалось точно датировать. Речь идет о двух мужских портретах, где изображены юноша и молодой мужчина с книгой. Оба произведения прежде считались принадлежащими концу XIX столетия. Но Трошина, исследовав стиль изображения, способ письма, фасон костюма, пришла к выводу, что они написаны, безусловно, не в конце, а в первой половине прошлого столетия.

Насколько важно это утверждение?

Первая половина прошлого столетия характеризуется историками русского искусства как застойная для него эпоха. И разве не любопытно будет обнаружить, проследить, выявить, что именно в этот кризисный период в провинции появлялись художники-смельчаки, которые, пусть не очень умело с точки зрения мастерства, но зато настойчиво и по-своему пытались пробиться сквозь «мертвое море казенного академизма» и вливались в «небольшие ручейки реалистических попыток отобразить жизнь» (слова искусствоведа А. Эфроса),

А что если среди этих художников были и коренные уральцы?

Небезынтересно узнать и имена изображенных на портретах молодых людей. Их лица очень похожи (можно предположить, что это один и тот же человек в разном возрасте, или что это члены одной семьи). Искусствоведы сумели прочесть название книги на более раннем портрете: «Друг юношей». На этом удачи пока приостановились.

Но, может быть, разгадка все-таки близка? Что, если попытаться пойти еще по одному пути? Известно, что книги частных собраний имели нередко одинаковый переплет. Мы легко отличаем, скажем, демидовскую «Сан-Донатскую библиотеку», книголюбы по одному переплету определяют владельца собрания. Может быть, на сей раз библиофилы окажут услугу историкам искусства?

О чем рассказал орден Золотого Руна

Самая, казалось бы, незначительная деталь порой раскрывает тайну. В качестве примера хочется рассказать о портрете Дмитрия Павловича Татищева.

До выставки и это произведение было практически безымянным. Знали только, что изображен на нем Татищев. Но который? Первое предположение — о Василии Никитиче Татищеве, посланнике Петра I, основателе екатеринбургского горного дела, отпало при сравнении с его известными портретами. Но кто же тогда человек, изображенный здесь? Рука незаурядного мастера запечатлела личность значительную, яркую и внешне и внутренне.

Т. Трошина решила идти от частности: от ордена, украшавшего грудь портретируемого. Среди русских наград похожей на этот орден найти не удалось. Потребовалось много времени, чтобы удостовериться: знак отличия на портрете — это австрийский орден Золотого Руна. Редкий в России, он мог принадлежать, пожалуй, лишь Дмитрию Павловичу Татищеву (1769—1845), действительному статскому советнику, члену Государственного совета, обер-камергеру, чрезвычайному посланнику в Неаполе, Мадриде, Вене.

Обо всем этом и было написано в аннотации, сопровождающей портрет на выставке. Правда, один из посетителей заметил, что изображенный на портрете орден Золотого Руна не австрийский, а испанский. Но это не опровергает предложенной Т. Трошиной версии — испанский орден так же мог быть вручен русскому посланнику, как и австрийский.

* * *

О каждом из 29 произведений, нашедших место в выставочном зале, еще многое не сказано. Выставка, созданная усилиями всего коллектива галереи, рассчитана на активность зрителя, приглашает их отправиться по заманчивым дорогам личных сравнений и открытий, охунуться в тайну, которую еще предстоит раскрыть.

Г. ВЛАДИМИРОВА

ПОРТРЕТЫ ЯКОВЛЕВЫХ

НЕИЗВЕСТНЫЙ В МУНДИРЕ

«ДАМА В БЕЛОМ»

Искусство

советских республик

А. ЖМУЙДИЗНАВИЧЮС

НА ВЗМОРЬЕ

Свою долгую жизнь народный художник СССР Жмуйзинавичюс (1876—1966) посвятил изображению природы родного края. Он был не только живописцем, всегда боровшимся за реалистическое искусство, но и педагогом, воспитавшим несколько поколений литовских художников.

И. КЛЫЧЕВ

ХИВА

Народный художник Туркменской ССР Иззат Клычев окончил Художественный институт в Ленинграде. Туркмения — главная тема его картин. Ее люди — трудолюбивые и спокойные, ее земля — суровая, обожженная солнцем, но щедрая — отражены в произведениях художника.

ЗАКАТ НАД ТУНДРОЙ

ЦЛАВУНОВ ПРОВЕЛ ВЕРТОЛЕТ
В ВОРЫКВУ

МУЗЫКАЛЬНЫЙ ТЕАТР В СЫКТЫВКАРЕ

УХТА ДАЕТ

«МИНИМУМ»

Меньше чем за час доставил нас в Ухту из Сыктывкара «АН-24». На своих стоянках уже готовились к вылету огромные вертолеты «МИ-6» и «МИ-8». Но заместителю геологоразведочной партии, что работает в Ворыкве, не везет: уже который день висят над лагерем геологов низкие тучи, и он безнадежно упрощивает ухтинских авиаторов.

— Продукты кончились. Даже сухари. Буровым требуются запчасти, и доски позарез нужны — у нас уже снег лежит!

Командир подразделения «МИ-6» Николай Ильич Плавунов решил помочь геологам. Он здесь самый опытный, и поэтому ему разрешены все виды полетов — с грузом внутри фюзеляжа и на подвеске, установка опор, полеты над облаками...

И вот «МИ-6» идет на Ворыкву. Под нами — совершенно необжитая тайга. Изредка промелькнет черная змея речки, мрачным коричневым ковром растекутся болота — и опять сосны, исковерканные ветрами. Может, этот пейзаж стал бы чуть веселее под солнечными лучами, да над нами сплошные облака. Мастерство экипажа кажется чудом: вертолет точно вышел на крохотную бревенчатую площадку. Когда сели и раскрылась дверь — снежный вихрь ударил в лицо.

Снегом уже запорошило и развороченные кочки на болоте, и ветви елей, и... мешки с пробами, взятыми геологами из недр неуютной глухомани. Пробы — драгоценность. Немало еще придется полетать летчикам, немало потрудятся геологи, прежде чем будет получен ответ: есть месторождение! И тогда у Ворыквы вместо бревенчатой площадки появит-

ся аэродром, вместо балков — корпуса многоквартирных домов, нити дорог потянутся к ним.

В Ухту вертолет возвращается с несколькими мешками пробы. В обмен на сухари, запчасти, доски. А потом мы опять летим, уже на «МИ-8», в красавец Вуктыл, гордость Коми АССР. Здесь берет начало газопровод «Сияние севера», ку-

Горноспасатели Воркуты Александр Иванович Каснов и Дмитрий Дмитриевич Малик

«Орбита»

да поступают со многих скважин промысла газ и драгоценный конденсат. Когда вертолет приземлился, его командир Анатолий Игнатьевич Канев пошел выяснять отношения с синоптиками. Второй пилот Александр Васильевич Прокопьев и бортмеханик Валерий Николаевич Денисов, немного подо-

ждав, тоже стали одеваться:

— Старая история! Ухта закрылась. Теперь ночевать придется.

Та самая «мура», с которой боролся Плавун, пришла в Ухту из Ворыквы. Пока не закрылся Вуктыл, стали сюда слетаться «МИ-4» и «АН-2» со всей округи. Тесно стало от

экипажей в маленьком здании аэропорта.

Когда мы безнадежно искали пристанища-ночлега, Вуктыл взволновала весть: Плавун летит!

— И ему ночевать? — спрашиваю Канева.

— Улетит. У него допуск к ночным полетам. Если «минимум» даст Ухта, уйдет, обязательно уйдет!

Два экипажа «МИ-6» присоединились к отряду бездомных авиаторов. Наконец Ухта смилостивилась, дала добро на вылет. И тогда засветились в кабинах вертолетов шкалы приборов, рванули воздух светящимся кругом огромные лопасти, ушли вниз огни поселка и пропали за темной занавесью облаков.

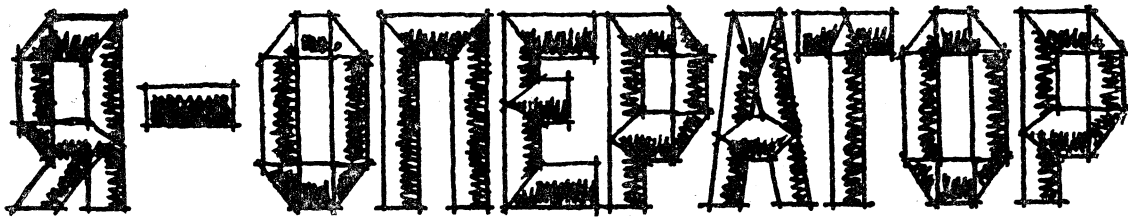
Трудно передать ощущения ночного полета. Там, где красовались желтые моря берез, где привольно размахнулась Печора, где хорошо видимые с вертолета насосы качали первую нефть Ухты, теперь зияла чернота, и лишь там и тут виднелись редкие багровые пятна — факелы промыслов.

Ухту я увидел неожиданно, когда прямо под нашим вертолетом засверкали в разрывах облаков огни взлетно-посадочной полосы и бетонка мягко легла под его колеса.

Утром земля встречала солнце. Под крылом «АН-10» вчерашняя тайга стала сказочно красивой, улицы Сыктывкара нарядились в золото и багрянец, а воркутинская тундра заискрилась безбрежным разливом снегов. Спасибо Плавуну: я все-таки успел на воркутинский рейс...

**А. НАГИБИН, спец. корр.
«Уральского следопыта»**

Фото автора

Сегодня суббота, и в нашем клубе танцы. Девчонки еще с утра отгладили платье, накрутили волосы, приготовили туфли. В комнате веселый кавардак. Пахнет лаком для волос и рижскими духами. Можно бы идти, да Ольга никак не наденет берет.

— Вот копуша,—сердятся девчонки.— Валь, помоги ей!

Наконец все готовы, и я провожаю их до дверей:

— Счастливо, девочки!

— Это тебе счастливо вахту отстоять. Ты скачай, да не очень. Ладно?

— Идет.

Я улыбаюсь. Вот чудные. Я и не думаю скачать. Я люблю ночные вахты.

И моя первая в жизни трудовая вахта была именно ночная. Представьте себе человека, которому недавно исполнилось восемнадцать. И он первый раз идет на завод. В кармане пропуск, и человек время от времени трогает его: не потерял ли? Оказавшись за проходной, человек вдруг робеет. Ночной завод совсем не такой, как днем, и новичок с ужасом понимает, что не знает дороги в свой цех.

— Эй, красавица, куда путь держишь?

Передо мною высокий плечистый дядя в шапке, надвинутой по самые брови.

— Мне в семнадцатый, к Любе Матвеевой.

— А-а, к Любушке!—голос его теплеет.— Считай, что тебе повезло. Идем, нам по пути.

Я еще не понимаю, почему при имени Любы так потеплел голос знакомого.

Но скоро, очень скоро я уже сама с гордостью рассказывала друзьям о своем операторе. И надолго запомню я зеленые смеющиеся Любушкины глаза, светлую пряжу, выбившуюся из-под платка.

А тогда, в первый день, я зашла в операторскую и остановилась в растерянности.

Кругом были чужие, незнакомые люди. Я не знала, что мне делать. Выручила Люба.

— Ну, чего стоишь? Проходи. Знакомиться будем. Тебя Валеи зовут?

— Валеи... А вы откуда знаете?

Рабочие засмеялись:

— Наша Люба все знает. Она же цыганка. Не смотри, что беленькая.

Первые шаги... Они всегда трудные, эти первые шаги. Я боялась насосов. Не хотела признаваться в этом даже себе, но боялась. Люба заметила, но ничего не сказала. Просто, когда мы отправлялись делать схему, она каждый раз вела меня через насосную. И я постепенно привыкла. Потом даже смешно стало: как это можно бояться насосов?

Столько было нового, а я так мало знала, что иногда закрадывалось сомнение: научусь ли? Сумею ли? А Люба как-будто не замечала моих опасений. Рассказывала схему, потом заставляла чертить ее, ходила со мной по линиям, поднималась на эстакаду, учила пускать и останавливать насосы.

Нельзя сказать, чтобы я была очень способной ученицей. Я довольно часто ошибалась, но не помню, чтобы Люба когда-нибудь рассердилась или хотя бы повысила голос. Каждый раз она терпеливо объясняла все с самого начала. А ведь я была у нее не одна. В ее бригаде нас, новичков, было четверо. Все мы учились в училище, а на заводе работали как практиканты.

Бывало, что у меня не хватало денег до новой стипендии, и однажды я пришла на работу голодная. Люба сразу почувствовала это.

— Ты сегодня ела?

— Да.

— А если откровенно?

Я отвела глаза и промолчала.

— Вот что. На тебе рубль и— марш в столовую. И чтобы больше таких секретов от меня не было. Ясно?

В другой раз Ибрагим, тоже практикант, пришел на работу в куртке без пуговиц. О-о, как рассердилась на него Люба!

— Ты куда пришел? На работу или на бал-маскарад? Ты кто— рабочий или бродяга?

Ее нежная и строгая любовь к профессии передавалась и нам. Мы стали ходить на работу как на праздник. Старые рабочие посмеивались:

— Приворожила вас Любка...

... — Ну-ка, Валентина, выкладывай, что у тебя не ладится?

- Да нет, Люба, все хорошо.
- Опять секрет?
- Понимаешь, наша группа в театр идет на «Риголетто», а у Нади туфель нет, и у Галки пальто неважное, и у меня...
- Понятно. Собирай свою гвардию и — ко мне!
- Дома распахнула шифоньер:
- Выбирайте, кому что подойдет!
- Позднее, когда меня уже перевели на другой участок, я спросила у нее:

— Любушка, скажи: как это ты обо всем догадываешься?

— Тебе же говорили, я — цыганка, — она улыбнулась, а зеленые глаза чуть погрустнели. — Сама через это прошла. Вот и знаю.

Я тоже знаю, что каждому из нас нужна своя Люба Матвеева. И неважно, какие у нее глаза, синие или зеленые, неважно, как ее зовут. Важно то, что она — настоящий друг, твое «третье плечо». Трудно будет — обязательно поможет. И сейчас, когда я иду по заводу и встречаю новичка с робким настороженным взглядом, то думаю: а с ним рядом будет старший друг с горячим сердцем и щедрой душой?

На работу я выхожу часа за полтора до начала вахты. Во-первых, все-таки далековато, а во-вторых, я люблю не спеша пройтись по заводу. Весной он весь в белом дыму яблонь, а зимой — в багровых отсветах факела и в беловатых клубах пара. Просто не верится, что когда-то тут был пустырь, на котором Люба Матвеева закладывала первые камни. Да уже при мне сколько было пущено новых установок!

Когда я приезжаю в отпуск домой, меня просят рассказать о заводе. Ну, какой он? И что это значит — оператор? Особенно донимает младший брат Володька. И я старательно рассказываю, что над нашим заводом нет крыши, что мы больше других видим звезд и что мы первыми встречаем рассветы. Рассказываю и о профессии нефтепереработчика.

— Ну, вот представь, Володь: на наш завод поступает нефть из Каменного Лога, из Чернушки, из Лобаново. Сначала эта нефть идет на электрообессоливающую установку. Здесь нефть очищается от воды, от механических примесей, от серы. На атмосферно-вакуумной трубчатке она разгоняется на фракции: бензин, керосин, лигроин, дизельное топливо... На следующих установках идет еще более глубокая разгонка этих фракций и получается готовая продукция: очищенный бензин различных марок, очищенное от серы дизельное топливо, масла, сажевый экстракт, парафин. Понял?

— Понял... — неуверенно отвечает Володька. — Только что же оператор-то делает?

И я опять старательно объясняю, что оператор ведет технологический режим, что он следит за температурой в печах и в реакторах, за давлением в колоннах, за анализами получаемой продукции. Пытаюсь даже рисовать, чтобы он все лучше представил. И операторскую со щитом приборов, и колонны, и печи. И злюсь на себя. Чувствую, что рассказываю как-то не так. Да и как можно передать словами гул печей, их нервное, дрожащее пламя, длину которого ты уже научился определять на глаз. Как передать ту радость, когда после трудного ремонта установка выведена на режим и ты записываешь в вахтенном журнале: «Установка на режиме. Анализы в норме. Продукт выводим в парк». Пишешь так коротко, сухо, а про себя кричишь: «Ура!..»

Мне очень хотелось стать настоящим нефтепереработчиком. После училища нас, девчонок, направили в товарные парки. А мне хотелось на установку. Не сразу, но я добилась своего, меня перевели на установку гидроочистки.

Операторская большая, хоть в футбол иг-

рай, а приборов столько, что у меня глаза разбежались. По правде говоря, моему приходу не очень обрадовались. Труд нефтепереработчика вообще тяжелый, а на установках и того труднее. Насосы, печи, задвижки под давлением.

Мужчинам бывает туго, а что с девочками возьмешь? И когда начальник установки Юрий Анатольевич Воробьев сказал: «Ребята, принимайте пополнение», то старшие операторы деликатно промолчали. Что за пополнение? Морока одна. Я испугалась: неужели не возьмут и придется снова работать в товарном парке? И вдруг смуглолицый чернобровый парень дружелюбно подмигнул:

— Идем в нашу бригаду!

Установку он знал, как свои пять пальцев. Объяснение начал с того, что вывел на аппаратный двор и полез вместе со мной на колонну.

— Уровень упал. Прибор проверить надо. Идем, — когда руками потрогаешь, быстрее запоминается.

Конечно, на заводе я была не новичком, но процесс гидроочистки знала только по схеме, что висела в операторской. Самое удивительное, что Николай стал доверять мне с первого дня.

— Смотри, Валюш, бензин не сходит. Открой нитки на две байпас на насосе.

И даже не спросит: знаю ли?

Я тоже промолчу. Схвачу рукавицы и в насосную. Прибегу и думаю: «Это которая задвижка, на каком насосе?» А он минут через десять за мной идет.

— Ну как,шла? Учись мыслить самостоятельно. Иначе какой из тебя нефтепереработчик.

На установках девчата обычно моют щиты, заправляют приборы, отбирают пробы. Так спокойней — чистота и никаких ошибок. Николай отменил этот закон:

— Каждый содержит свое рабочее место в порядке. И если кому-то нужно что-либо провентировать — идите сами. Валя не уборщица и не курьер. А такой же помощник оператора, как и вы. Ясно?

Такое отношение ко мне было, пожалуй, самым верным. У меня пропала неуверенность. Я почувствовала себя равноправным членом бригады. Правда, не все было гладко. Однажды в конце второй смены я продувала сепараторы и перестаралась. Выплеснувшись из емкости продукт. Я готова была расплакаться — уборки хватит часа на три. Трамваи ночью не ходят в город — как домой попаду? Ребята, ни слова не говоря, надели рукавицы, взяли шланги, метелки. Через полчаса все было готово. Домой ехали вместе. Я была благодарна им и счастлива, что работаю в такой дружной бригаде.

...На трамвайной остановке нефтеперерабатывающего комбината стояла худенькая девушка. Из-под синего платка забавно кудрявилась челка, а лицо было грустное-грустное.

— Людка! — обрадовалась я.

Она подняла глаза. В них были слезы. Я растерялась. Ведь это же Людка Кожевникова, Людка-баламутка, никогда не унывающий человек. Можно легко представить, как она смеется или как она сердится, но чтобы плакала...

— Людка, что с тобой?

Она тяжело вздохнула и махнула рукой.

— Так. Ничего. Просто я дура...

Трамвая не было, и мы медленно побрели пешком.

— Понимаешь, пришла к нам в цех новень-

кая. Тамара Рачёва. Сначала все хорошо вроде было. А потом вернулся из армии муж, и все у нее пошло кувыркком... Не буду рассказывать: запутанная история! Короче, уехала она, не рассчитавшись. А через полтора месяца обратно вернулась. Начальник парка наотрез — не надо таких. Да и другие операторы промолчали. А мне обидно стало за Томку. Молодая же. Только восемнадцать исполнилось. Неужели она пропащий человек?! Взяла ее в свою бригаду...

Людка замолчала и снова вздохнула.

— А она вчера снова прогул сделала.

Теперь я узнавала Людку. И это неподдельное горе, и эта тревога за какую-то неизвестную мне Томку. Но, конечно, это была прежняя Людка Кожевникова. Оператор крекингового парка цеха № 17. Она и не могла быть другой. Мы познакомились с ней давно. Помню, мне очень не хотелось уходить от Любы Матвеевой, но работа есть работа. Уходила с тяжелым сердцем.

В новой операторской за столом сидела маленькая девчонка со смешными, обрезанными под мальчишку волосами.

— Кто оператор? — хмуро спросила я.

Девчонка тряхнула головой и звонко сказала:

— Я оператор.

Наверное, у меня было очень глупое выражение лица, потому что она не выдержала и рассмеялась. А я обиделась:

— Тоже мне, оператор, от горшка два вершка! Что верно, то верно: мой новый оператор была всего на год старше меня и сама лишь недавно в нефтепереработке. Но ее первые шаги на производстве были уверенными и смелыми, потому что Людка, девчонка из деревни Семибратово, выросшая без отца, не признавала никаких трудностей. Работать с ней было легко и интересно.

На заводе случилось несчастье. Загорелась установка каталитического реформинга. Во время пожара на операторскую установку упала колонна. И вход туда был строго воспрещен. А в операторской в горшке стояли красивые цветы. И Люда каждый день забиралась туда через окно, чтобы полить их. Когда операторскую открыли, рабочие долго удивлялись, как это цветы не засохли. Людка была тут же. Равнодушно сказала:

— Устойчивые, значит. Не хотят без боя сдаваться, как некоторые,— и бросила косой взгляд на парня, который после пожара подал заявление на расчет.

Людка не могла помочь мне какими-то мудрыми житейскими советами или поделиться своим опытом, как это делала Люба Матвеева. Ведь мы были почти ровесницами. Зато я научилась у нее верить в свои силы и не хныкать, если споткнешься.

И вообще она была великой затейницей.

— Девочки, а ведь у Вали Макаровской сын родился. Давайте закажем для нее какую-нибудь хорошую песню по радио...

— Ой, девчонки, что я знаю: у тети Шуры новоселье!

И столько радости было в ее голосе, как будто она сама только что получила ордер на квартиру. А то заглянет ко мне в глаза и — лисой:

— Валь, молодец ты, правда?

— Не очень-то,— говорю я, чувствуя подвох.

— Молодец. Ты рисовать умеешь, правда?

— Так себе.

— И еще стихи пишешь. Да?

— Немножечко.

— Хоть немножечко, все равно хорошо. Давайте выпустим стенгазету. Поздравим наших женщин с праздником Восьмого марта. А?

И я знала: никуда мне от нее не деться, пока на стене не появится свежий номер газеты.

...Мы шли молча. Падал крупный снег. Мимо прозвенело несколько трамваев. Я тронула ее за рукав.

— Знаешь, я сегодня свободна. Поехали к этой твоей Рачевой. Разберемся вместе, что к чему.

Людка вмиг повеселела, тряхнула головой.
— Идем!

Мне бы не хотелось говорить о романтике, об алых парусах. Про это уже столько сказано, столько написано, что мне и добавить нечего. Просто напросто однажды весной меня охватила непонятная тревога. Вечерами сердце сжималось от грусти, и я убегала к набережной. Бродила там одна и часами смотрела на Каму. Иногда она была зеркально-чистой, и тогда по поверхности ее скользили облака, легко и красиво, как стаи белых лебедей. А когда солнца не было и с того берега дул ветер, я слушала то-ропливый шепот волн. И сами по себе вспоминались прочитанные где-то стихи:

Живешь ты с детства на сухой земле,
Уверовав в неколебимость суши.

А есть моря, штормящие во мгле,
А есть шторма, бунтующие душу.

Дредноуты глотает океан,
Девятый вал распарывает тучи.
Какой-нибудь тайфун иль ураган
Тебя нездешней дерзости научит.

Захотелось уехать далеко-далеко. Не знаю, может, причиной было то, что я влюбилась, а ОН никак не хотел замечать меня. Не долго думая, собрала чемодан (да и что там было собирать, ведь жила-то я в общежитии) и отправилась на край земли — на Камчатку. А через три года опять вернулась в Пермь и сразу же пошла на свой завод. И когда получила новенький, с зелеными корочками пропуск и на другой день шла вместе со всеми к проходной, то волновалась, как в тот первый раз, и поминутно совала руку в карман: а тут ли пропуск?..

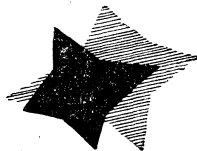
Ну вот, кажется, можно поставить точку.

Хочу только добавить, что моя сестра Галя и два брата тоже стали нефтепереработчиками. Правда, Женька где-то в Тюменской области, а Лешка — здесь, на Пермском нефтеперерабатывающем комбинате. Мы с ним — в одной бригаде.

Новенькие, только что пришедшие на завод из училища, узнав, что я побывала на Тихом океане, удивленно спрашивают: что же меня заставило вернуться обратно? Я молчу или отделеваюсь шуткой. Что я им могу сказать? Вот когда поработают на заводе, прирастут к нему корнями — сами все поймут.

Валентина БУСКИНА,
оператор Пермского
нефтеперерабатывающего
комбината

Рисунки В. Бубеницкова

ЕГО ЗВАЛИ— МАРИЦА

И. СЕМЕНЧИК

Развернув во все стороны уцелевшие орудия и пулеметы, сражалось во вражеском кольце 3-е Орджоникидзевское пехотное училище. Было это возле станции Абганерово, километрах в полтора от Сталинграда. Безусые парни с курсантскими нашивками на петлицах, зарывшись в твердую, как камень, землю, держались до последнего.

Приземистые, неуклюжие машины подминали под себя редкие кусты, взбивали гусеницами пыль и медленно вращали башнями.

А за ними, то исчезая, то вновь появляясь в клубах дыма, двигались вражеские автоматчики.

Рядом выстрелило противотанковое ружье. Ближний танк вздрогнул и закружился на месте. «Отделение, за мной!» — крикнул Лаптев и, вскинув винтовку, бросился вперед.

Последнее, что он видел — какие-то белые, словно замороженные под козырьком каски глаза немца, который целился в него из пистолета. Выстрела он не слышал.

Первый побег из плена оказался неудачным. Правда, на удивление, били мало. Но штрафного лагеря Андрей не миновал.

...Крытые брезентом грузовики, скрипнув тормозами, остановились на мощной булыжниковой площади. «Завалье. Бихач-гора 7 км» — было написано на дорожном указателе. Это была Югославия. Над селом плыл густой колокольный звон.

Вечером, воспользовавшись тем, что охрана, состоявшая из югославских домобранов, насильно мобилизованных уставами, сквозь пальцы смотрела за военнопленными, шестнадцать человек сумели незаметно скрыться. Среди бежавших был и Андрей. На этот раз ему повезло.

Так в апреле сорок четвертого стал Лаптев лесным солдатом, пулеметчиком русской роты в 34-й партизанской дивизии Народно-освободительной армии Югославии.

В отряде все звали Андрея «Маришей».

Почему пристало к нему это распространенное в Югославии девичье имя? Возможно, из-за шапки кудрявых волос, которым завидовала даже фельдшер — черноокая Славица. А может быть потому, что этот отважный, люто ненавидевший фашистов пареньек был добр и скромен, как девушка. И стало это имя паролем при выходе на связь или при встрече в разведке.

...Сон уже одолевал Андрея, когда в окне дома, где квартировало отделение, показалась кудлатая голова ординарца командира батальона:

— В поход!

Шли лесом, по узкой извилистой тропке. Сентябрьская ночь покрыла землю плотной черной завесой, и каждый из партизан держался рукой за приклад винтовки или пулемета шедшего впереди товарища.

Прошло около часа. Внезапно тьма раздалась, лес кончился. Остановились на опушке. Вскоре подошли еще два батальона.

В середину каре вышел высокий блондин в длинной английской шинели. «Майор Тояглович, командир бригады» — шепнул Андрею сосед.

— Другови борци! — обратился майор Тояглович к партизанам. — Идем на уничтожение рафинерии нефти.

— Что он сказал? — осетин Гриша Сосев ткнул Андрея локтем.

— Будем взрывать нефтеперегонный завод в Брезоваце, — перевел ему Лаптев.

Пока командиры совещались, партизаны, рассевшись на густой траве, негромко переговаривались.

Подошел командир русской роты Хаджимов:

— Нашей роте приказано идти прямо через станцию. — Он говорил тихо, не повышая голоса, но все его прекрасно слышали: рота насчитывала всего 30 человек. — Перед забором с «колючкой» — сплошная траншея. По углам дзоты. Охраны человек полтора.

На рубеж вышли жидкой короткой цепью и, не дойдя до высоких, без окон, корпусов, залегли. Прошло немного времени, и над головами партизан, фырча, пролетела мина. Это был сигнал к атаке.

Ночь ожила. Навстречу партизанам потянулись разноцветные нити трассирующих пуль, полетели гранаты. И тут, совсем некстати, взошла луна и залила мертвенно-бледным светом огромные баки с горючим, растянувшиеся по стационарным путям цистерны и десятка полтора бензозаправщиков, что, сбившись в кучу, стояли неподалеку от главного заводского корпуса.

Из окопа выскочил человек и, отстреливаясь из автомата, кинулся к зданию. Андрей бросился за ним. Устах завернул за угол, и Лаптев вдруг увидел, что прямо в лицо, кувыркаясь, летит граната на деревянной ручке. Он вытянул вперед пулемет, и граната лопнула, ударившись о приклад. Андрею показалось, будто сотни булавок вонзились в лоб, шею, щеки... Превозмогая боль, он поспешил дальше.

Бой разгорался все сильнее. Часть гарнизона, отстреливаясь, покинула переднюю траншею и

Андрей Петрович Лаптев

теперь отходила вдоль забора, пытаюсь прорваться к станции.

Перескочив через полотно, Андрей и его напарник Васильев залегли возле будки стрелочника. Чуть правее яростно хлестал свинцовый бич. До дзота было метров двадцать.

Прячась за штабелями шпал, они подползли к дзоту почти вплотную. «Предайся, предайся!»¹, — кричал Лаптев, когда вражеский пулемет ненадолго умолк.

Дзот замолчал. Вражеские пулеметчики бежали. А схватка уже шла на территории завода. Устали забаррикадировались в главном корпусе и не хотели сдаваться.

Светало. Полосатые, словно зебры, огромные баки с горючим уже отчетливо вырисовывались на фоне неба.

— Николай Михайлович, начинай! — Хаджимов повернулся к одному из партизан. Глухо ударило противотанковое ружье, и веселые огоньки пламени заплясали по круглым бокам резервуара. Оглушительно рвануло, потом еще, еще... На месте завода бушевал океан огня.

...На участке железной дороги Карловац — Загреб хозяевами были лесные солдаты. Дня не проходило, чтобы немцы не несли здесь потерь. Это произошло 27 января 1945 года. Русская рота стояла в селе Асанбрег, километрах в пяти от «железки». Поздно вечером к Хаджимову пришел связной. Тот выслушал его и собрал бойцов.

¹ «Сдавайся, сдавайся!»

— Вот что, товарищи. Полк егерей и арtdивизион немцев остановились неподалеку. Утром будем драться. Штаб бригады приказал срочно эвакуировать население, а село не сдавать.

Рассвет застал их в окопах. Шоссе, обрамленное зарослями, настороженно молчало. Но вот где-то в небе с треском раскололась гигантская сухая доска. На окраине села выросли первые грибки разрывов.

Андрей поудобнее приладился к пулемету и стал ждать.

— Идут! — крикнул кто-то.

— Подпустить ближе, без команды не стрелять! — предупредил Хаджимов.

Горные стрелки двумя колоннами двигались по кюветам. И когда оставалось метров с полсотни, Хаджимов махнул рукой: «Огонь!»

Пулемет Андрея задрожал словно в лихорадке. Фашисты падали, ползли на животе, снова вскакивали и выбегали на шоссе.

Видя, что враг дрогнул, Андрей крикнул: «Отделение, за мной!» и кинулся было в контратаку.

— Назад! — надрывая голос, кричал Хаджимов. — Не зарываться. Нас мало.

Сражение шло уже двенадцать часов. Горела подожженная снарядами деревня, дымилась земля. Одиннадцать партизан было ранено, но оборона держалась.

Чувствуя, что в лоб деревню не взять, немцы стали окружать горстку храбрецов.

— Всем отходить! Я с Кавыршиным прикрою, — скомандовал Хаджимов.

Но вот чавкнула мина, осколок ударил Хаджимова по ноге, перебив сухожилие.

— Уходи! Приказываю, — сказал он Кавыршину, и тот стал отбегать к своим.

— Где ротный? — встретил его вопросом Андрей.

— Раненый остался. Меня прогнал, — ответил Кавыршин.

— Ребята! — крикнул Андрей и первым кинулся назад. Немцев отбили, а Хаджимова вынесли на плащ-палатке.

Не прошло и недели, как Лаптева вызвали в штаб. Пожилой, чем-то похожий на Тараса Бульбу командир бригады Франи Огулинец крепко расцеловал его.

— Спасибо, сынок. За доблесть и мужество тебе присваивается офицерское звание «заставник». И вот... Ты заслужил, — он повесил на китель Андрея партизанскую медаль «За храбрость».

...Силуэт корпуса агломерации Кушвинской аглобогатительной фабрики издали похож на корабль. Будто отшвартовался он однажды от вершины горы Благодать, прошел мили полторы и встал на вечную стоянку. Две огромные дымовые трубы, с подножья прикрытые зданием корпуса, только подчеркивают сходство с кораблем.

Похожие на легкие ажурные мостики, бегут вниз длинные галереи шихтовой цепочки, подавая сырье на производство.

По решетчатым фермам эстакады грохочут грейферные краны, и руда выплескивается прямо в вагоны.

Узкая лестница ведет наверх, где под самой крышей с грохотом ползут ленты транспортеров агломашин. Ровно, на одной ноте, гудит зажигающий горн, бросая отблески пламени на покрытое пылью лицо рабочего.

Здесь, почти двадцать лет тому назад, Лаптев начинал бункеровщиком, а попросту — грузчиком.

...Начальник цеха Борис Петрович Конищев сосредоточенно что-то смахивал пальцем со стола.

— Андрей Петрович, у меня к тебе серьезный разговор. Да вот, не знаю, с чего начать...

— Случилось что-нибудь? — обеспокоенно спросил Андрей Петрович.

— Нет, не волнуйся. Понимаешь, посмотрел я, как ты недавно ребятам на ремонте помогал. Ну, когда твоя машина на капитальном стояла. Каменщик ты, оказывается, первостатейный. А ремонтников добрых у нас только двое...

— Значит, к Попову в бригаду сватаете? — перебил его Лаптев.

— Точно. Там как раз тебя не хватает, — обрадовался Конищев.

С того дня и стал Лаптев ремонтником.

...Посмотреть со стороны — отдыхают люди. Курят, неторопливо перебрасываются словами. Но это так только кажется. Всякий раз, прежде чем приступить к ремонту зажигательного горна, Лаптев и его товарищи мысленно прослеживают ход всей операции, готовят себя к любым неожиданностям.

Разогретые до температуры 1300 градусов ма-

линовые кирпичи нехотя отдают тепло. Ждать, пока они полностью охладятся — значит, терять драгоценное время.

Обливаясь потом, Лаптев бьет по кирпичу ломом. Рядом — товарищи. Работают молча.

Скупые, четкие, продуманные движения. Жар перехватывает дыхание. Гулко колотится сердце.

Сменяют друг друга через две-три минуты — больше в горне не выдержать. Выскочит, тяжело дыша, один, а другой заступает его место, погружается в раскаленный воздух горна.

Вот зазвенел топор. Устанавливаются деревянные стойки. Как только они выросли, сверху ложатся доски — каркас опалубки.

Наконец и опалубка готова. Начинается кладка. Ведут ее Лаптев и Попов. Кирпичи ложатся в перевязку, плотно прилегая друг к другу.

Но вот, наконец, ремонтники запирают «замок», и свод готов.

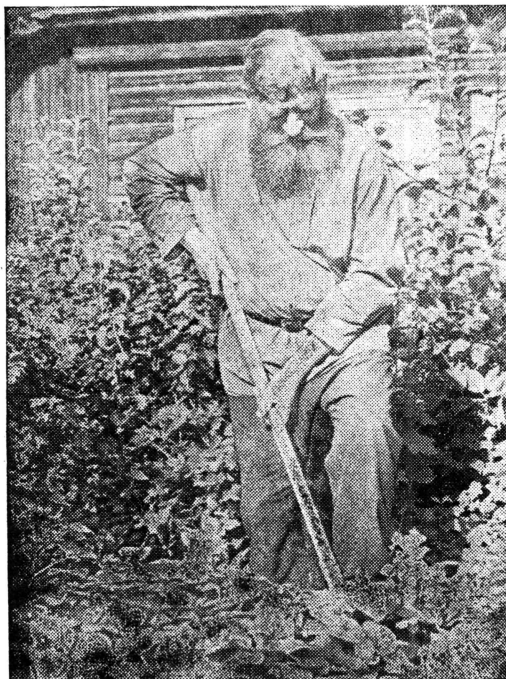
...У него самая главная профессия на земле. Он рабочий человек, который не устает трудиться. И орден Октябрьской революции, недавно увенчавший трудовую доблесть Андрея Петровича — достойная награда уральцу.

УРАЛЬСКИЙ КУЗНЕЦ

Художником своего дела называли товарищи уральского кузнеца Евстафия Евграфовича Караваева. В тяжелые годы войны он работал на заводе и изготавливал самые сложные детали для орудий.

Сейчас Е. Е. Караваеву 81 год. Живет он в Свердловске и славится искусным садоводом.

Е. Ганебны

В СИНЕМ ЗАЛЕСЬЕ

Рассказ

А. ПЕТУХОВ

Рисунки Н. Мооса

1.

Сарга показалась неожиданно. Изношенный, гремящий всеми узлами и деталями колхозный грузовик еще минуту зад ковылял по ухабам проселка в дремучем су, и вдруг из-за поворота возникли впереди рыши домов. Лес, вытолкнув дребезжащую колымагу, равнодушно сомкнулся позади глухой стеной, и теперь по обе стороны дороги простирались поля ржи.

Василий Кирикович заволновался, снял с головы шляпу, вытащил из внутреннего кармана пиджака очки, протер стекла носовым платком.

— Здесь, Герман, начинается моя родина! — несколько торжественно объявил он сыну. — Страна Вепсария... Видишь, какой простор! А небо, а воздух!... — и широко раскинул руки.

Но в это время грузовик так трянуло, что он едва успел схватиться руками за борт.

Герман, кареглазый брюнет лет семнадцати, устало оглядывал окрестность, которая, впрочем, была довольно однообразной: невысокий холм с

отлогими склонами, на вершине — деревня, а вокруг полей сплошным кольцом темнел дикий лес.

— Здесь уже чухари живут? — спросил сын, не взглянув на отца.

— Да... Только запомни, еще раз говорю: не чухари, а вепсы. Вепсы! Чухарь — это, как бы сказать... Прозвище, что ли...

— Усвоил. Но как мы будем здесь объясняться, если ты забыл язык своих предков?

— Не совсем забыл... Кое-что помню. К тому же все вепсы отлично владеют русским, так что можешь не волноваться...

Машина поднялась на холм, пропылила по узкой улочке между приземистыми темными избами с густыми зарослями черемухи в палисадниках и остановилась возле почты.

— Все, приехали! — объявил шофер, вылезая из кабины. — Не растрясло вас?

— Ничего, выдюжили! — Василий Кирикович вытер платком красную лысину и осторожно спустился на землю.

Герман уже взялся рукой за борт, намереваясь прыгнуть из кузова, но отец жестом остановил его.

— Послушай,— подошел он к водителю.— Может, ты подкинешь нас до Ким-ярь? Я заплачу, сколько нужно.

Шофер, добродушный, широколицый, удивленно вытаращил глаза.

— Да вы что? Туда и дороги нет!.. И потом вы же сами сказали, что вас в Сарге встретят.

— Это верно. Но вдруг машина оттуда еще не пришла?

— Ма-ши-на?! Откуда?— на лице водителя теперь было такое изумление, будто ему сказали, что в Саргу должен прибыть космический корабль с другой планеты.

— Как откуда? Из Ким-ярь. Я отцу послал телеграмму, чтобы нас встретили.

Шофер как-то странно взглянул на Василия Кириковича и сказал:

— Давайте помогу сгрузиться, да и обратно двину.

— Жаль!— Василий Кирикович протянул ему деньги.— Возьми. Спасибо, что довез.

— Не надо. Мне председатель сказал отвезти вас в Саргу, и все.

— Не ломайся! Деньги — они пригодятся.

Но водитель отвернулся и сказал Герману:

— Подавай, парень, багаж.

Через несколько минут чемоданы, рюкзаки, тюки и ящики были выгружены.

— Вы на почте справьетесь, приехали за вами или нет!— крикнул шофер, отъезжая.

В просторном помещении, стены которого были оклеены красочными лозунгами и плакатами, за столиком сидела юная девушка с коротенькими, как у школьницы, косичками.

— А что, почта не работает?— спросил Василий Кирикович, остановившись в дверях.

— Почему же? Работает!.. Вам что?

— Я еду в Ким-ярь. Меня должны были встретить здесь, в Сарге...

— Вы, наверно, Тимошкин?— девушка улыбнулась ровными белыми зубками.

— Да.

— Это вы подавали телеграмму из Омска в Лахту на имя Кирика Савельевича?

— Я...

— Понимаете, вашу телеграмму не удалось вручить...

— Как?— опешил Василий Кирикович.— Я подал ее неделю назад!

— Знаю. Но у нас нет связи с Ким-ярь.

— Что значит — нет связи?— вспыхнул Василий Кирикович.— Кто у вас начальник?

— Начальник я,— растерялась девушка, и личико ее вытянулось.

— В таком случае,— Василий Кирикович понизил голос,— объясните мне, что все это значит? Держать телеграмму неделю — это же преступление! Почему не приняли мер к исправлению линии? Сколько времени она у вас не работает?

— Что не работает?— теряясь все больше, спросила девушка.

— Связь! Я, кажется, русским языком спрашиваю!..

— Будто вы не знаете!

— Я ничего не знаю! Я вас спрашиваю, и будьте любезны отвечать, как положено!

— Хорошо. Я отвечаю. У нас нет связи с Ким-ярь двенадцать лет... Что вы на меня так смотрите? Двенадцать лет нет ни телеграфа, ни телефона!— И она уткнулась в бумаги, лежащие перед нею на столе.

Василий Кирикович почувствовал внезапную

слабость. Поглаживая грудь, он вышел на улицу и остановился на крыльце, бессмысленно глядя на Германа, который лежал на траве возле груди багажа. Рука машинально вытаскила из кармана склянку с валидолом.

— Что там?— спросил Герман.

Василий Кирикович положил таблетку в рот.

— Зайди ты, поговори... Я не могу!..— и, держась за перила, спустился с крыльца.

Герман нехотя поднялся, сунул руки в карманы модных брюк и направился на почту.

— Ух ты, какая милая крошка!— воскликнул он, переступив порог.

Девушка смотрела хмуро, чуть исподлобья, глаза ее были влажными.

— Чем тебя обидел мой невоспитанный предок? А?

Девушка молчала.

— Между прочим, ты его тоже малость шибанула! Валидол сосет...

— Но я же не виновата, что не с кем было отправить вашу телеграмму!

— Усоил. Телеграмма не вручена. Нас не встретили... Но это же сущий пустяк! Сейчас мы позвоним в эту самую Кимору и вызовем машину. Просто и хорошо. И не надо из-за этого портить настроение.

— Но в том-то и дело, что в Ким-ярь нет телефона!

— Ого!.. Это уже посерьезней... Да...— Герман на минуту задумался, потом вдруг подмигнул девушке и весело сказал:— В таком случае будем искать машину здесь.

— Вы, видно, в самом деле ничего не знаете, — почти с отчаянием произнесла девушка.— В Ким-ярь машины не ходят. Туда нету дороги.

— Так, — улыбка сошла с лица Германа.— Тогда я не понимаю, кто и как должен был нас встретить... Сколько туда километров?

— От нас до Ким-ярь тридцать шесть километров. Вас могут встретить только на лошади. Но чем оттуда вызывать лошадь, лучше взять ее здесь.

— Спасибо за совет, — ответил Герман и вышел.

Василий Кирикович, ссутулясь, сидел на чемодане. Герман закурил «столичную», лег на траву и уставился в бездонное июльское небо.

— Выяснил что-нибудь?— спросил отец.

— Выяснил. К твоим предкам. нужно добираться на динозаврах.

— Я серьезно спрашиваю!

— А я серьезно отвечаю. Если не найдем динозавра, то можно взять здесь копытное животное и катить на телеге. Ни много ни мало тридцать шесть кмэ! Не знаю, как тебе, а мне эта экзотика, о которой ты так много говорил, начинает надоедать.

Василий Кирикович вздохнул и снова побрел на почту.

— Так что же все-таки нам делать?— откровенно спросил он.

— А вы не расстраивайтесь! Все, кто едут в Ким-ярь, делают просто: идут к нашему бригадиру, нанимают лошадь, и все. Никакой канители!

— Да, но если бы телеграмма была вручена, мне не нужно было бы ни о чем заботиться! Нас встретил бы мой отец.

— Наверяд ли... Куда Кирику Савельевичу в такую дорогу? Старик и дома-то еле бродит.

— Как? Вы знаете моего отца? Он что, болеет?— встрепетнулся Василий Кирикович.

— Болеть не болеет, а сами должны понимать — восемьдесят с лишним лет.

— Да, да... Вы правы... Я не подумал как-то... Вы подскажите, где тут живет бригадир?..

2.

«Еле бродит... Еле бродит...» Казалось, эти слова выстукиваются неровными ударами сердца.

— Ну как? — спросил Герман. — На динозавре поедем или на ишаках?

— Ты отдохни, Гера, — отозвался Василий Кирикович. — Кофе попей — он в большом термосе. А я пойду к бригадиру.

«Отец еле бродит... — билось в голове. — Конечно! Тогда ему было сколько? Пятьдесят семь? Да... Прибавить двадцать пять... Нет все это ужасно!» — Он поморщился.

Бригадира дома не оказалось, он был на пожне, складывал сено. Василий Кирикович отыскал и пожню: еще издали услышал людской гомон. На лугу работало человек пятнадцать — женщины, дети и трое мужчин.

Он подошел к себе ближнего парнишку и велел позвать бригадира.

Подошел щуплый мужичонка с лоснящейся от поту бронзовой грудью.

— Я еду в Ким-ярь, — сказал ему Василий Кирикович. — Мне срочно нужна хорошая лошадь. Нас двое и порядочно багажа.

Бригадир догадался, что это, верно, и есть Кирика Тимошкина сын, с телеграммой от которого не раз прибежала к нему молоденькая завпочтой.

— Ладно. Поможем, — и крикнул, обернувшись к работающим:

— Ванько!

К ним подбежал запыхавшийся подросток лет одиннадцати, такой же сухой и смуглый, как бригадир.

— Придется тебе в Ким-ярь ехать, — по-вепски сказал ему бригадир. — Запряжешь Мальку. Волокуши за конюшней, слабенькие, но в одну сторону выдержат. Там их и бросишь. Обратное приедешь верхом, — и по-русски, обращаясь к Василию Кириковичу: — Подите с ним. Он все

сделает. За лошадь мы берем десять рублей в сутки — так в колхозе постановлено. Ванька квитанцию даст.

— Это что же? Он и повезет нас? — недоверчиво спросил Василий Кирикович: он не понял, что сказал бригадир по-вепски.

— Да. А что?

— Но если в дороге что случится?

— Все будет ладно! — махнул рукой бригадир.

Спустя полчаса подвода стояла возле почты.

— Такси подано, — усмехнулся Герман.

Белая лошадь — старая мослатая кобыла Малька — была запряжена во что-то несуразное: две длинные жерди, они же и оглобли, с набитыми попереки досками.

Как что-то очень далекое, виденное в пору детства, вспомнилось Василию Кириковичу, что вот на таких повозках-волокушах возили в Ким-ярь в пору бездорожья соль, спички, прочие необходимые товары и почту.

— Послушай, паренек, — обратился Василий Кирикович к Ване. — А мы?

Мальчик приподнял козырек сползающей на глаза кепки.

— Чего — вы?

— А мы-то на чем поедим?

— Ни на чем. Пешком пойдете...

Ваня разматал длинную веревку, что лежала на волокушах, расстелил на досках широченный брезент и начал деловито грузить вещи. Неторопливый, в сером латаном пиджачке, в больших резиновых сапогах и с полевой сумкой на боку он был похож на маленького мужичка. Совсем мужскими выглядели его темные от загара крупные кисти рук и только лицо с облупившимся носом было детским.

Герман ходил вокруг волокуши и ворчал:

— Неужели и телег у вас нету?

— Телеги-то есть.

— Не про нашу честь? — съязвил Герман.

— Да вы будто с луны свалились. Будто дороги не знаете!..

— Ну-ну!

— Хватит зубоскалить! — оборвал сына Василий Кирикович и вздохнул. Он-то знал эту дорогу, не раз хаживал по ней еще до войны, когда учился в педагогическом училище! По этой дороге в сорок первом он уезжал на фронт, по этой же дороге возвращался с войны. Но сейчас, если уж телефонной связи нет между Саргой и Ким-ярь, вполне возможно, что и дороги не стало...

Когда весь багаж был уложен, Ваня завернул углы брезента наверх и долго и старательно увязывал поклажу веревкой.

— Ну, все! — объявил он. — Вот вам квитанция. За лошадь — десять рублей.

Василий Кирикович рассчитался. Ваня сбегал на почту, вынес небольшой сверток в целлофановом мешочке — газеты и письма старикам, оставшимся доживать свой век в Ким-ярь, еще раз осмотрел повозку, проверил, хорошо ли держится сунутый под багаж топор, и взялся за вожжи.

— Ну чего, поехали? — и вдруг увидел, что Герман и Василий Кирикович в полуботинках. — У вас разве сапогов нету?

— Сапоги? Есть. В рюкзаке. А что?

— А ничего!.. — и Ваня стал развязывать стянутый веревкой воз: рюкзаки были положены вниз, между чемоданами...

Только в пути Василий Кирикович понял истинное назначение большого брезента на волокушах: без этого брезента сберечь вещи от воды и грязи оказалось бы просто невозможно.

Он никак не мог взять в толк, почему, каким это образом в прошлом торная дорога от Сарги в Ким-ярь превратилась в труднопроходимый проселок. Ему всегда представлялось, что всюду необратимо, как время, идет непрерывный процесс превращения тропок в проселки, проселков — в шоссе, шоссе — в автомагистраль. И вдруг он столкнулся с явлением, противоположным сложившимся представлениям и понятиям.

Он хорошо помнил, что по этой дороге ходко ездили колхозники и сельповские заготовители на больших двухосных телегах, что вдоль дороги тянулись глубокие канавы, что через ручьи и речки были прочные из тесаных бревен мосты, что на болотах была гать с высской подсыпкой гравия и песка. Но канавы заросли не кустами — лесом, мосты сгнили и рухнули, гать засосало в болотную хлябь. И теперь приходилось либо продираться сквозь сучья, спотыкаясь о пеня и коренья, неведомо откуда взявшиеся посреди дороги, либо брести по болотине в жидкой грязи, а ручьи и речки переходить вброд.

Василий Кирикович терпеливо сносил муки этого изнурительного пути, а Герман донимал его:

— Вот она, чудная страна Вепсария! Наверно, ты немеешь от счастья?!

Но с каждым километром пути и Герман становился все молчаливее, пока, наконец, вовсе не умолк: дорога измотала его.

А Василий Кирикович вспоминал, как в сорок пятом году отец провожал его по этой самой дороге в далекий путь — в Сибирь.

Только один месяц прожил в родительском доме возвратившийся с фронта Василий Кирикович. Но этот месяц показался ему годом: в далеком Омске ждал его фронтовой друг Карп Семенович Деревянко, полковник медицинской службы. Впрочем, только ли друг? У Деревянко была взрослая дочь-красавица, и фотографию ее Василий Кирикович уже давно носил в кармане кителя, у сердца.

Если бы он сказал тогда отцу о своих тайных надеждах, тот, может быть, лучше понял причину поспешного отъезда сына, легче бы перенес разлуку. Но отец ничего этого не знал и рассуждал по-своему: сын теперь — большой человек, с войны пришел майором, что ему в деревне околачиваться?

Для отца тот месяц пролетел, как день один и, провожая сына, он просил только — не забывать родную сторонку.

Они ехали тогда на телеге в такой же жаркий июльский день. Изморенная работой колхозная лошададка шла тихо. Это раздражало Василия, но утешало отца: все-таки какой-то лишний час он побыл возле сына. В Сарге, прощаясь, отец сказал:

— Хоть письма чаще пиши... Сам-то уж, чую, поди, не приедешь...

По щекам отца текли слезы, и Василий Кирикович, чтобы успокоить его, пообещал:

— Что — письма? Сам каждый год в отпуск приезжать буду!..

И приезжал бы, если бы был холост. Но, приехав в Омск, Василий Кирикович скоро женился

и через год стал отцом. А с малышкой в такую даль не поедешь...

Не успела вырасти дочь — появился на свет Герман. Поездку на родину опять пришлось отложить на неопределенное время. А там — заочная учеба в вузе, стремительный взлет по служебной лестнице, учеба жены в аспирантуре...

И закрутилось!

Лет десять Василий Кирикович, кажется, вообще не помнил о Ким-ярь и о своей деревеньке Лахте. Однако связь со стариками поддерживал: слал им на праздники поздравительные открытки, а на Новый год непременно отправлял посылку или деньги.

Из Лахты, тоже очень редко, приходили коротенькие письма, написанные рукой соседки Нюры Маркеловой, поскольку отец и мать были неграмотны. Кроме обычных поклонов в этих письмах перечислялось, кто приезжал в Ким-ярь в отпуск да кто еще собирается, понаслышке, наведаться в родные места. О себе старики сообщали неизменно одно и то же: «Мы покуда, слава богу, живы-здоровы и дома все ладно».

Так прошло целых двадцать пять лет!..

Мысль навестить родину пришла Василию Кириковичу в прошлом году, когда он оформился на персональную пенсию и по причине слабого здоровья оставил работу на пятьдесят шестом году жизни.

Точнее, это была даже не мысль, а неожиданно вспыхнувший позыв совести. Оказавшись без всякого дела, Василий Кирикович сначала так, от избытка досуга, стал вспоминать маленькую деревушку на берегу озера. Воспоминания эти первоначально были скудны: деревушка крохотная — то ли десять, то ли двенадцать дворов, а Ким-ярь — большое озеро, километров пять в длину; лес за деревней густой и темный — ельник.

Постепенно в памяти, как из редящего тумана, стали вырисовываться подробности: родной дом — огромный, стоит на бугре в центре Лахты, лицом к озеру, берег озера напротив деревни — песчаный, чистый, мелкий. Там хорошо было купаться. В ельнике, что темнеет за деревней, скрыто от глаз людских маленькое таинственное озерко — Ситри-ярвут, на которое надо уходить на рыбалку так, чтоб никто этого не знал, иначе вернешься без рыбы.

Потом воспоминания стали буквально преследовать Василия Кириковича. Он вспомнил даже, как пахнет на болоте янтарная морошка, как трубят за Ким-ярь журавли и какая светлая и вкусная в озере вода.

С необъяснимой неотступностью преследовало его и мучило ощущение глубокой сыновней вины. Долгими ночами он думал о том, как могло случиться, что он столько лет не навещал стариков? Как могло случиться, что вся его связь с отцом и матерью на протяжении многих лет выражалась лишь в коротеньких, однообразно написанных праздничных поздравлениях, а вся мощь — в несчастной десятке или посылочке на Новый год?

Все чаще и чаще он вспоминал стариков. Сам Кирик — мужик жилистый, широкоплечий; мать, Акулина, под стать мужу — румяная, крепкая, бойкая, всю войну за плугом ходила...

Но с тех пор прошло четверть века! Василий Кирикович силится представить, как выглядят старики сейчас — и не мог. И у него начинали гореть от стыда уши, и чтобы искупить свою

вину, хотелось немедленно ехать, не ехать — на крыльях лететь в Лахту, навезти старикам кучу подарков и гостинцев, пожить там месяца два-три и тем скрасить их одинокую старость.

Сейчас, когда с каждым шагом сокращалось расстояние до родной деревни, когда с каждым часом приближалась минута встречи со стариками, эти прошлые переживания и мысли уже не казались Василию Кириковичу такими обоснованными и правильными. Под назойливое гудение оводов и чавканье грязи под сапогами думалось иначе — бесстрастно и вроде бы более объективно.

В самом деле, разве есть его вина в том, что в жизни, при большой работе, не хватало времени вот на такую поездку? Теперь есть время и он терпеливо сносит дорожные муки.

А письма? Как бы он стал их писать, заведомо зная, что эти письма будут читать чужие люди? Нет, это было бы совсем ни к чему! Зачем посторонним, той же Нюре Маркеловой, знать подробности его жизни?.. Денег, конечно, можно было посылать больше. Но на что старикам деньги? У них, наверно, есть коровенка, поросенок, овцы, куры, свой огород, они и пенсию получают. Пусть небольшую, но много ли старикам надо? Да и в письмах они никогда не жаловались на нужду. Если бы хоть раз намекнули, что им трудно, послал бы, сколько нужно, послал бы с радостью...

О том, что в далеком и тяжком сорок пятом году отец и мать тоже не обижались на житье, хотя жилось им тогда горько и солоно, он не помнил...

4.

На двадцатом километре пути Василий Кирикович заявил, что дальше идти не может.

В мокрой от пота рубашке, с воспаленными глазами на раскаленном припухшем лице, он в изнеможении опустился на мшистую кочку и привалился спиной к дереву. Руки его бессильно лежали на коленях и нервно вздрагивали.

— Итак, мой предок выдохся! — Герман скривил в усмешке тонкие губы. — Между прочим, я — тоже! — и свалился в траву.

— Крикни этому... как его... Ваньке! А то ведь уедет, оставит нас, — слабым голосом пробормотал Василий Кирикович.

Герман привстал и звонко, на весь лес крикнул:

— Эй, парень!.. Гони сюда!..

Ваня прибежал минут через пять.

— Вы чего? — он в недоумении смотрел то на Василия Кириковича, то на Германа. — Ноги стерли?

— Будем отдыхать, — Василий Кирикович закрыл глаза.

— Да ведь только что отдыхали. Километр от того места прошли, не больше.

— Нет... Отдохнем по-настоящему. Часика три-четыре...

Выгоревшие брови Вани ползали на лоб.

— Да вы что? За четыре-то часа вы дома будете!

— Не ори. Заворачивай лошадь. И костер сделай. Кофе надо попить.

— Здесь и воды нету. Через два километра ручей будет. Там бы уж...

— Делай, что тебе сказано! — рявкнул Василий Кирикович. — И не порти мне нервы.

— Мецамизь тийдь отхаха, Йоугатомидь!..¹ — в сердцах выругался Ваня и пошел к лошади.

— Поговори у меня! — бросил вслед ему Василий Кирикович. — Деньги тебе уплачены, и будешь делать, что скажем.

— Ты можешь перевести, что он вякнул? — спросил Герман.

— А черт его знает! — ответил Василий Кирикович, хотя кое-что и уразумел из Ваниной фразы.

Герман закурил.

— Да... Чтобы с аборигенами ладить, надо знать их язык. Или возить с собой переводчика. А то они выругают тебя, как хотят, а ты и знать не будешь.

Василий Кирикович молчал. Он не раз думал о том, что в сущности не знает своего сына.

Дома, оказываясь наедине с ним, он тяго-

тился тем, что не знал, о чем разговаривать с сыном. И сейчас он тоже не понял, смеется над ним Герман или сочувствует... А может, судьба в отместку распорядилась: сам он, Василий Кирикович, давно уже порвал духовные связи со своими стариками, а теперь вот сын родной — чужого непонятней.

Подъехал Ваня. Лицо насуплено, губы плотно сжаты, брови сурово сдвинуты. Он молча распряг лошадь, снял хомут, смотал на руку вожжи.

— Да сколько времени тут сидеть-то будете? — спросил хмуро.

— Тебе уже было сказано.

Ваня вскочил на лошадь, тронул повод.

— Стой! Ты куда?

— На ручей. Там пожня есть, хоть лошадь покормлю... Солнце сядет — приеду!

— погоди! А огонь? — растерялся Василий Кирикович. — Сначала сделай нам огонь и принеси воды. А потом можешь ехать хоть за ручей.

— Спички есть, топор — на волоках. Сами

¹ Возьми вас лесной дух, безногих!.. (Вепский)

управитесь! — Ваня стегнул Мальку смотанными вожжами, и та затрусилась по узкой дороге тяжелой старческой рысью.

— Вот так! — сказал Герман.

А Василий Кирикович все еще смотрел вслед Ване и гневно бормотал:

— Сопляк! Никакого уважения! Что с него будет, когда он вырастет? Подумать страшно... — и повернулся к Герману. — Придется, Гера, тебе костром заняться, а то заест мошкара.

— А ты веточками отмахивайся, как я.

— Но кофе-то надо сварить!

— Надо. Только я не добрый джин и без воды кофе варить не умею.

— Да, ведь воды-то нет... Вот ведь какой идиот! Ничего не сделал и уехал...

— Экзотика!

— Чем зубы точить, достал бы хоть коньяку... Из черного чемодана.

— Это — всегда пожалуйста!..

Герман долго развязывал веревку, потом выложил весь багаж на дорогу, благо место было сухое, заодно вытащил из рюкзака плащи, а из хозяйственной сумки — полиэтиленовые стаканчики, два апельсина, кусок корейки.

— Корейки, пожалуй, не надо, а то пить захочется.

— Как угодно!

Выпили по полстакана, закусили апельсинами и улеглись, завернувшись в плащи.

— Постарайся уснуть, — посоветовал Василий Кирикович. — Сон хорошо снимает усталость.

Он опять стал думать о сыне, вспоминая те редкие вечера, когда по телевидению передавались хоккейные матчи. Оба, и отец и сын, болели дружно, шумно выражая свои восторги и негодование. В такие минуты бесследно исчезала атмосфера натянутости и странной отчужденности, и можно было подумать, что отец и сын — самые большие друзья на свете.

Втайне Василий Кирикович надеялся, что совместное путешествие в Ким-ярь, жизнь в деревне, лишение привычных удобств и комфорта, наконец, рыбалка, ночевки у костра — все это сблизит их и сдружит по-настоящему, по-мужски.

Еще во время неторопливых сборов к этой поездке, когда совместно обсуждалась каждая мелочь, Василий Кирикович к радости своей заметил, что Герман проявляет к предстоящему путешествию искренний интерес. Но после Сарги сын опять стал дерзок и язвитель.

«Это из-за дороги, — думал Василий Кирикович. — Слишком тяжела дорога, вот и сдают нервы...»

Мысленно он уже не раз пожалел о том, что перед выездом не заинтересовался состоянием дороги. Ведь можно было позвонить в ту же Саргу! Но тогда, зная заранее трудности пути, решился бы он на эту поездку?..

Размышляя так, Василий Кирикович неожиданно подумал: почему же он за все эти годы ни разу не попытался вызвать по телефону отца или мать? В кабинете, всегда под рукой, стоял аппарат. Стоило поднять трубку, дать заказ и... Но какой толк, если в Ким-ярь нет телефона уже двенадцать лет!..

Поднялся Герман.

— Я все-таки хочу разжечь костер. Что-то зябко.

— Да, да, хорошо бы костер-то! — обрадовался отец. — Может, помочь тебе?

— Да уж лежи.

Герман кинул на отца свой плащ и побрел в лес. Ноги гудели, спина ныла...

Он долго чиркал спички, прежде чем желтый язычок огня взметнулся вверх и быстро стал расплзаться по сухим сучкам. Василий Кирикович сел.

— Вот видишь! С огоньком-то веселее... Еще бы кофейку!..

— А может, коньячку?

— Давай!.. По одному глоточку.

5.

Ваня возвратился от ручья, когда в вершинах самых высоких деревьев погас последний солнечный луч. Стало сумеречно и прохладно. С низины, от болота, потянуло сырью.

Возле прогоревшего костра, завернувшись в плащи «болонья» и скрючившись, спали отец и сын. Весь багаж был беспорядочно сложен на дороге.

«Плащи доставали, — догадался Ваня. — Хотел бы хвоя нарубили, а то так и легли на голую землю...»

Он осторожно слез с лошади. В большой берестяной коробке плескалась вода. Ваня бережно поставил коробку в сторонку, под дерево, привязал лошадь, взял с волокуши топор.

Он отошел дальше, чтобы стук топора не разбудил спящих, выбрал нетолстую сухую осину, свалил ее, разрубил на чурки.

Скоро костер запылал жарким ровным пламенем.

В полевой сумке у Вани было десятка полтора грибов, которые он собрал дорогой да по окрайку пожни, у ручья. Он решил испечь их. Нагреб из костра углей, вырезал перочинным ножом несколько березовых прутьшков, очистил от коры, заострил, нанизал на них плотные шляпки подберезовиков и подосиновиков. Когда грибы на углях отмякли и увлажнились, он посыпал их мелкой солью из бутылочки и снова положил в жар. А пока грибы пекутся, вырубил шестик и рогатку для котелка, чтобы сразу, как только Тимошкины проснутся, можно было поставить воду кипятиться. Он хотел еще уложить на волокуши багаж, но передумал: вдруг опять понадобится что-нибудь доставать из рюкзаков или чемоданов...

Перевернул грибы, подгреб свежих угольков, постоял над костром в задумчивости, потом огляделся, отыскал глазами подходящую березу, подошел к ней, ладонями стер тонкие, как луковая шелуха, берестяные пленочки, уже отслоившиеся и отмершие, сделал ножом, не сильно нажимая, прямой разрез и аккуратно содрал влажную желтую пластину.

— Ну вот! — произнес удовлетворенно и вернулся к костру.

Грибы к той поре испеклись. Ваня присел на корточки и стал снимать их с прутьшков. Сосредоточенно и внимательно осматривал каждый грибок. Четыре шляпки, чуть подгоревшие, отложил в сторону, остальные кучкой сложил на бересту. Теперь можно и перекусить...

Из сумки достал горбушку домашнего хлеба, разломил пополам. Половину положил обратно, вторую стал есть. Откусил, пожевал, взял подгоревший грибок, улыбнулся чему-то и сунул в рот. Вкусно!

Он и не заметил, как съел те четыре грибка,

что были положены отдельно, а хлеба еще осталось. Посмотрел на горку грибов на бересте, подумал и взял еще один. Покончив с ужином, поправил костер и сел на осиновую чурку, обхватив руками колени. Задумался.

Выезжая из Сарги, он надеялся вернуться домой ночью, по холоду. Когда же в пути выяснилось, что Тимошкины — ходоки никудышные, когда пришлось через каждый час останавливаться на отдых, Ваня расстроился: он понял, что раньше утра в Ким-ярь не попасть. Это значит, обратно тоже придется ехать в зной, с мошкой и оводами. Ваня уже смирился с тем, что поездка получилась непутевой. Ничего не поделаешь. Тимошкины тоже не виноваты, что идти не могут: городские, они всегда на ходьбу слабые. Плохо только, что хлеба взял с собой мало...

Тревожно и неожиданно громко в тишине вечернего леса захрапела Малька. Заворочался Василий Кирикович. Ваня вскочил, подошел к лошади, погладил ее по тяжелой сивой морде, шепнул по-вепски:

— Медведя чуешь? Не бойся, к костру никакой медведь не придет!

Малька поводила ушами, подняла голову, широко раздула ноздри и всхрапнула еще громче. Василий Кирикович порывисто сел.

— А? Что случилось? — спросил он испуганным и силным со сна голосом.

— Ничего. Лошади стоять надоело.

Василий Кирикович поднес к глазам часы.

— Ого, половина одиннадцатого? Ничего себе!..

— Дайте котелок! Я воды-то принес, дак чай можно кипятить.

— О, это хорошо! Мы не чай — кофе сварим! — Василий Кирикович тяжело поднялся. — А ноги-то болят... Раньше, бывало, по шестьдесят километров в день хаживал, а теперь...

Ваня наполнил котелок водой и повесил его на шестик, над огнем.

— Вы вот пока грибов поешьте, — он подо двинул Василию Кириковичу бересту с горкой печеных грибов. — Пока не остыли...

— Грибы? Где же ты их взял? Мы ни одного гриба не видели!

— Да я же впереди шел. Вот и собрал. Да там, у ручья...

Василий Кирикович осторожно, двумя пальцами взял один грибок и долго разглядывал его.

— А ты хорошо смотришь? Он не червивый?

— Я ведь не корова, чтобы всякий грибок брать.

— И он испекся? Это точно?

Ваня пожал плечами.

— Что ж, попробую, — он поднес грибок к носу, понюхал. — А пахнет приятно, — откусил половину шляпки и долго, смакуя, жевал. — Ничего... Честное слово, ничего!

— Вы с хлебом — сытнее...

Снова захрапела лошадь и рванулась от дерева, к которому была привязана.

— Малька! — строго крикнул Ваня. — Стой!..

— Она не зверя чуёт? — забеспокоился Василий Кирикович. — Здесь, наверно, и медведи есть?

— Да нет! Так, с дуру шарашится... Вы ежели ничего не будете из мешков да чемоданов доставать, дак я запрягу да начну складывать все... Время-то идет.

— Да, да, складывай! Плащи мы на себя одеваем.

Василий Кирикович разбудил Германа. Он достал из сумки снедь, и принялись ужинать.

— Ты, Гера, грибочков, грибочков покушай, — потчевал отец сына. — Мы, помню, в детстве тоже пекли грибы, на угольках... Это же бесподобно! Ни в одном ресторане таких не отведаешь.

Скоро вскипела вода в котелке. Пряно и сильно запахло кофе.

6.

Лесная дорога от Сарги до Ким-ярь была хорошо знакома Мальке. За шестнадцать лет, которые она ходила в упряжке, этот путь был проделан ею не одну сотню раз. Малька хорошо помнила каждую болотину, каждую гору, каждый ручей. Перед трудным местом она непременно останавливалась, чтобы дать людям возможность проверить, все ли ладно с упряжкой и вещами, и уж потом осторожно двигалась дальше. Для нее будто и не существовало времени суток: днем ли, ночью ли, в проливной дождь или в мороз — Малька всегда вела себя одинаково спокойно и шла ровно своим обычным шагом. И теперь она тоже не спешила, но заметно волновалась, изредка тревожно и глухо всхрапывая.

Ваня, идущий рядом с лошадей, понимал, что означает этот храп: где-то близко бродит медведь или прячутся волки. И, как умел, тихо и ласково успокаивал Мальку.

— Стой! Стой!.. Подожди!.. — неожиданно раздался позади взволнованный крик.

Ваня остановил лошадь.

— Чего?

— Иди сюда! Скорее!..

Василий Кирикович и Герман стояли на дороге и светили себе под ноги электрическим фонарем.

«Неужели что-нибудь выпало? — встревожился Ваня и поспешил к ним. — И завязал-то вроде бы хорошо...»

— Посмотри, чей это след? — Василий Кирикович освещал фонарем отчетливый отпечаток большой когтистой лапы.

— Чего спрашиваете? Сами видите — медведя.

— Так что же ты нас не предупредил, что здесь опасно ходить?

— А чего опасного-то?

— Вот тебе раз! А если медведь нападет?

— Не бойтесь, не съест! Вы шибче идите, не отставайте от лошади-то, дак никто не тронет.

— Вот и поговори с ним! — развел руками Василий Кирикович.

Трудно сказать, подействовал ли на Тимошкиных совет Вани «шибче» идти или после отдыха они вновь обрели силы, но километров десять оба — и отец, и сын — ни на шаг не отставали от повозки. Потом опять был трехчасовой привал, на этот раз на берегу озера.

До первой ким-ярской деревни осталось всего пять километров.

Утренний туман был настолько плотен, что очертания впереди идущей лошади растворялись в двадцати шагах. И хотя вокруг ничего не было видно, кроме сплошной белой завесы, Василий Кирикович знал, что слева от дороги далеко простирается приболоть, густо поросшая голубикой и чахлыми сосенками, справа, за луговойной — озеро Ким-ярь, а впереди, на высокой горе —

деревня Сурь-мяги. Потом дорога опять нырнет в ложбину с бурным ручьем Киви-оя, пересечет ее, вновь потянется в гору и там, через деревню Лагед-мяги, выведет в Лахту, которая стоит на самом берегу озера Ким-ярь.

У Василия Кириковича уже подкашивались ноги, хотелось опуститься на росную траву, закрыть глаза и полежать хотя бы пять, десять минут! Но он знал, что до Сурь-мяги дойдет во что бы то ни стало, а уж там можно и передышку сделать.

Серые мрачные силуэты домов вынырнули из тумана неожиданно. В первое мгновение они показались огромными — туман, стелющийся по низу, как бы раздвигал, приподнимал их над землей.

А дорога все еще ползла и ползла вверх. Туман стал совсем редким и наконец остался позади. Василий Кирикович остановился перевести дыхание и жадно впился глазами в открывшуюся панораму. Он искал соответствия тому, какой запечатлелась, осталась в памяти Сурь-мяги. Искал и не находил! Крайний дом слева, помнилось, был под высокими густыми черемухами, а тут черемухи растут совсем в стороне от избы, да и са-

ма изба — не та — не пятистенки, а маленький домишко, будто обрубок, без хлева и сарая. Справа раньше были амбары. Но амбаров тоже нет. Стоит лишь одинокий двухэтажный дом без рам в окнах, с обвалившейся крышей и чудом уцелевшим скворечником над коньком. Скворечник без дна и висит на палке косо — еле держится. За этими домами еще три — и все.

Василий Кирикович обернулся к сыну. Усталое мятое лицо его выражало растерянность и недоумение.

— Это же была большая деревня! — сказал он тихо. — Можешь себе представить?

— Жизнь течет — все изменяется, — равнодушно отозвался Герман.

— Весь народ отсюда уехал, — сказал Ваня. — Давно-о уехал!

— Уехал? — эхом повторил Василий Кирикович. — Как уехал? Куда уехал?

— А так. Колхозы-то объединились, вот люди и уехали на новые места. У меня дядька тут жил, вон в той избе! — Ваня показал рукой на двухэтажный дом со скворечником. — Он тоже вме-

сте со всеми в Хийм-ярь уехал. Теперь хорошо живет, не то что здесь. Папка к нему в гости ездил, дак у него и телевизор, и мотоцикл есть, вот!

— В Хийм-ярь...

И вдруг, как давний позабытый сон, вспомнилось Василию Кириковичу коротенькое тревожное письмо от отца и матери, написанное рукой Нины Маркеловой: «Народ из Ким-ярь уехал, кто в Хийм-ярь, кто на Оять, кто в Сохту. Жилых изб осталось всего пять. И сельсовет теперь в Сарге. Как жить будем, подумать страшно...»

Да, да, было, было такое письмо!

— Но не все же уехали? — сказал Василий Кирикович, стараясь вроде бы оправдаться перед самим собой.

— Не все, — охотно ответил Ваня. — Остались, кто работать не может да кого родственники к себе не взяли... А в Лахте еще лесник живет, Маркелов. Его Люська и Колька в нашу школу ходят... Дак чего? Отдыхать-то не будете? Тут ведь уже близко!..

— Да, да, пойдем дальше! — Василий Кирикович махнул рукой.

Они снова окунулись во влажную пелену тумана, спустились к ручью. Прозрачная вода журчала меж камней в извечном своем движении под уклон, к озеру.

— Умоемся здесь!

Они забрели на середину ручья и умывались долго, с наслаждением, потом Василий Кирикович зачерпнул пригоршню воды и поднес ее к губам...

По склону холма поднимались медленно. Молчали. Так же в молчании прошли опустевшую деревеньку Лагед-мяги.

Дорога повернула к озеру. Впереди показалась Лахта с пышной зеленью высоких берез. Над двумя избами курился дымок.

На протяжении всего пути Василий Кирикович многократно представлял себе, как въедет в родную деревню, как женщины, пораженные его появлением, по старому вепсскому обычаю будут низко кланяться, а мужики степенно здороваться за руку и поздравлять с приездом; а вокруг будет суетиться босоногая шумливая детвора. Так было, когда он вернулся с войны. Еще представлялось: сзади с лаем устремятся деревенские собаки, и хозяева будут строго окликать бестолковых псов, попутно делясь друг с другом впечатлениями о неожиданных гостях; и говорить будут только хорошее и громко, чтобы приезжие слышали эти похвальные слова.

Но Лахта встретила безлюдьем и тишиной.

Дома с заколоченными окнами или с выставленными рамами, с обвалившимися крышами. Василий Кирикович не помнил, в каком доме кто жил.

Из всех домов, а их было семь, резко выделялся высокий большой особняк со множеством пристроек во дворе. Дом этот стоял возле берез, белел крашеными окнами и был крыт шифером. «Это не наш!» — сразу понял Василий Кирикович.

Он хорошо помнил, что изба отца стояла чуть ли не в центре Лахты и была обращена фасадом к озеру; никаких деревьев возле нее не было.

На мгновение ему показалось, что родного дома вообще нет, все избы, кроме крайней развалюхи, вытянулись вдоль берега. Да, да, кроме той, крайней, широкой, приземистой, припавшей на один угол, с маленькими окошками...

Он уже не сводил с нее глаз. Память услужливо подсказала: по левой стене было четыре окна. И тут четыре. Впрочем, эти внешние признаки уже не имели никакого значения. Василий Кирикович знал, он был уверен, что именно та крайняя изба есть тот просторный пятистенник, в котором он родился и рос и в котором живут сейчас отец и мать. Но почему дом оказался крайним? Каким чудом он переместился из центра Лахты? Ах да, той, дальней половины деревни уже нет, почему-то нет, вот и стал отцовский дом крайним...

В огороде, возле дома с шиферной крышей, копошилась женщина — то ли полола, то ли рыхлила землю на грядке. Она проводила любопытным взглядом тучного низкорослого человека, бредущего за повозкой, мельком глянула на смуглого, не по-дорожному одетого парня и снова склонилась над работой — мало ли какие туристы приезжают в этот красивый обезлюдевший край!

А Василий Кирикович с трепетным волнением ждал от нее приветствия! Нет, он не узнал в этой уже пожилой женщине хохотушку и плясунью Нюру, вышедшую замуж за Ивана Маркелова. Но он так хотел услышать еще не забытое «войтэйк!» И не услышал. И будто стал еще ниже ростом.

Ваня направил лошадь к крайнему дому.

Может, там, в этом доме, увидели, что подвода направляется к ним, или случайно так получилось, но на крыльце вдруг появился сгорбленный старик в холщовых кальсонах и в длинной исподней рубаше.

«Кто это? — вздрогнул Василий Кирикович и весь напрягся. — Не может быть!..»

Опираясь сухой рукой о дверной косяк, старик подслеповато уставился на подъезжающую лошадь, потом перевел взгляд на Василия, на Германа, вздохнул тяжело и стал ждать. Лицо его, сморщенное, серое, поросшее седыми волосами, было чужим.

— Кедак жо, Ванийхут, тойдь? ¹ — спросил старик.

Ваня, привязывая лошадь к изгороди, весело отозвался:

— Ёсэ ичийж пойгад эд тундиштанд? ²

Дед вздрогнул, часто-часто заморгал, сился отыскать в лице этого тучного низкорослого человека родные черты.

Василий Кирикович все понял. Снял шляпу и молча шагнул навстречу отцу.

¹ Кого же, Ванюшка, привез? (Вепсский)

² Неужели своего сына не узнал? (Вепсский)

Так начинается Кама

С ЧЕГО НАЧИНАЕТСЯ КАМА?..

Сколько же в государстве нашем рек и речек! Не знаю, есть ли еще на свете другая такая страна. Недаром и вся история Руси связана с реками. Издревле были они самыми удобными путями, связывавшими огромную страну в единое целое. И, наверно, нет у нас человеческой судьбы, так или иначе не связанной с какой-нибудь рекой, речкой, речушкой. Для одних — это светлые и чуть грустные воспоминания детства и юности. Для других — кровавые сражения на приречных плацдармах в годы Великой Отечественной. Для третьих — вся жизнь связана с рекой, вся работа. Для четвертых... Да всего и не перечесать.

И уж, конечно, как само собой разумеющееся, воспринимаем мы тот факт, что каждая река служит людям. Одна крутит мельничные колеса, а другая — громадные турбины электростанции. Из одной берут воду для колхозной фермы, другая поит громадный город. По одной плывут большие корабли, по другой едва пробираются рыбацкие челноки. Человек с незапамятных времен сделал реку своим другом и помощником.

Как и все на свете, каждая река имеет начало

и конец. Но мы чаще видим ее, если можно так выразиться, «в готовом виде», не так уж часто нам приходится наблюдать, как она зарождается. А зарождаются они — и большие, и совсем маленькие — одинаково. Либо из родника, либо из болота, реже — из озера. Чаще всего в начале своем любая река — лишь махонький ручеек. Разве что для тех, которые из больших озер начало берут, такое правило не подходит. А большинство речек при рождении своем — «малокалиберные», такие, что просто глазам своим не веришь — неужели этот крохотный родник через сотню-другую километров становится полноводной голубой артерией края?

Есть в самом северо-восточном углу Удмуртии село Кулига. Местность в этих местах холмистая, пологие увалы плавно переходят один в другой. И село стоит на самом большом, самом высоком увале. С улиц этого села окрест открывается чудесный вид. Куда ни глянешь — далеко видно, просторно. Дали светлые, мягкие, задумчивые...

В географии эти места названы отрогами Северных увалов. Увалы сравнительно невелики, с горами тягаться не могут. А дают начало многим

рекам бассейна Камы — Вятке с Чепцой, к примеру. Дают начало и самой Каме, одной из крупнейших рек Европы.

Рядом с Кулгой, слившись с ней, находится деревня Карпушата. Протянулась она берегом широкого и пологого сухого оврага. Там, где овраг кончается и где берега его становятся круче, стоит группа берез. Под ними колодезный сруб с двухскатной крышей, покрашенный синей краской. Вот тут и есть самое начало Камы.

Сруб поставлен над родником. Родниковая вода потихоньку, как-то незаметно переливается через сруб, образуя совсем крохотный ручеек. Он тут же попадает сначала в трубу, потом в большую деревянную колоду, а выходя из нее, натывается на первое на своем пути искусственное препятствие. Ступенями, одна ниже другой, здесь сделано три невысоких бетонных плотины. Перед ними вода образует светлые озерки, в которых так хорошо отражаются и березы, что стерегут камский исток, и травинки, растущие по берегам.

Миновав бетонные ступени, Кама тут же... теряется в траве. Настолько еще махонькая, что заблудилась в зарослях осоки, еле-еле пробивается через них.

Но уже через несколько десятков метров ручеек прямо-таки на глазах начинает становиться все шире. Еще немного — и разливается он пусть небольшим, но уже настоящим прудом.

Здесь все — самое первое. Самые первые метры тысячекилометрового пути, который проходит камская вода по русским равнинам. Самая первая плотина и самое первое водохранилище на Каме. Самый первый мостик через реку...

Конечно, и мостик, и плотина, и водохранилище — все это под стать реке, которая еще только-только народилась. Но река уже служит людям — ведь недаром же очи запрудили ее. Здешний совхоз носит название «Кама», и камская вода из пруда подается в водопроводную сеть, на животноводческие фермы.

Скромную водокачку на берегу первого пруда не сравнишь с мощными водозаборными сооружениями многочисленных промышленных предприятий. Но и химические гиганты Березников, и бумажные комбинаты Соликамска и Краснокамска, и машиностроитель-

ные заводы Перми и Сарапула, — десятки комбинатов, заводов, фабрик пьют одну и ту же — камскую воду. Без нее развитие промышленности просто немыслимо.

Ниже первой плотины Кама уже оставляет заметный след на дне оврага. Ее русло четко прослеживается. Его еще можно перепрыгнуть, но все же это — настоящее русло.

Овраг уводит Каму в лес, и она надолго скрывается с глаз людских. Двадцать пять километров течет река вдали от населенных пунктов. Здесь, в лесу, в нее сбегают десятки ручьев и ручейков, здесь же они принимают первые притоки — Камку и Нилкам.

Река быстро набирает силу, прокладывая себе путь по лесам. Правда, в верхнем своем течении она сильно отличается от той мощной, полноводной, по-настоящему могучей реки, которая так привычна для жителей Березников, Перми, Чайковского, Набережных Челнов. Но она уверенно пробивается вперед, описывая громадную дугу и

Первый мост Камы

Здесь Кама сливается с Волгой

принимая на своем пути все более крупные притоки — Весляну, Косу, Южную Кельтму, Пильву. В самой северной точке этой гигантской дуги

стоит село Бондюг. А в нескольких десятках километров ниже по течению, у Керчево, Каму каждое лето перегораживают запанью. Здесь — самый большой в мире сплавной Керчевский рейд, «завод без труб», как окрестили его журналисты.

Люди издавна используют реки для сплава леса. Но здесь, на Керчевском рейде, это использование достигло колоссальных масштабов: свыше пяти миллионов кубометров древесины успевают пропустить сплавщики.

А ниже Кама становится уже и транспортной магистралью, по которой идут суда, способные принять на борт пять тысяч тонн грузов, мощные буксиры-толкачи ведут составы барж, поднимающие еще большие грузы. Десятки миллионов тонн древесины, угля, удобрений, строительных материалов, руды и много другого перевозят речники по Каме каждый год.

Человек давно уже использует реки не только для транспортных нужд. В наше советское, время возникли на Каме плотины гигантских электростанций у Перми и Чайковского, строится еще одна — у Набережных Челнов.

...Вскоре после посещения истока Камы мне довелось побывать и в ее устье. Здесь, в месте слияния двух великих русских рек Волги и Камы, уже очень ощутим подпор, созданный плотинной Куйбышевской гидроэлектростанции. Могучий водный простор не сразу охватишь глазом. А посредине его — особый, можно сказать, знаменитый буй. Он установлен в месте, где речные струи, пришедшие из глубин России, сливаются с уральскими.

Устье Камы — оживленное место. За день здесь проходит не одна сотня грузовых и пассажирских судов. Настоящая «большая дорога». Впрочем, и вся Кама — большая голубая дорога. Вся она, эта река, служит нам, людям.

И люди делают так, чтобы лучше использовать реку, заботятся о ней. У истока поставили беседку, выложили плитками дорожки, позаботились о красоте. В городах, на предприятиях, строят очистные сооружения, чтобы наша уральская красавица была первоначально чистой, несла людям и пользу, и радость.

А. ГРАЕВСКИЙ

МАШИНА—РЕПЕТИТОР

*Профэд
Жозефа Фрома*

Не так давно в газетах промелькнули сообщения о педагогических экспериментах бельгийского профессора Жозефа Фрома, который сконструировал аппарат, позволяющий опрашивать весь класс. Каким образом?

Небольшой экран, установленный на кафедре учителя, разделен на клеточки по числу учащихся в классе. На ученических столах имеются кнопочные устройства или же небольшие — на четыре цифры — телефонные диски. Учитель решил проверить знания всех учащихся сразу. Он задает классу вопрос и сам предлагает на выбор несколько ответов, из которых верен лишь один, другой — приближен, третий — неточен, а четвертый — неверен совсем. Ученик должен выбрать из предложенных вариантов один, представляющийся ему верным, и с помощью телефонного диска набрать цифру, которой закодирован ответ. Если ответ неверен — зажигается красная лампочка, и учитель видит, кто из его подопечных нетвердо знает этот раздел программы или способ решения задачи.

В газетных информациях подчеркивалось, что это техническое устройство заметно облегчает труд учителя, помогает усилить контроль за знаниями учеников. Как правило, заметки кончались прогнозами, что профэд (так был назван аппарат Фрома) может привести «к перевороту в образовании».

Заметки эти, признаюсь, вызвали у меня недоумение. Во многих челябинских профессионально-технических училищах подобные обучающие системы внедрены давным-давно. А тут на тебе, «Новое изобретение», «Интересный эксперимент!» Я вырезал заметки и показал их начальнику Челябинского областного управления профтехобразования Виталию Прокофьевичу Омельченко. Прощу его: прокомментируйте, пожалуйста,

Виталий Прокофьевич при мне внимательно читает вырезки. Потом широко разводит руками. Жест, как нетрудно было догадаться, означал удивление.

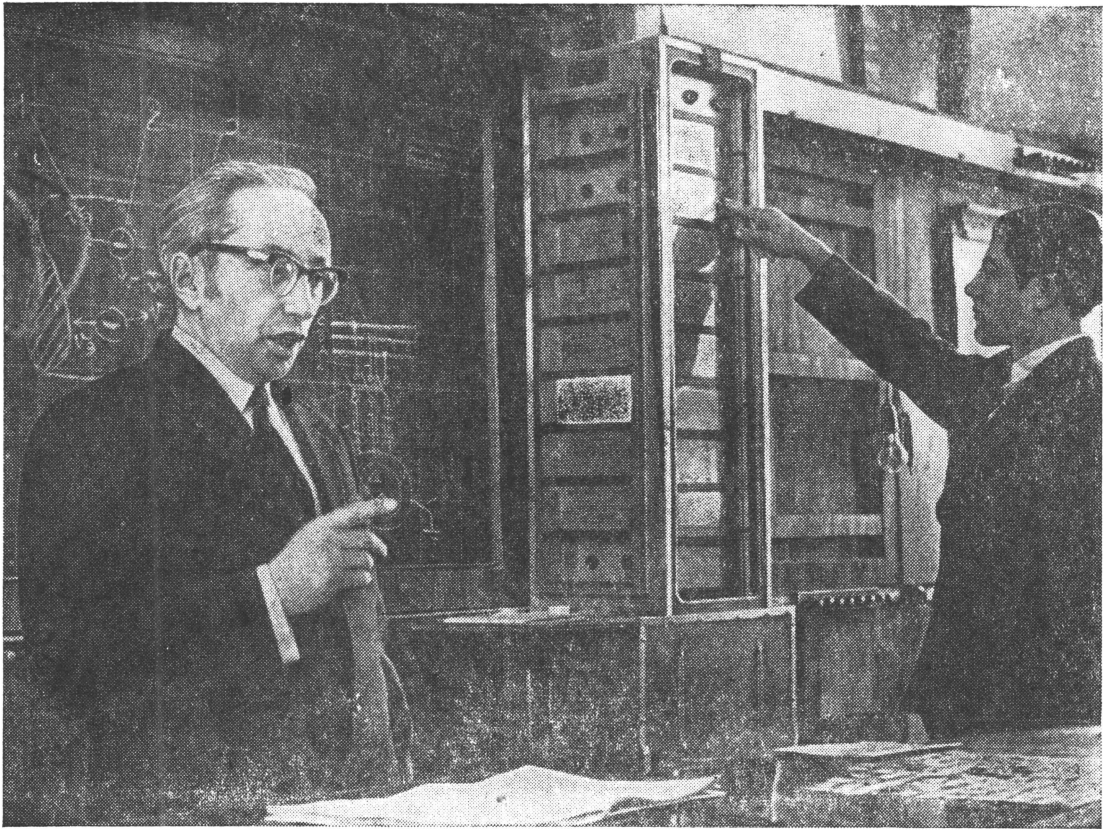
— Могу сказать одно: вольно или невольно, но профессор Фром выступает в роли второго Маркони. А проще говоря, — занимается изобретением велосипеда. — И тут же В. П. Омельченко предлагает: — Давайте-ка съездим в 26-е училище. Там можно увидеть много любопытного, такого, что Фрому и не снилось.

*Учитель
ищет помощника*

«...Кирилла Петрович выписал из Москвы для своего маленького Саши француза-учителя». Вот так появился в усадьбе Троекурова мосье Дефорж, в обязанности которого вошло «ходить за Сашей и учить грамматике да географии». Лишь потом выяснится, что под именем Дефоржа скрывается молодой Дубровский. А до этого часа ему придется исполнять роль преподавателя-наставника при одном-единственном «шалуне лет девяти».

Коль скоро речь зашла о возможностях «персонального» учителя, то мы должны признать немалые его преимущества перед учителем массовой школы. Если домашний учитель в состоянии постоянно, практически в любой момент, контролировать знания ученика, то, согласитесь, школьный учитель таких возможностей не имеет.

Классный наставник узнает о степени усвоения материала каждым учащимся, как правило, с запозданием на несколько дней или недель и к тому же весьма неполно. Преподаватель вуза получает подобную информацию и того реже: в основном в период экзаменационной сессии — два раза в год и выборочно — на семинарских занятиях. При таком положении даже «пятерка» за четверть или на экзаменах далеко не всегда сви-

И. З. Райцын ведет занятия

Фото С. Васильева

детельствует о действительно прочных и глубоких знаниях.

Академик В. М. Глушков, занимающийся разработкой теории эффективного управления познавательной деятельностью человека, приводит такой пример. Вообразим, что сталевар получает лишь отрывочные данные о составе загружаемых в мартен материалов, а анализы о «созревании» стали становятся ему известными лишь через полгода. В таких условиях сталевар не сможет дать качественную плавку. Но если в металлургии описанная ситуация попросту невозможна, то в педагогике она, увы, имеет место постоянно. К тому же сталевар управляет одной печью, а преподаватель должен управлять более сложным процессом передачи знаний десяткам индивидуальностей — ведь у всех школьников или студентов разные способности, разные характеры, разное прилежание.

Эффективность преподавания можно увеличить за счет технических средств — кино, телевидения, звукозаписи. Производительность труда педагога возрастет, отдача будет большей. Но в настоящее время и этого уже недостаточно. Учителю необходимы надежные помощники — автоматизированные обучающие устройства, которые помогли бы ему «дойти до каждого». Речь идет, как выражаются педагоги, о большей индивидуализации обучения в условиях массовой аудитории.

И на рубеже 50—60-х годов появились так называемые обучающие машины. Они и положили начало «новому комплексному педагогическому явлению» — программному управлению процессом обучения, или, как оно чаще именуется, программированному обучению.

Спрессованное время

Итак, 26-е училище. Директор Г. Л. Школьников привел нас в кабинет электротехники. Шло обычное занятие с группой будущих электромонтеров.

Занятия вел преподаватель Иосиф Залманович Райцын. Обмен знаниями между ним и учащимися был весьма оживленным. Этому способствовали отточенное педагогическое мастерство преподавателя и тренажерно-репетиторская аппаратура.

Увидели мы в действии ту самую установку, недавно «изобретенную» бельгийским профессором Фромом. Табло разделено на 28, по числу учащихся в группе, вертикальных полос. По горизонтали табло пересекается пятью линиями-строчками. Преподаватель укрепил на классной доске лист картона, на котором было изложено содержание очередного микрозадания. Учащиеся долж-

ны определить величину силы тока в цепи по заданным условиям. Задача, сама по себе несложная для вычисления, требовала, однако, точного знания электротехнических формул и особенностей их применения. Перед каждым учащимся под стеклом лежала кодовая таблица. Из предлагаемых таблиц несколько ответов он должен был избрать тот, который совпадает с его вычислением или, по крайней мере, представляется ему правильным.

По знаку преподавателя ребята нажали выбранные ими кнопки на своих пультах. Через автоматический телефонный коммутатор сигналы поступили на табло и зажгли на нем лампочки. В идеальном случае, когда все ответы верны, на горизонтали загорается ровная светящаяся линия. Неточные же и приблизительные ответы обозначаются сигнальными огоньками на других линиях. Номеру на экране соответствует номер места учащегося в аудитории, и сразу видно, кто вышел «из общего ряда».

Так за одну-полторы минуты выяснилось, кто решил задачу правильно, а кто «плавает» в электротехнике.

Для ребят занятие было очередной тренировкой, своеобразной разминкой памяти. А преподаватель получал возможность вести работу сразу со всей группой, пока несколько других учащихся уточняли свои знания у электрического самоконтроля.

Что это за штука — электрический самоконтроль? Хитрое устройство, которое и без помощи преподавателя обнаруживает пробелы в знаниях и хорошо помогает ребятам запомнить те или иные правила, формулы, порядок расчетов.

При нас одному пареньку было задано измерить электрическую мощность в цепи двух резисторов, начертить схему и сделать расчет согласно условию. Выполнив задание, учащийся, не дожидаясь знака преподавателя, опустил белый мелок, заключенный в металлический патрон, в контактное гнездо электрического самоконтроля. Зажегся транспарант «Работа окончена», и открылись кадровые окна с несколькими вариантами ответа — надо выбрать из них правильный. Приходится сравнивать, анализировать и опять решать — какую кнопку нажать? Но какую бы из них он ни избрал, осветится только тот кадр, на котором изображен эталон правильного ответа. Теперь учащийся сопоставляет собственное решение с истинным и, допустим, находит неточность в своем ответе. Надо внести поправку. Машина «выдает» для этого уже красный мелок, «плата» за который — появление светящейся надписи «Ошибки обнаружены». Учащийся переносит в свой чертеж и расчеты необходимые исправления — красным по белому. Ошибка отчетливо зафиксирована, видна всем.

В. П. Омельченко объяснил мне:

— Машина не учит, а лишь помогает прочно усвоить материал. В принципе безразлично, в какой момент учащийся окончательно закрепит в памяти теорему; формулу — в процессе ли рассказа преподавателя, при опросе или самоконтроле. Важен конечный результат. Машина хороша тем, что не просто указывает на ошибку, а заставляет тут же исправить ее, осмыслить.

Ведя диалог с машиной, учащийся вовсе не остается один на один с ней. Рядом находится опытный преподаватель, он комментирует в нужных случаях машинный ответ-эталон, обращает внимание группы на типичные ошибки.

Пять таких машин, запрограммированных на тему занятия, стоят в аудитории. При необходимости И. З. Райцын использует их одновременно. Но и остальные 23 юноши и девушки группы в это время не скучают: для них включается одна из систем фронтального опроса.

Всеобщая занятость от звонка до звонка — так можно охарактеризовать урок, на котором мне довелось присутствовать.

45 минут — это, оказывается, очень много, если в каждую секунду внимание каждого учащегося сосредоточено на конкретной задаче и мозг его занят делом, если время как бы спрессовано.

Энтоэрий

Кроме обучающих машин в аудитории находится целое семейство и другой аппаратуры, технических приспособлений, тоже помогающих преподавателю передавать свои знания ребятам, прививать им практические навыки.

В народном хозяйстве, в быту применяется великое множество типов электрических устройств, установок. Основой любой из них является электрическая цепь, или система проводников, приборов, реле, контактов. На уроках электротехники учащиеся ГПТУ должны научиться составлять схему и собирать несложные электрические цепи, делать простейшие расчеты их, эксплуатировать установки.

Должны... Но на весь курс отводится 70 или 140 часов в зависимости от основной специальности. Могут ли ребята за такой короткий срок прочно усвоить и закрепить хотя бы элементарные профессиональные навыки?

Иосиф Залманович Райцын изобрел специальный стенд, на котором ребята могут собирать самые различные электроустановки и цепи. При мне учащемуся было предложено собрать схему управления лампочкой накаливания из трех пунктов.

Прежде всего ему пришлось составить и проанализировать графическую схему соединения. Затем составить перечень необходимого электрооборудования. На «материальном складе» он отобрал эти предметы и приступил к их компоновке на специальном стенде.

Кто из нас в детстве не складывал из кубиков картинки? Так мы получали первые представления о месте отдельной части в целом. На электростенде решаются задачи куда сложнее, но в основе лежит тот же принцип проб и исключений. Принцип не нов, издревле используется в педагогике. Но в полную ли меру?

В методике стендовых задач реализована известная дидактическая идея: «Что глаз видит, ум созерцает, слово выражает, — рука должна изобразить...».

Эта идея столь же удачно, на взгляд специалистов, осуществлена и в энтоэрии — системе учебных электроустановок, скомпонованных по определенному плану и размещенных в линейной последовательности. Экспозиция научно-технических основ электротехники позволила повысить демонстрационную наглядность учебных экспериментов и действия электрических машин и приборов.

Сейчас эта установка, помогающая формировать научно-техническое мышление, широко применяется во многих профтехучилищах и

техникумах страны, а само слово «энтоэрий» вошло в справочники и специальную литературу. Родилось же это слово, как видим, в Челябинске.

Кто был первым?

Говорят, что чудачки украшают мир. И они же, с их непреодолимой потребностью избегать привычных проторенных путей, часто оказываются в первых рядах прогресса. Называли же чудачком Ньютона! Не принимайте это за прямую аналогию, но когда старший преподаватель технического вуза И. З. Райцын перешел в 1950 году работать в ремесленное училище, многие знакомые этот его поступок называли чудачеством.

Когда Райцын впервые остался с глазу на глаз в кабинете электротехники со своей первой группой «ремеслят», за его спиной была лишь обычная классная доска да единственная штепсельная розетка. Вскоре он убедился, что ни мел, ни печатная схема, ни собственное красноречие и увлеченность не помогут ему.

Как уплотнить учебный час? Как добиться тесной увязки теории с практикой?

В 1950 году И. З. Райцын поделился своими соображениями и планами с академиком М. Евреиновым. Тот сразу разглядел перспективность идеи челябинского педагога «о необходимости одновременно и фронтально опрашивать всю группу при помощи технических средств» и дал такой отзыв: «Предложение И. Райцына считаю очень полезным, в процессе выполнения оно несомненно получит дальнейшее развитие».

Вскоре Райцын построил электромонтажный стенд. Затем сконструировал электрический самоконтроль. Появились в кабинете и энтоэрий, и масса других приспособлений, которые резко увеличили коэффициент полезного действия педагога.

Не так давно один крупный ученый заявил, что о первых работах по программированному обучению стало известно в нашей стране в 1962 году после совещания в ЮНЕСКО, что именно тогда «идеи ПО привлекли внимание советских педагогов и ученых, заметивших в них потенциальные возможности для разрешения мно-

гих острых, насущных проблем, возникших перед советской школой всех уровней». Может быть, так оно и было. Но вся обучающая техника, о которой рассказывалось выше, была изобретена И. З. Райцыным до 1962 года.

Электротехнические бои

Оставим однако в покое бельгийского профессора и вернемся в кабинет электротехники Челябинского училища № 26.

Присутствуя на уроках Райцына, наглядно видишь огромные возможности программированного обучения. Но все равно задаешь вопрос: а каковы практические результаты его применения, имеются ли сравнимые показатели?

В областном управлении мне рассказали любопытную историю. Когда началось внедрение программированного обучения, нашлись и скептики. Новая методика, обучающая техника... Коекому казалось, что все это от лукавого, дань моде. Тогда организовали серию «электротехнических боев» — своеобразных конкурсов на лучшее знание предмета между ребятами из 26-го училища и группами из других ГПТУ. Брала только те группы, электротехнику в которых вели преподаватели опытные. В этих встречах райцынские воспитанники неизменно выходили победителями. Если воспользоваться спортивной терминологией, то соотношение в очках обычно выражалось как 3:1. В таких случаях принято соглашаться: да, сила солому гнет.

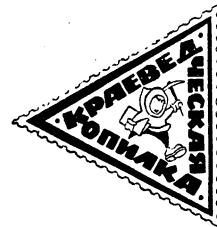
Сейчас в профтехучилищах Челябинска и области десятки преподавателей освоили методику «ПО» и обучающую технику. Одни из них идут по следу Райцына, другие нашли оригинальные, самостоятельные решения, «программируют изучение» разных дисциплин вплоть до черчения.

По-прежнему не убывает поток гостей в училище № 26. Приезжают сюда за опытом педагоги из Москвы и Ленинграда, Новосибирска и Свердловска, Запорожья и Алма-Аты. Даже из такой дальней дали, как Владивосток и Находка, спешат люди, чтобы встретиться с одним из пионеров программированного обучения в нашей стране.

Г. ДМИТРИН

КНИГА ДЕДА АЛЕКСАНДРА

Эту книгу принес в 56-ю школу города Ижевска один из пятиклассников. Ребята смотрели на нее, как на диковинку.

Хозяин книги на вопросы ребят ответил с гордостью:

— Ее писал мой дед!..

Его дед, ижевский рабочий Александр Николаевич Бердников, еще в 1907 году решил записывать «замечательные события и происшествия», свидетелем которых ему довелось быть. Сам он с 13 лет начал работать на заводе — в инструментальной мастерской, потом в зуборезной, в пожарной охране, в автомастерской.

Что же интересного в 700-страничной рукописи деда Александра, в его сборнике «замечательных событий и происшествий»?

Вот первые страницы:

6 января 1907 года, в четвертом часу утра, сгорела механическая мастерская.

17 июня 1908 года молния ударила в окно лавки Баранова, и начался пожар.

13 июля 1910 года на Михайловской площади сгорел склад ружейных болванок и канцелярия начальника.

19 июля был очень страшный пожар на Базарной улице, выше Овчинникова переулка. Сгорели два дома, два сарая.

Пожары были бедствием для Ижевска. О них говорили всюду. Их боялись. Но не могли ничего противопоставить им. И не случайно дед Александр с первых же страниц своего дневника называет пожары как одну из самых характерных черт того времени.

Далее круг описываемых в дневнике событий расширяется.

26 мая 1908 года в Береговой улице выстроили женскую гимназию. В длину девять окон. (Сейчас здесь институт усовершенствования учителей. — А. А.).

17 сентября 1911 года из завода по плотине везли паровой котел весом в 150 пудов. На плотине провалились задние колеса телеги, а на Моклецовом переулке сломалась ось.

С 9 по 12 июля 1912 года на Сенной площади работала выставка различных птиц и животных.

В ночь на 29 августа ограблена Никольская церковь.

17 октября для железной дороги везли паровоз на 40 лошадей.

В июне 1913 года купец Симачков выписал первый в нашей местности автомобиль.

В том же году любознательный «летописец» решил сосчитать, сколько всего домов в Ижевске. По воскресным дням в течение трех месяцев ходил он от улицы к улице. Обошел весь завод, кроме Зареки. Насчитал 3836 домов и 10 церквей.

Небезразличен был дед Александр и к событиям, которые принесла первая мировая война. Инструментальная мастерская, в которой работал Бердников, пополнилась новыми механизмами. Их стало около шестисот. А число ружей, выпускаемых в Ижевске для фронта, достигло 1700 в день.

В ходе войны колоссально выросли цены на продукты питания. Если в 1915 году фунт ржаного хлеба стоил 2 копейки, то в 1916-м уже 12 копеек. В четыре раза подорожали колбаса и мыло, в пять с половиной раз — махорка.

Жизнь становилась все труднее. Уже не одни пожары волновали теперь людей.

У вятского губернатора, — читаем мы, — оказались спрятанными 11 тысяч винтовок и 50 тысяч патронов. Не только тот, оказывается, враг, с которым мы бьемся, а и свои, «домашние», начиная с полицейского и кончая генералом.

Кровотийцы! — гневно заключает дед Александр.

Резко клеймит он и местных попов.

В Александро-Невском соборе и на Михайловской площади, — пишет он, — нашли громадное количество крупчатки и сахару. Пастыри народа оказались первыми обирателями.

Дневник приводит еще ряд фактов из истории Ижевска. Они, конечно, по-своему интересны.

В январе 1915 года, например, на 360 лошадей привезли с Камы первый пароход. В том же месяце было доставлено на пруд и второе судно.

В 1916 году в ряде домов и в магазинах фабрикантов Евдокимова, Березина и Петрова появилось электричество.

Дальнейшие страницы посвящены событиям жизни Ижевска советской поры.

21 ноября 1918 года, — отмечает летописец, — с заводской башни сняли двуглавого орла и вместо него поставили пролетарский символ.

Напротив собора Александра Невского в 1928 году начали строить Дворец труда.

К июлю 1930 года население Ижевска составило 114 тысяч человек.

С мая 1935 года начато строительство трамвайных путей через реку Иж до Вятского переулка и до парка.

С мая 1937 года начали строить вторую трамвайную линию от Старой улицы до Гольянского тракта.

Много еще действительно «замечательных событий и происшествий», без сомнения, нашли бы отражение в дневнике, но автор его в мае 1938 года скончался, и записи в книге прекратились.

Лишь недавно на пожелтевших страницах появились строчки, выведенные еще неуверенным почерком. Это внук деда Александра Дима Пустоляков дал слово продолжить летопись родного Ижевска.

А. Артамонов.

ПУТЕШЕСТВИЯ В БУДУЩЕЕ ПОД СУДОМ ЦАРСКОЙ ЦЕНЗУРЫ

Если составить сейчас карту фантастики, то, по всей вероятности, огромным материком придется обозначить на ней излюбленный жанр писателей-фантастов — путешествия в будущее. И это вполне понятно: «путешествие в будущее» позволяет поставить перед человечеством такие животрепещущие вопросы, которые неизбежно волнуют каждого из нас. Этот излюбленный прием фантастов вовсе не является средством «ухода от действительности», он скорее — средство разобраться в ней. Фантастика всегда принимала самое живое участие в земных делах, и путешествия в будущее в гораздо большей степени связаны с настоящим, чем с далеким грядущим.

Жанр этот имеет уже почти столетнюю традицию. Первые романы, относящиеся к нему, принадлежат, по-видимому, англо-американской фантастической литературе, но примечательно, что сразу же после их появления в конце XIX века они моментально переводятся и издаются в России, стране, которую ждали вскоре великие социальные потрясения и великое будущее. Молодая революционная демократия России с необычайным интересом встретила первые произведе-

ния научной фантастики, изображавшие будущее человечества. Эти первые переводы по вполне понятным причинам не могли избежать «внимания» и со стороны «угрюмых сторожей муз», как назвал в свое время А. С. Пушкин царских цензоров. Отнесясь первоначально к фантастическим произведениям как к «невинным сказкам», царские чиновники, приставленные к надзору за «образом мыслей» народа, вскоре увидели истинный смысл этой литературы. Ни одно, в сущности, произведение этого жанра не выпало из поля зрения цензуры, которая предпринимала самые жесткие меры для ограждения читателей России от «развращающего», «тлетворного» влияния фантастики и особенно — путешествий в будущее.

В настоящих заметках мы и хотим поделиться с читателями журнала результатами своих поисков в архивах царской цензуры. В целях удобства мы не приводим ссылок на цифры архивных дел. Отметим лишь, что в основном эти документы обнаружены нами в Центральном государственном историческом архиве в Ленинграде и в меньшей степени — в Центральном государственном архиве Москвы.

Запрещённый роман Уэллса

Первый том вышедшего у нас сравнительно недавно 15-томного собрания сочинений великого английского фантаста открывается «Машиной времени». Этот первый роман молодого Герберта Уэллса, написанный в 1895 году, сразу же доста-

вил ему известность не только в Англии, но и далеко за ее пределами. Творчеством талантливого писателя тотчас заинтересовались и в России. Издательская и читательская судьба литературных произведений Уэллса в нашей стране сло-

жила в целом на редкость удачно и счастливо. Его книги переводились на русский язык удивительно оперативно; часто они издавались в России в том же году, что и на родине писателя, — гораздо раньше, чем во Франции, Германии и других европейских странах. А разве не характерно, что уже в 1901 году, через шесть лет после выхода первого романа Уэллса, в России предпринимается попытка издать собрание сочинений писателя? Попытка оказалась неудачной. Но в 1909 году эта идея осуществляется — издательство «Шиповник» начинает выпускать первое в мире собрание сочинений Герберта Уэллса, редактировал которое известный деятель «Народной воли», этнограф и писатель В. Г. Тан-Богораз. Еще более возрос интерес к Уэллсу в советское время. Об этом свидетельствует выпуск ряда собраний сочинений писателя, многочисленные издания его произведений огромными тиражами.

И тем не менее поиски в архивах царской цензуры свидетельствуют, что далеко не все обстояло гладко и безоблачно в издании книг Уэллса в дореволюционной России. Показательна в этом отношении судьба первого романа писателя.

В самом конце девяностых годов прошлого века «Машину времени» решил выпустить замечательный русский издатель Флорентий Федорович Павленков. Перевод романа был заказан Е. А. Предтеченскому, известному в свое время естественнику-популяризатору, активно сотрудничавшему в издательстве Павленкова (в частности, в его переводах выходили здесь книги Фламариона, им же написаны для серии «Жизнь замечательных людей» биографии Галилея и Кеплера). Согласно действовавшим тогда правилам, рукопись перевода поступила на предварительное рассмотрение С.-Петербургского цензурного комитета. И комитет... самым решительным образом запретил ее к печати! В крупнейшей коллекции рукописей, задержанных и арестованных комитетом, под № 99 хранится так и не увидевший свет первый перевод уэллсовского романа на русский язык.

Рукопись «Хроноплан, машина для проникновения в прошедшее и будущее» (таким вольным заглавием снабдил «Машину времени» переводчик) представляет собой тетрадь большого формата, состоящую из 42 листов, исписанных мелким почерком. Ценность этого архивного документа увеличивается тем, что к запрещенной рукописи приложен отзыв петербургского цензора¹. Этот-то отзыв и дает нам сейчас возможность выяснить отношение царской цензуры, выражавшей точку зрения правительственных кругов, к творчеству Герберта Уэллса.

Цензор Елагин, которому было поручено рассмотреть рукопись романа, отнесся к своей обязанности очень «добросовестно». Излагая в своем докладе содержание романа, он выделил при этом самые «теневые», «криминальные», с его точки зрения, места.

¹ Этот документ, прошедший мимо внимания исследователей, хранится в Центр. гос. историческом архиве в Ленинграде (фонд 777, опись 25, дело 99). К сожалению, дело не датировано, но, судя по некоторым косвенным признакам (в частности, оно не могло возникнуть позже 1899 года: в январе 1900 года Павленков умер), документ может быть отнесен предположительно к 1898—1899 годам.

Как известно, в своем фантастическом романе Уэллс стремился показать, к каким печальным последствиям может привести человечество глубоко противоречивый характер капиталистического общества. Герой «Машины времени» попадает в 802 701 год и застаёт общество будущего расколотым на два резко противоположных класса. В дворцах на поверхности земли живут «эллои» — маленькие, изнеженные и рафинированные существа; внизу — под землей — «морлоки», полуживотные, полулюди, работающие на тунейдцев-эллоев. Мрачная картина будущего общества, так ярко нарисованная Уэллсом, явилась острой сатирой на современное ему буржуазное общество.

Цензор, подчеркнув в своем донесении, что в романе показана «страшная изнанка счастливого общества», особенно подробно останавливается на тех страницах книги, которые рисуют «страшный образ жизни морлоков (рабочих)». В частности, он приводит такой отрывок из романа:

«И начало такой жизни мы видим и в наше время, когда человек забывает брата-человека, — прибавляет Ричмонд, — разве рабочий и теперь не лишен света и воздуха, разве у нас нет подземных дорог и каналов? Частная собственность захватывает все большие и большие пространства, увеличивается наслаждение меньшинства за счет большинства»¹.

Вполне понятно, что эти — звучавшие так злободневно — слова вызвали особые претензии цензуры. Подробно изложив содержание романа, цензор Елагин так заключает свое донесение: «Такова социальная подоплека будущего, нарисованная автором. Рассказ этот, конечно, утопия, блестяще и талантливо написанная. Быть может, в виду массы увлекательных подробностей, основная идея автора и ускользнет от большинства читателей, цензор же, с своей стороны, не решаете принять на себя пропуск великой социальной проблемы в подцензурном издании, о чем и имеет честь представить на благоусмотрение Комитета. Считаю долгом прибавить, что исключения ни в коем случае помочь не могут».

Как видно из донесения, цензурные претензии к рукописи были очень существенны: цензор прямо оговорил невозможность применить к ней существовавший в то время и очень распространенный порядок разрешения рукописи к печати с купюрами. С.-Петербургский цензурный комитет, на очередном заседании которого рассматривалось дело о романе Уэллса, полностью согласился с мнением своего цензора. Вот как звучит окончательное мнение Комитета, решившее судьбу рукописи:

«Из изложенного содержания видно, что автор желает показать читателю степень гнета, который оказывают высшие аристократические классы общества на рабочий класс. Таким образом, сочинение проникнуто довольно яркими социалистическими тенденциями, не удовлетворяющими требованиям цензуры. На основании вышеизложенного, руководствуясь статьями 94, 95 и 96 п. 1 Устава о цензуре, Комитет определил: рукопись к напечатанию не допускать».

Примечательно, что к роману Уэллса была, в частности, применена 95 статья цензурного устава. Этой статьей предписывалось запрещать сочинения, в которых «излагаются вредные

¹ В новейших переводах «Машины времени» это место звучит несколько по-иному.

учения социализма и коммунизма, клонящиеся к потрясению и ниспровержению существующего порядка»...

Итак, к бесконечному мартирологу запрещенных рукописей, погибших в недрах архивов царской цензуры, прибавилась еще одна: первый перевод на русский язык знаменитого романа Герберта Уэллса. Следует, однако, отдать должное проницательности царского чиновника: «классовое чутье» ему на этот раз не изменило, и он сумел очень верно под фантастической оболочкой романа Уэллса увидеть подтекст, тайную подоплеку — гротескное изображение жизни совре-

менного буржуазного общества, доведенное писателем до логического ее завершения.

В связи с запрещением рукописи роман «Машина времени» смог увидеть свет в России лишь спустя несколько лет — в 1901 году, да и то не в столице, а в провинции. В этом году в Ковно (Каунасе) в местной типографии была напечатана книга: «Машина времени. Роман Уэллса, автора романа «Борьба миров», в переводе М. А. Соколовской. Можно предположить, что каунасское издание «состоялось» лишь потому, что местный цензор не был столь проницателен, как его петербургский собрат.

В 1888 году американский журналист Эдвард Беллами выпустил книгу, которой вскоре суждено было стать настоящим бестселлером. Называлась она «Взгляд назад», но в многочисленных переводах на русский язык, последовавших вскоре, ей давали самые разные названия, — «В 2000 году», «Через 100 лет» и т. д.

Судьба этого фантастического романа в России чрезвычайно любопытна и поучительна. Книга сразу же привлекла внимание Л. Н. Толстого, отозвавшегося о ней очень высоко, Максима Горького и многих других крупнейших писателей и общественных деятелей. Обратили на нее внимание и деятели революционного подполья конца прошлого века. Известно, например, что книгу Беллами включала в круг чтения учащихся Смоленских вечерних классов Н. К. Крупская, книгу читали с интересом рабочие Иваново-Вознесенска, Петр Заломов использовал ее в своей пропагандистской работе в Нижнем Новгороде... Как свидетельствует мемуарная литература, роман Беллами постоянно обнаруживали жандармы при обысках подпольных библиотек.

Произошло это не случайно: роман «Через 100 лет» посвящен изображению будущего коммунистического общества, которое, по мнению автора, неминуемо должно было наступить. Хотя роман Беллами и страдал существенными недостатками и просчетами (коммунистическое общество возникает в нем в результате мирного, реформистского развития, само оно нарисовано уж очень «розовыми» красками), он вызвал огромный интерес общественности уже тем, что, как заметил В. Г. Короленко, в романе было показано «чувство человека, в душу которого заглянуло будущее». Беллами в своем романе одним из первых применяет интересный прием: он пытается взглянуть на настоящее из будущего (отсюда и название: «Взгляд назад») и дает при этом резкую обличительную картину капиталистического общества, вскрывает его безнравственность.

Какова же цензурная судьба романа в дореволюционной России? Неужели резкая критика

буржуазного общества могла пройти незамеченной? Автор последней и наиболее капитальной монографии по истории советской фантастики считает, например, что власти в девяностые годы прошлого века вполне спокойно отнеслись к появлению романа Беллами на русском языке, более того — дали ему «зеленую улицу»¹. Что ж, посмотрим документы цензурных архивов и убедимся, насколько такое утверждение справедливо.

Первый русский перевод романа Э. Беллами под заглавием «В 2000 году» был издан Ф. Ф. Павленковым в 1890 году и действительно прошел незамеченным. Трудно сейчас сказать, почему роман вначале «проскочил»: или цензор отнесся формально к своим обязанностям, или, может быть, решил, что в нем критикуется американское общество, а к России он не имеет отношения... Но примечательно, что уже в следующем, 1891 году цензура решительно запрещает рецензию на этот роман, которую предполагал поместить на своих страницах популярный журнал «Помощь самообразованию». Московский цензурный комитет в своем решении по поводу этой рецензии отметил:

«Отчет о романе Беллами признан неудобным для журнала «Помощь самообразованию», так как в романе приведены социалистические воззрения, повторение которых в отчете было бы неуместным в издании, издаваемом для целей самообразования».

Итак, изложение содержания романа в популярном издании уже не годится. Через год (1892) цензура запрещает публикацию в журнале «Русское богатство» статьи Е. Соловьева «Принцип экономии общественных сил» только на том основании, что в ней «излагается содержание романа Беллами». В архивах цензуры имеется еще много упоминаний (и каждый раз — в отрицательном смысле) книги, но наиболее обстоятельно отно-

¹ Бритиков А. Ф. Советский научно-фантастический роман. Л., «Наука», 1970, стр. 35.

шение властей к роману Беллами выражено в подробнейшем докладе, представленном московским цензором Генце в 1899 году. Приведем лишь некоторые выдержки из этого доклада:

«Начало романа таково: молодой человек, живущий в Бостоне в конце нашего века, засыпает летаргическим сном и, проспав 111 лет, просыпается среди уже совершенно иного по устройству общества. Оказывается, что за это время все теоретические положения социализма прошли в жизнь и получили полное развитие. Мы видим уже общественную организацию производства, все члены общества получают от государства содержание натурою и вполне достаточное: частная собственность вследствие этого сама собою становится излишнею и упраздняется; члены общества все равны между собою. Трудятся все: каждый получает занятие по способностям... Изображая осуществление социалистических идеалов в виде золотого века, автор параллельно рисует все недостатки — с социалистической точки зрения — современного общественного строя и бичует его часто в очень образных и сильных выражениях. Правда, крайняя утопичность автора вряд ли может ускользнуть от внимания читателя... но тем не менее читающие ознакамливаются с идеалами социализма и могут заразиться верою в их неизмеримое превосходство, полную осуществимость и безусловную необходимость для общества блага...»

Правда, — продолжает цензор, — по роману Беллами переход к социалистическому строю произошел совершенно естественным путем, «без малейшего насилия», но и это обстоятельство в вопросе о вреде или безвредности романа представляется мне малозначимым, так как от слов до дела — недалеко; да и отмеченное мною в романе заключительное место является едва ли не проповедью социализма боевого. Мне известно, что в русском переводе роман Беллами появляется не в первый раз, но так как в то же время у меня не имеется сведений, чтобы вопрос о нем уже был разрешен в высших инстанциях, я с своей стороны нахожу ее подлежащею запрету на основании статей 95 и 96 Цензурного устава».

Московский цензурный комитет на основании этого доклада запретил «обращение книги Беллами в публичных библиотеках».

Интересно отметить, что на роман Беллами обращает в это время внимание и Ученый комитет министерства народного просвещения, который занимался рассмотрением книг, предназначенных для школ и бесплатных библиотек-читален. «Ученые» цензоры систематически изгоняли из круга чтения народа все, что могло бы «взбодражить умы». Особенно сурово расправлялся Ученый комитет с фантастикой, считая, что чтение «подобного рода невероятных рассказов людьми малообразованными, неспособными еще различать вымысел от истины, а такими, без сомнения, является большинство читателей бесплатных народных библиотек, может принести только вред. «Это чтение, — заметил один из членов Комитета по поводу фантастической литературы, — вредное, возбуждающее интерес, но не дающее здоровой пищи для ума».

Вполне естественно, рассматривая в грозном 1905 году популярную обработку книги Беллами (она на сей раз вышла под названием «Золотой век» в 1905 году в Москве в серии «Для народа и школ»), член Ученого комитета Н. А. Майков дал ей такую характеристику:

«В издании Клюкина это сочинение признано непригодным для школ и народных читален в 1900 г. Сочинение Э. Беллами, как известно, рисует торжество социализма над существующим порядком вещей и первым шагом к достижению этого торжества объявляются стачки рабочих, забастовки. Это ясно и определенно изложено в гл. I, на стр. 5—7. Достаточно этих трех страниц, чтобы признать эту книжку совершенно нежелательною для распространения среди народа и в школах, да еще в «популярном» изложении, и только остается удивляться, как она была пропущена общей цензурой. Книга не может быть разрешена ни в какие библиотеки».

Как видно из приведенных документов (а привели мы их далеко не все), царская цензура вовсе не собиралась дать «зеленую улицу» роману американского фантаста. Напротив, хорошо сознавая, что изображение будущего коммунистического общества и обличение буржуазного строя представляет огромную опасность для самодержавия, она всячески стремилась исправить свой недосмотр, изъять этот роман из обращения, особенно в среде простого народа.

Цензурный курьёз с Джеромом К. Джеромом

Знаменитый английский юморист Джером К. Джером широко известен в нашей стране. Одно лишь произнесение его имени вызывает улыбку у людей, знакомых с его очень смешными рассказами. Впрочем, смех Джерома К. Джерома совершенно безобиден. Максим Горький относил этого писателя к числу «добрых буржуа», которые, конечно, непочто иногда посмеяться над недостатками своего общества, но, в общем, оно вполне их устраивает. Эти недостатки, по мнению

английского писателя, легко устранимы, и любые социальные потрясения, а тем более революции, совершенно излишни.

И тем не менее, просматривая опись упомянутой уже выше коллекции запрещенных рукописей С.-Петербургского цензурного комитета, я натолкнулся на дело о запрещении рассказа Джерома К. Джерома «Грядущий социализм». Как, даже такой безобидный писатель стал жертвой царской цензуры? Очень странно...

Срочно выписываю из архивных фондов дело: оно представляет собой рукопись перевода на русский язык рассказа «Грядущий социализм» с приложением отзыва цензора. Чиновник Комитета подробно разбирает рассказ и в конце своего отзыва приходит к следующему заключению:

«Принимая во внимание, что рассказ с таким содержанием может вредно влиять на малоразвитую часть публики и во всяком случае по своему материалистическому направлению не может служить полезным чтением, **определить:** рукопись на основании предписания от 8 мая 1895 года к напечатанию не допускать. 22.V. 1898 г.»

Чем же было вызвано запрещение рассказа? Содержание его коротко сводится к следующему. Автор, не слушавшись в «Ночном социалистическом клубе» разговоров о будущем Англии, возвращается поздно ночью к себе домой и мирно засыпает у камина. Просыпается он в 29-м веке, когда уже осуществились все мечты социалистов. И дальше, пародируя утопические романы (в первую очередь, нашумевший в то время роман английского социалистического писателя Вильяма Морриса «Вести ниоткуда», вышедший в 1890 году, за год до появления рассказа Джерома), автор безукоризненно черными красками рисует будущее. Рассказчик застаёт общество, в котором все счастливы. Но что это за счастье? Все уныло, однообразно, стандартно. Людей не отличить друг от друга, не отличить даже мужчин от женщин; лишь присмотревшись, можно понять, что их отличает номер (четный или нечетный), который они носят на груди. Имен нет, так как они «создают неравенство»; людей, отличающихся от общего стандарта по своему умственному уровню, приводят «к норме» посредством особой операции... В конце рассказа автор просыпается и с огромным чувством облегчения застаёт себя в «доброй старой Англии», где, слава богу, ничего не изменилось.

Джером К. Джером, конечно же, выступает здесь с позиции вульгарных обывательских представлений о будущем обществе, широко распространенных в буржуазной среде. Нужно сказать, что, по-видимому, именно Джером К. Джером этим рассказом положил начало крупнейшему количеству антиутопий, в которых будущее рисуется как царство полной нивелировки и стандарта. Наиболее значительными среди этих «негативных» утопий являются романы Олдоса Хаксли «Прекрасный новый мир» и Д. Оруэлла «1984», но если эти романы написаны все-таки на высоком художественном уровне, то Джерому К. Джерому в рассказе изменяет даже присущее ему чувство юмора и хороший вкус.

Однако почему же все-таки цензура запретила рассказ «Грядущий социализм»? Ведь если стать на точку зрения охранителей существовавшего в то время порядка, то, казалось бы, наоборот, нужно было всячески способствовать распространению этого рассказа, призванного убедить читателя от «социалистических иллюзий»? Ответить можно, пожалуй, лишь так.

Прежде всего, цензура стремилась всячески

искоренить самую мысль о том, что возможно изменение существующего строя, какими бы мрачными красками будущий строй ни рисовался. С другой стороны, большую роль в этом сыграл цензурный стереотип, по которому вообще слово «социализм», независимо от контекста, считалось нежелательным. Очевидно, прежде всего в глаза цензору бросилось заглавие рассказа: «с о ц и а л и з м», тем более — «г р я д у щ и й», — конечно же, запретить, не вникая в суть дела! Вообще, заглавие всегда играло большую роль в судьбе книги. Известно, например, что один царский цензор запретил сугубо научный труд Лестера Уорда «Динамическая социология», так как решил, что в нем идет речь о «динамитном социализме» (дело происходило в 80-х годах прошлого века, когда цензура всячески искореняла все, что хоть как-то напоминало события 1 марта 1881 года).

В дальнейшем — в начале XX века — рассказ Джерома К. Джерома выходил уже в России беспрепятственно, но история с первой попыткой его публикации вносит еще один штрих в коллекцию курьезов царской цензуры.

* * *

В «Манифесте Коммунистической партии», написанном Марксом и Энгельсом, есть удивительные слова, как нельзя более точно дающие оценку ранним утопиям: «Фантастическое описание будущего общества возникает в то время, когда пролетариат еще находится в очень неразвитом состоянии и представляет себе поэтому свое собственное положение еще фантастически, оно возникает из первого исполненного предчувствия порыва пролетариата к всеобщему преобразованию общества». Эти слова в большой мере относятся и к фантастическим романам, о цензурной судьбе которых мы рассказали (за исключением, разумеется, фантазии Джерома К. Джерома).

Наши заметки, конечно, не исчерпывают всех документов, хранящихся в архивах и так или иначе освещающих злоключения фантастики. Об одной «цензурной истории» мы рассказали раньше (см. статью «Первая русская марсиана» в майском номере «Уральского следопыта» за 1970 год).

Цензура, ревностно охранявшая самодержавие, жестоко расправлялась с теми произведениями, в которых выражена была вера человека в светлое будущее, особенно, если это будущее рисовалось как торжество социализма и коммунизма. Полиция, цензура, чиновничий аппарат в целом принимали все меры к тому, чтобы лишить человека неотъемлемого его права — права мечтать. Революционные бури 1905-го и затем 1917-го убедительно показали, сколь несостоятельны были эти попытки уберечь обреченную на слом империю.

А. БЛЮМ, кандидат филологических наук

ЭХ, ТОПНУ НОГОЙ
ДА ПРИТОПНУ ДРУГОЙ...

Фото И. Большакова (г. Свердловск)

НА МОСТУ

Фото О. Кононенко (г. Вологда)

Дневник ЕГЕРЯ

Д. КЛЕЩЕВ

Рисунки В. Сыскова

14 апреля 1964 года.

Чуть прищуренные, раскосые глаза егеря смотрят на меня угрюмо, почти исподлобья. Из-под картуза на затылке свисают рыжие волосы, и весь он напоминает мне нахохлившегося петуха. Я понимаю его: явился на его место другой, а уходить с насиженного гнезда, видно, не хочется...

Долго топчемся на месте, не зная, с чего начать осмотр участка. Наконец, выбираем маршрут — к Половинному озеру, где расположены покосы охотничьего хозяйства.

— Заодно и к солонцу подскочим, — вяло обещает он дорогой.

Однако солонца мы так и не находим. Не увидел я и ни одной дуплянки для уток, аншлагов на перекрестках дорог, даже на границе с другим охотхозяйством.

Я не удивляюсь. Меня предупредил председатель бюро охотколлектива Ожогин: начинать придется все заново, почти на голом месте...

Зато без труда находит он поставленную в протоке между двумя озерами «морду» из алюминиевой проволоки. В ней бьется ондатра. Просунув лезвие ножа между прутьями, егерь пытается заколоть зверька...

...И вот я подвожу итоги своего первого рабочего дня: делать придется то, что не делал мой предшественник, и не заниматься тем, чем занимался он.

15 апреля.

Двухэтажный деревянный дом, в котором мы с женой теперь будем жить, стоит на высоком каменистом берегу озера. Два окна нашей комнаты смотрят в лес, одно — на озеро, овальная чаша которого как бы вправлена в густую зелень ельника. На противоположном берегу виден лесистый мыс.

Озеро еще не вскрылось, и ноздреватый свицово-серый лед лежит на нем тяжелым панцирем. Но на месте протоки уже появилась огромная

полян. Первые утки, прилетевшие в наши края, плещутся в воде, гоняясь одна за другой и поднимая огромные фонтаны воды.

Но что за погода! Нудный, не по-весеннему мелкий дождь сыплет с самого утра не переставая. Поглядываю из окна на небо и не вижу там никакого движения. Тучи, похожие на плотную серую ткань, словно навечно замерли над притихшим миром лесов и болот.

За окном — шум мотора. Кто-то пытается на мотоцикле взлететь на пригород к самым дверям дома.

Спустя минуту в дом входит Ожогин. Он невысок, коренаст, черные курчавые волосы, свисающие кольцами на большой лоб, кажутся жесткими, как проволока. На широком лице — приплюснутый нос.

— Ну, как устроились? — его зоркие глаза уже окидывают комнату, словно ища в ее обстановке перемены, которые неминуемо должны произойти с приходом новых хозяев.

— По моему глубокому убеждению, — принимается рассуждать он минуту спустя, прохаживаясь по комнате и засунув руки в карманы, — налаживать работу в любом охотничьем хозяйстве надо с самого егеря. Что должно быть главным в характере этого человека? Самодисциплина. И, конечно, совесть. Человек живет в лесу, полностью предоставлен самому себе. Никто же не знает, чем он занимается тут целыми днями. Контроля за ним со стороны — почти никакого... Или возьмем другое. Идет он по лесу. Один. Из-под ног выскакивает заяц, вылетает глухарь. А ведь ружье при нем в любую пору года! Выстрелит в неположенное время раз, выстрелит два — и, глядишь, потянуло... Я, конечно, преувеличиваю, но ведь все время слышишь: «главный браконьер в лесу — егерь»...

— Вы напрасно на нас так... — не выдерживает жена, привыкшая все принимать близко к сердцу.

— Это я к слову, — смеется Ожогин. — Ну а теперь о деле. Сегодня у вас три главные задачи: борьба с браконьерством, учет боровой дичи

на токах и, наконец, устройство солонцов. Словом, начинайте потихоньку втягиваться в работу. Думаю, что дело у нас с вами пойдет... Надо выправлять положение.

И мы втроем до глубокой ночи обсуждаем, какими путями следует «выправить положение».

16 апреля.

Дождь, наконец-то, кончился, и я смог выйти в лес. Он в самом деле хорош: сосна, ель, пихта, лиственница, береза, осина. Где-то, чуть подалее на север, забегает в наше хозяйство и кедр.

Местность участка — чрезвычайно неровная: пригорки, впадины, горы, болота. Лес то редет, то становится едва проходным. Уж тут ли не

водиться птице и зверю! А между тем за весь день вижу только рябка да зайчишку.

В лесу то и дело раздавались выстрелы. Пытался бежать на них — где там! Одному с браконьерами нечего делать.

Обратно вернулся затемно, едва заметной охотничьей тропой. Только весной бывают такие удивительно светлые, прозрачные сумерки. Лес окутан легкой синеющей дымкой. Он еще не одет листвою, и березы от набухающих почек принимают какой-то странный, не свойственный им рыжеватый оттенок. Воздух, напоенный соками земли, становится острым и тягучим. Теперь, когда снег в лесу сошел, стволы сосен сливаются с бурой землей и как бы тают, зато белые березы словно светятся.

19 апреля.

— Пятый готов! — объявляет Надя, моя жена, засыпая соль в выдолбленное нами на поваленной осине углубление. Делает она это с таким торжественным видом, точно разрезает красную ленточку. Но что верно, то верно: поработали мы с ней эти два дня на славу.

Кладу в рюкзак молоток, долото, топор и вдруг спохватываюсь:

— А где же водопой?

Четыре первых солонца мы ставили возле ручьев. А здесь — болото, трясица. Решаюсь на нелегкий труд: вытесываю топором две деревянные лопаты. Потом вдвоем копаем яму под водопой. Где не берет лопата, орудуем топором.

К вечеру яма готова. И тогда садимся на валежину, отдыхаем.

Тянет прохладой. Лес меняет свой вид, теряя четкие, ясные очертания. Притихаем, изнуренные работой, и белочка, неизвестно откуда взявшаяся, на наших глазах начинает спускаться по стволу лиственницы на землю. Увидев нас, замирает, подняв перед носом передние лапки. Мы не дышим, и лесной зверек, преисполненный

любопытства, подскакивает почти к самым нашим ногам. Неосторожный мой вздох — и белка уже на дереве. Оглядываясь и сердито цокая, она винтом уходит ввысь и скрывается где-то в густой кроне сосновых ветвей.

Для Нади — я чувствую — это целое открытие нового мира!

23 апреля.

Утренние и вечерние зори вот уже несколько дней подряд встречаем в лесу — производим учет боровой дичи на токах.

Мой предшественник так и не показал мне ни одного токовища — ни глухариного, ни тетеревиного. И вот мы ходим по кромкам болот, ищем на ощупь, прислушиваемся, приглядываемся...

На меня сыплется нескончаемый поток вопросов.

— Зачем это надо — учитывать дичь?

— А как же устанавливать норму отстрела, если не знать, сколько в лесу дичи? — отвечаю я.

— Сегодня ты записал в своей книжечке: «три глухаря». А их было на току пять...

— Те два — молчуны. Первогодки. Они не пели. Я занесу их в другую книжечку — ту, которую ты еще не видела...

— Сделали шалаш сегодня, а говоришь — придем через пару дней... Почему не завтра?

— Пусть птицы привыкнут к шалашу.

И так — без конца

24 апреля.

Охотники привезли пять дуплянок для гоголей. Это что-то вроде скворечников. Кроме того, я сам должен был — таково предписание Ожогина — устраивать искусственные гнездовья для кряковой.

Жена предложила и для гоголя делать гнездовья из камыша:

— А то дуплянки больно тяжелы.

Я объясняю: гоголь, имеющий обыкновение свивать гнезда в дуплах деревьев, не пойдет в камыши. Точно так же, как кряковая не полезет в дуплянку.

Идем камышом и слышим жалобный писк.

— Что-то неладное, — тревожно говорит Надя. Раздвигаю стебли и вижу чирка-трескунка. Подхожу ближе — не улетает. Беру его в руки и только тут обнаруживаю, что у него сломано крыло...

Жена забрала его с собой, решила выхаживать.

* * *

— Тут чьи-то кости, — доносится до меня его голос.

Вглядываясь в останки животного, в проволоку, глубоко врезающуюся в дерево, и у меня мороз пробегает по коже: лось попал в петлю, поставленную чьей-то рукой, бился в тщетных усилиях, да так и погиб тут...

26 апреля.

Вчера вечером, часу в одиннадцатом, приехал Ожогин с двумя охотниками, Лобовым и Кочневым. Я их знал обоих, это они привозили дуплянки.

— Утром выходим на облаву, — объявил Ожогин.

Проходясь по комнате, высокий белобрысый Лобов рассуждал:

— К черненькому податься разве? Там — тока...

— Они и другие тока знают не хуже нас с тобой, — усмехался в ответ Кочнев. Этот — приземист и плотен. Он пенсионер, на базу захаживает чаще других. Вот кто, по уверениям охотников, знает наши леса! И повадки птиц и зверей, и места их расселения, и всю кухню биотехники. Лобов в нем души не чает. Оттого-то они всегда вместе.

— А по-моему, надо податься к Половинному, — настаивал на своем Кочнев. — Там и тока, и козлы...

— Пожалуй, — согласился Ожогин, — да и ближе к деревне...

— К основному поставщику браконьеров! — улыбается Лобов. — Ох уж и деревня! Прошлой осенью нарвался я там на двоих. Наставляю ружья — и баста! Хочешь жить — не подходи!

— Ты, конечно, двинул назад, — не удержался от улыбки Ожогин. — Хотя, я думал, с твоей-то силой...

О силе Лобова ходят легенды. С виду он не похож на силача, но рассказывают, что лодки на шесть человек, так называемые «фофаны», выносит из эллинга в одиночку.

Когда утром выходили из дома, заря только начинает высветиваться. В предутренней тишине гулко и дерзко раздается дальний выстрел...

Парень идет по кромке болота, вероятно, уже с добычей. Увидев нас, на какое-то мгновение приходит в замешательство, потом проворно поворачивается и исчезает в мелком сосновом подлеске.

— Прижимайте его к озеру! — кричит Ожогин.

— Уйдет он там, — возражает Лобов, — лучше прионим к протоке. Она вскрылась. Через нее не сунется!

Но парень идет почему-то именно к протоке. Я уж вижу, как Лобов почти нагоняет его и вдруг у самой протоки как-то странно начинает топтаться на месте, изрыгая проклятия. Оказывался, парень перебежал на ту сторону ручья и убрал лесину, по которой проскочил. Протока шириною в два метра, ее не перепрыгнешь: берега зыбки, как студень. А кругом — ни хворостины. И топора нет!

— Ну и раззявы! — ругается Ожогин. — Четвером не могли одного изловить!

Кочнев вдруг срывается с места, кричит: — Есть еще один переход!

Бежим следом. И правда: через десять минут мы уже на том берегу протоки. Погоня продолжается. Вскоре слышим крик Лобова. Он опять засек беглеца. И снова, как в первый раз, парень ускользает у него из-под самого носа: забегал на лед, — обогнул исток. Лобов было сунулся за ним и — провалился! Парень легче оказался.

Мы прочесываем каждый куст.

— Э-э-э! — подает вдруг голос Ожогин и показывает на копну сена, стоящую на берегу протоки.

Верхушка копны вдруг начинает сползать в сторону... Мы кидаемся к копне и за ноги выволакиваем из нее парня. Видно, рассчитывал,

что копна стоит на стожарах, пустотеля. Она же оказалась сметанной на пласту.

Отнимаем ружье, патронташ, охотничий нож.

— Снимай рюкзак! — приказывает Ожогин.

Парень нехотя стаскивает рюкзак. Ожогин извлекает оттуда двух косачей и какую-то стальную тонкую трубочку.

— А ну-ка, ну-ка! — заинтересованно тянется Кочнев к трубочке. — Такс!.. Эта штука вставляется в ствол дробового ружья на случай охоты на козла или лося, — объясняет он нам, — и вот вам нарезное оружие!

Я с любопытством разглядываю «героя» дня: парень невысок ростом, худощав, но видно, вынослив, измотал он нас порядочно.

Пока мы составляли протокол, он вызывающе улыбался, покачивая ногой.

Но, уходя, бросил сквозь зубы:

— Сочтемся как-нибудь.

28 апреля.

Отстреливал на территории базы ворон, которых здесь видимо-невидимо.

В книжке сказано: «Отстрел пернатых хищников — одно из необходимых биотехнических мероприятий... Чем меньше в охотничьих угодьях вредных птиц, тем больше боровой дичи».

Это не совсем так. Хищные птицы, как и хищные звери, выполняют в лесу роль санитаров. И ворон надо отстреливать лишь для того, чтобы уравновесить вмешательство человека в дела природы: отстрелял боровую дичь — убавь соответственно и число хищников.

* * *

...Сидя в поздний час перед керосиновой лампой, я вспоминаю свой первый в жизни вы-

стрел. В то лето я гостил у дядюшки в деревне. Дядюшка дал мне ружье и два патрона и велел постеречь цыплят. В середине дня невдалеке от дома уселась на заборе ворона и начала презрительно разглядывать меня. Я выстрелил. Ворона принялась качаться из стороны в сторону. Наконец, оторвалась от забора, взлетела метра на два ввысь и плюхнулась в дорожную пыль. Я подбежал к ней, она захлопала крыльями, пытаясь взлететь. Потом распустила крыло, как в жаркий день распускают крылья куры, купаясь в нагретой пыли. Я бережно поднял ее за крыло и мертвую отнес в яму. С тех пор я дал себе зарок никогда не брать в руки ружья.

Но вскоре жизнь преподала мне другой урок. Недалеко от нашего дома я как-то обнаружил под плотиком, на котором обычно женщины полоскали белье, гнездо трясогузки. Я часто наведывался сюда и наблюдал за только что вылупившимися птенцами. Однажды я услышал истошный крик матери-трясогузки. Оказалось, что один из птенцов, самый сильный, вывалился из гнезда и упал прямо в воду. Серая ворона оказалась тут как тут, подхватила и унесла птенца. Долго в моих ушах звенел плач трясогузки.

3 мая.

— И вовсе не обязательно стрелять вредных птиц! — выпалила сегодня жена и помахала перед моим носом книжкой. — Надо просто найти гнездо и уничтожить яйца.

— Но если разорить одно гнездо, — возражаю я, — ворона сделает другое и опять снесет яйца.

— Не надо зорить! — мотает она головой. — Надо проткнуть яйца иглой. И они вытекут.

А самка, как ни в чем не бывало, будет сидеть на пустых яйцах!

Как просто! Главное, не надо стрелять в лесу, пугать боровую дичь, которая тоже выводит птенцов.

У нашей бани мы уже давно заметили два вороньих гнезда, чуть подальше — сорочье. А неподалеку от базы, за болотом — гнездо ястреба-тетеревятника, которого я не сумел однажды в сумерках застрелить из ружья.

4 мая.

Едва солнышко скрылось за тучи, как потянуло холодом. Правда, это не повлияло на наше решение сесть в лодку (вчера озеро вскрылось) и сплавать к протоке, соединяющей Глухое с Половинным.

Вчера, обозревая озеро в бинокль, Надя разглядела в глубине протоки людей. «Ловить удочкой там невозможно, — рассудила она, — вся вода затянута осокой. Значит, остается одно...»

Решили проверить.

Мы застаем браконьеров врасплох. Десять минут — и четыре «морды» выброшены на берег. Я иду к лодке за топором.

— Рыбу, рыбу отдайте! — просит один из парней.

— В милиции отдадут! — резко отвечает Надя, выводя лодку из зарослей на открытую воду.

5 мая.

Открыленный вчерашним успехом, сажусь опять в лодку, плыву к протоке. Парни — не вчерашние, другие, — встречают меня с предупредительной улыбкой. Сколько ни шарю палкой в осоке, сколько ни вожу ею по дну протоки, все напрасно. Конечно же, браконьеры выставили дозорного, и он предупредил их о моем приближении. А чтобы вытащить из воды запрещенные орудия лова и запрятать их в надежном месте — достаточно несколько минут.

— Глубже, глубже тыкай! — смеются надо мной парни.

Затем один из них подходит ко мне ближе.

— Из новых егерей, что ли?

— Из новых, из новых, — бормочу я.

— Оно и видно, — он меняет тон: — Ну вот что я тебе скажу: если ты не из последних идиотов, поймешь меня сразу. Будешь отнимать у нас ружья да рубить «морды» — пожалеешь. Наши отцы и деды ловили здесь рыбу, ходили по лесам с ружьями, и мы будем делать то же самое. Ты бери пример с прежнего егеря. Он нас не трогал, нажил дом и ушел спокойненько...

— Ушли его, — уточняю я, — ушли вашего приятеля.

— А ты — сам уйдешь!

— Однако «морды» все-таки спрятали.

Мы расходимся в разные стороны — каждый остается при своем мнении.

6 мая.

Внезапно похолодало. Северный ветер нагнал тяжелые свинцово-серые тучи. Временами накрапывает мелкий, холодный дождь и оттого, наверное, на озере ни души, хотя сегодня — суббота

Крыло у нашего чирка окончательно зажило. Вчера он кружил по комнате и издавал побед-

ные крики. Потом сел на подоконник и долго и печально глядел за окно... Пришло время решать его судьбу.

Я предлагаю:

— Подрежем крылья, сделаем подсадную.

Жена будто не слышит. Она кормит чирка с ладошки. В это время к дому подъехал Ожогин. Вошел в комнату, увидел чирка и стал просить:

— Отдайте его мне. У главного инженера скоро день рождения — подарю ему.

— Нет уж! — Надя берет птицу на руки, гладит ее, прижимая к щеке и долго держит так. Потом быстро распахивает окно и выпускает чирка.

— Вот уж совсем не умно! — ворчит Ожогин.

Сначала чирок летит низко над землей, потом начинает набирать высоту и вскоре скрывается из виду.

— Этак можно все зверинцы распустить, — продолжает Ожогин, хмуря брови.

— Я так бы и сделала! — отвечает жена.

9 мая.

В середине дня на базу является некто Овсянкин. Вынимает из рюкзака новую мережку.

— Отличная вещь! Капроновая! С черной ниткой! С двумя рядами! С крупной ячеей! — перечисляет он ее достоинства. — Как ты считаешь, паря: поскольку я член нашего охотничьего коллектива — могу я побаловаться рыбешкой?

Я объясняю ему, что ловить в озере рыбу сетью категорически запрещается.

— Ну, а щуку? — не сдается Овсянкин. — Ведь щука — тот же волк в воде. А убей я волка, мне еще премию за это дадут.

— Она очищает озеро от больных и слабых рыбешек...

Овсянкин раздражается оглушительным хохотом:

— Будет она тебе разбирать, кто больной, а кто здоровый! Ты жернова-то хоть раз у нее видел? Нет? А ты погляди! Тонну за день перемелет!

И все-таки пришлось ему положить мережку обратно в рюкзак.

— Закон есть закон! — сказал я ему напоследок.

11 мая.

Хожу по комнате, потираю лоб и никак не могу сообразить, что это все значит. Снова и снова читаю: «Разрешите подателю сей записки закинуть сеть. Для главного инженера. Ожогин».

Да полно, Ожогин ли написал эту записку? Нет ли тут подделки? Как мог ее написать человек, который добился увольнения нечистого на руку егеря и проявляет постоянную заботу об охотхозяйстве, который требует от меня беспощадной борьбы с браконьерством и даже сам участвует в облавах на них, который...

«Разрешите... закинуть сеть. Для главного инженера...»

— Ну чего вы, в самом деле, мудрите-то? — слышу нетерпеливый возглас подателя записки. Он сидит у порога, не сводя с меня глаз. — Чего вы мудрите-то? Ведь там все сказано. Да и спешить надо. Небось, щука уже отмегалась. День-два, а там уж и закидывать нечего... Муд-

рец вы, ей-богу! — резким движением он поднимается. — Ну, решайте! То или другое... Мне ждать некогда!

Иду с ним на берег, даю ему лодку, а сам, как вор, обхожу дом с другой стороны. Знаю, что возле дома, на завалинке, покуривают охотники, и среди них — Овсянкин.

Так и есть: спустя минуту он входит в мою комнату и, плотно прикрыв за собою дверь, начинает вкрадчивым голосом:

— Так что же это получается? Одним, стало быть, можно, другим, стало быть, нельзя?.. — и, немного выждав: — Ну, так как? Дашь лодчонку-то? А то некрасиво выходит: одним, стало быть, можно, другим, стало быть...

Я не выдерживаю, в ярости вскакиваю со стула:

— Никакой лодчонки!

— Ну, это мы еще посмотрим! — обещает мне Овсянкин и уходит, громко хлопнув дверью.

13 мая.

Охотники хмуро обходят меня стороной. Даже Кочнев и Лобов!.. Иду к ним сам и выкладываю все, как на духу. Кажется, мое чистосердечное признание трогает их: они смотрят на меня, точно на раскаявшегося грешника. А грешников надо прощать!

15 мая.

Ночью сквозь сон слышу, как над нашим домом проходит гроза — первая в этом году. Утром мокрые крыши, в выбоинах которых задержалась вода, дымятся от припекающего солнца; воробьи, слетевшись перед домом на влажную, изрытую струйками воды землю, воинственно хохлятся и налетают друг на друга; капли дождя на свежей траве блестят, точно рассыпанная ртуть. А в небесах настоящий калейдоскоп цветов: и высокие перистые туманности, похожие на первые мазки на полотне художника, и легкие, как растянутая вата, быстрые, подвижные, постоянно меняющие свою форму тучки, и тяжелые, словно застывшие на месте, глинистого цвета облака. Веселые, беспорядочные нагромождения!

Из-за озера доносится голос кукушки.

— Как чисто, ясно... — говорит Надя и вдруг спрашивает: — А как ты думаешь, птицы — чувствуют? Есть у них душа?

Что тут ответить?

— Почему ты не спросила об этом у чирка, когда выпускала его на свободу?

17 мая.

Опять от Ожогина послание! Просит организовать пикник для брата председателя завкома: надо наловить рыбы, зажарить да еще и преподнести гостю.

Я взял ружье и ушел в лес.

18 мая.

Когда забарабанили в дверь, я тотчас понял: что-то случилось.

В дверях стоял лесник, весь красный, возбужденный, волосы всклокочены.

— Поднимай людей! В десятом квартале пожар!

Охотники хватали все, что попадало под руку: лопаты, топоры, кирки, ведра...

Я много выдвигал на своем веку пожаров:

на моих глазах горели стога сена, торфяные болота, деревянные постройки, даже вспыхнула однажды на железнодорожной станции цистерна с горючим. Но страшнее лесного пожара, мне кажется, ничего не бывает...

Когда мы прибежали, огонь уже шел в два слоя: по земле и по верхушкам деревьев. Языки пламени безудержно кидались во все стороны. Кругом трещало: валились подгоревшие снизу сухостойные деревья; искры разлетались фейерверком; дымом застилало все вокруг.

Люди бегали и кричали, как чумные, никто толком не знал, как подступиться к огню.

Но когда на место пожара прибыл лесничий, все постепенно наладилось. Мы принялись окапывать район огня. Важно было не дать пламени перекинуться через дорогу, к штабелям заготовленных дров.

К полудню пришел трактор. Он опалил пожарище со всех сторон, и люди вздохнули с облегчением. Оставалось ждать, когда схлынет огонь.

У самой дороги, на ветру, стояло наполовину сожженное молнией дерево. Огонь подобрался к нему снизу, от корней. И теперь этот пенек, толщиной в полтора обхвата и высотой метра два, горел не снаружи, а изнутри. Временами пламя вырывалось из дупла и лизало близко стоящие деревья. Мы с Надеей принялись тушить этот пенек: набирали в ведра землю и сыпали в огненное нутро.

В это время на дороге возник какой-то спор. Я подошел. Кочнев, держа в руках копалуху с опаленными крыльями, грозил одному из рабочих лесничества:

— Егерь тебе, так задаст — век будешь помнить!

Увидав меня, произнес целую речь — взволнованную, страстную:

— Голову собирался птице завернуть... перед ней, — продолжал Кочнев, приподымая на руках пугливо гоготающую глухарку, — на коленях стоять должно! Ведь посмотрите: вокруг пламя, трещат деревья, огонь хватает за крылья, а она сидит на яйцах! Ждет потомства! Это же понимать надо!

К Кочневу протискивается Надя:

— Отдайте ее мне!

Кочнев протягивает ей птицу:

— На! Выхаживай!

Она берет копалуху дрожащими, трепещущими руками, прижимает к себе и идет, ни на кого не глядя, и что-то непонятное нашептывает ей на ухо.

23 мая.

Был в городе. Хотелось увидаться с Ожогиным, поговорить с ним о его последних двух записках. Не повезло — он на две недели уехал в командировку.

Зато приобрел породистую собаку, о которой давно мечтал. Кличка — Цыган.

27 мая.

Копалуха умерла. Надя в большом расстройстве.

29 мая.

Ходили на Малое Глухое. Решили посмотреть, осталась ли там утка, прилетевшая в наши края, а заодно подправить охотничью избушку.

Оно небольшое, это лесное озеро, и кругом

в лавде (лавда — плавающая часть суши). Рыбаки говорят, что здешний окунь самый вкусный. Ловят его здесь даже в летнюю пору на зимние удочки, пробивая в лавде лунки. Однако ни на червяка, ни на малинку, ни на малька здешний окунь не берет. Один старик открыл мне секрет: ловить надо на личинку стрекозы. Сметливые рыбаки достают личинок со дна озера. Берут сучковатую палку, накручивают на нее водоросли и, вытянув на берег, выскрывают в них личинок.

Говорят еще, будто бы озеро соединено подземными протоками с другими: Лебяжьим, Половинным, Глухим. В иные дни вся рыба по этим протокам уходит из озера.

...В вечерней тишине, при закате солнца, вдруг слышим звонкое курлыкание, и вот длинношей журавушка опускается на берегу, недалеко от нас... На его призывное курлыкание немедленно отзывается другой голос, откуда-то из глубины болота. Видно, самка сидит на яйцах, а самец — промысляет...

1 июня.

В моем распоряжении имеется заводская лошадь, но телега, сбруя, хомут и шлея в таком состоянии, что пользоваться ими невозможно. Колеса у телеги совсем развалились.

Я обращаюсь на завод с просьбой обновить всю эту рухлядь.

— Ты что, парень! — выкатывает глаза начальник жилищно-коммунального отдела, прочитав мое прошение. — В лесу живешь!

— Колеса в лесу не валяются...

— Учись делать сам, — коротко советует он. — У тебя под боком, кстати, три лесника. Заведи с ними дружбу!

Иду за помощью к охотникам. И опять меня выручили Кочнев и Лобов... К Лобову у меня особое уважение: до чего же любит работать! С хомутом вчера провозился полдня, починил так, что хоть на базар выноси!

3 июня.

С самого утра на базе были гости — заводское начальство. Я водил их по территории и показывал свое хозяйство: эллинг, кладовую, холодильник....

До меня долетели обрывки разговора:

— Женевское озеро, а? Как ты считаешь, Семен Игнатьевич? — обращался председатель завкома к заместителю директора завода. — Грешно не использовать его для отдыха трудящихся...

Я не расслышал, что ответил тот, и опять донесся голос председателя завкома:

— А что — охотники? Теперь не охотничий сезон! Делать им до осени здесь нечего.

Уж не собираются ли на лето в Доме охотника открывать дом отдыха? И знает ли об этой затее Ожогин?

10 июня.

Мы дошли до самого дальнего солонца и остолбенели от неожиданности: у солонца стоял здоровенный лось с пятью роговыми отростками.

Когда я вижу в лесу неподвижно стоящего лося, я, откровенно говоря, не испытываю от этого зрелища особого удовольствия: горбатый, с вытянутой мордой, с ногами, непропорционально длинными, с туловищем, непропорционально коротким, он напоминает мне Квазимодо в животном мире. Но когда этот Квазимодо мчится по лесу, легко неся свое могучее тело и гордо

выкинув голову, — диву даешься той метаморфозе, которая происходит с ним. Перед тобой в самом деле красавец, гордость наших лесов. И невольно думаешь: как хорошо, что это животное спасли от полного истребления!

Стало быть, и всю остальную живность, некогда в изобилии населявшую эти уголья, можно возвратить в наши леса?

12 июня.

Кто хоть раз был в деревне, наверное, видел, как в жаркий день куры и воробьи купаются в дорожной пыли — освобождаются от блох.

Не думал я, что в обязанность егеря входит, кроме всего прочего, и устройство искусственных порхалищ для боровой дичи. Идешь обычно в места, где водится дичь, и на южном склоне какого-нибудь бугра рыхлишь землю.

Хорошо еще в землю насыпать золы.

Работа нехитрая, но если не делать порхалищ, птица может перебраться в другие места, за пределы охотничьего хозяйства.

Устройством порхалищ мы занимаемся вот уже третий день. И каждое утро, едва выходя из дому, повторяется одна и та же картина: Цыган лежит в конуре, высунув морду, вялый, ослабленный, с полным отсутствием интереса к окружающему. Но вот, увидев нас, он тотчас выскакивает из конуры. Пританцовывая на задних лапах, передними изо всех сил молотит воздух, стараясь дотянуться до нас.

— Зря ластишься, — вздыхаю я и отстраняю от себя собаку. — Не могу брать тебя в лес в летнюю пору!

— Не имеем права! — вторит Надя и показывает собаке язык.

Цыган зачарованно смотрит на ее высунутый язык, поворачивая при этом голову из стороны в сторону. Этот собачий жест ее особенно трогает.

— А может, разок... а? — начинает она просить меня.

Но я неумолим.

23 июня.

Нынче поутру на территории базы появились какие-то парни и угнали мою дежурную лодку. Нахожу ее уже в протоке, запрятанную в камышах.

Потом мне сообщают: по всей дороге, от тракта до базы, выворочены все столбы с аншлагами, которые мы устанавливали на днях.

Но самое неприятное — Цыган сорвался с цепи и убежал в лес.

Часа три брожу по лесу, и вот на кромке большого болота слышу лай. Наконец-то! Спешу туда. И что же? Цыган держит в зубах пойманного глухаренка! Увидев меня, блудливо опускает глаза и волочит птенца в кусты, то и дело наступая ему на распутившиеся крылья. Я огниаю у него птенца. Поздно!

Возвращаюсь на базу, неся в руках мертвую птицу. Собака плетется следом. Мне бы бросить глухаренка в кусты, а я зачем-то несущего домой, как неопровержимое доказательство своего ротозейства.

На базе — Овсянкин. У него поразительное чутье на мои промахи и ошибки. Увидев меня с «трофеем», округляет глаза.

— Уже открыл охоту?

Я молча прохожу мимо. Знаю, что о моей «охоте» сегодня же станет известно всем.

25 июля.

Слухи об открытии туристического лагеря на нашей охотничьей базе подтверждаются.

26 июля.

Через четыре дня — первый заезд в лагерь. Мне приказано в спешном порядке освободить от охотников обе комнаты. Каково! Выгнать хозяина из собственного дома!

27 июля.

Подготовка к открытию лагеря идет, что называется, полным ходом. Завозят продукты, кровати, матрацы. Погреб, где охотники обычно хранили убитую дичь, забили сухим льдом.

Поставили двадцать брезентовых палаток для отдыхающих.

Охотники ходят, понуриив головы.

30 июля.

С грустной улыбкой поглядываю я на охотника Васильчикова. Старик только что возвратился с Половинного озера и уверяет, что лодка, которую мы с ним перевозили туда, исчезла. Он трижды обошел озеро, все берега излазил, обшарил — как сквозь землю провалилась.

В мою комнату входят Кочнев и Лобов. Они еще здесь, хотя сегодня — открытие туристического лагеря, а охотники на территории базы все равно что жильцы без прописки...

— Иди к председателю завкома, — советует Лобов. — Может, спишут... Шутка ли — сорок рублей! А велика ли твоя зарплата?

— Правильно! — поддерживает его Васильчиков. — Тому егерю все сходило с рук...

Добрые советы дают мне охотники, ничего не скажешь. Только одного не понимают: наверное, мой предшественник не так встречал брата председателя завкома, как я. Не хочется лишний раз осуждать своего коллегу, но ходили слухи, будто и самого председателя завкома потчевал рыбой, особенно в весеннюю пору. Недаром он увез с собой пять сегаев, когда освобождал место.

5 июля.

Теперь уж и не знаю, от кого больше вреда — от браконьеров или от отдыхающих: вчера в солонце для лосей обнаружил щепотки табака, а сегодня один из отдыхающих подсачником изловил утенка, распугав остальных. Пришлось чуть ли не с кулаками отнимать у него птицу. У протоки творится не поймешь что: денно и ночью лодки с рыбаками, все утиные выводки разогнаны.

Еду в город — выяснять, для чего, в конце концов, я здесь!

11 июля.

Нас в комнате шестеро. Идет заседание бюро охотколлектива. Только что я доложил обстановку, жду, что скажут другие.

АЗЪ БУКИ ВЪДИ

ВЫДРА ИЛИ ГИДРА?

Как-то я познакомился с одним пятиклассником — юннатом, членом Общества охраны природы. Он с увлечением рассказывал об обитателях песчаной пустыни. Особенно мне запомнился его рассказ о тушканчике. Я с интересом выслушал паренька, а потом спросил, что означает столь странное, неизвестное название зверька — «тушканчик»? Однако, к моему огорчению, рассказчик лишь недоуменно пожал плечами. Видимо, подобный вопрос ему не приходил в голову.

Названия живых существ бывают самыми разнообразными по происхождению и спо-

сому образования. И нередко не составляет большого труда определить, откуда взялось то или иное наименование. Так, мы не затруднимся ответить, почему кукушку назвали кукушкой, а тетерева глухарем. (Известно, что птица эта почти ничего не слышит, когда распевает любовные песни.)

Столь же прозрачны и причины возникновения многих диалектных прозвищ, кличек домашних животных, птиц, рыб: караса назвали **краснокрылкой**, за его красноватые плавники; **боронкой**, **сошкой** — жеребенка, приручаемого к бороне или сохе; **пестряком** — пестрое животное: зайца, теленка, быка; **бездомницей** — кукушку (яйца кладет в чужие гнезда); **зимарем** — поросенка, оставленного на зиму для откорма; **листопадником** — щенка, родившегося осенью; **воскресней**,

понедёней, **середёней** — теленка, родившегося в воскресенье, **понедельник**, **среду**; **каркуньей** — ворону.

Но возьмем, к примеру, всем нам хорошо известного воробья. Что значит **воробей**? **Вора бей** — напрашивается ответ... Но каких это воров бьет или должен бить воробей? Слишком уж невзрачная птичка. А может быть, наоборот, сам воробей является вором? Ведь он так и ищет, где ему чем-нибудь поживиться, за что и бывал часто бит. Однако, проверим наше предположение по этимологическому словарю.

Узнаем, что в украинском языке **воробей** звучит как **воробец**, **горобец**, **горобель**, в болгарском — **врабец**, в польском — **врубель**, в сербохорватском — **вராбац**. Тут уже нет ничего похожего на «вора», которого следует «бить».

Другие — молчат.

— Конечно, ему виднее...— начинает кто-то у меня за спиной.

Первым нарушает молчание Ожогин.

— Из-за нескольких мерзавцев, не умеющих вести себя в лесу, — он смотрит на меня в упор, — нам никто не позволит закрыть туристический лагерь.

— Дело не в отдельных мерзавцах! — горячусь я. — Отдыхающие целыми толпами ходят по лесам, разгоняют выводки, пугают зверье. Почти круглые сутки, с небольшими перерывами, орет репродуктор...

— Да к тому же еще тут такое дело, — вступает в разговор слесарь из жилищно-коммунального отдела Старцев. — Тут еще вот какое дело... Ну, кончится сезон у турлагеря. Барахло-то все передадут ему на подотчет. — он кивает в мою сторону. — Значит, отныне сторожем будет наш егерь...

— Оба, оба вы говорите вроде бы правильные вещи, — вздыхает Ожогин, потирая лоб. — А между тем понять не можете самого простого: зачем вы ставите интересы охотников выше интересов коллектива завода? Нас с вами сто человек, а рабочих на заводе восемь тысяч!

— Охотничьи угодья существуют не для того, чтобы на их территории устраивались туристические лагеря. Это — нарушение закона... — продолжаю я, глядя на Ожогина. — Давайте говорить напрямую: к нашему озеру проложена дорога, а в другие-то места ее еще надо прокладывать!

Вот в чем дело. Дирекция идет по легкому пути. И дело тут не в столкновении интересов.

Ожогин морщится.

— Кто эту-то дорогу проложил? Завод! Ему и выбирать, где лучше...

Этимн словами Ожогин как бы подвел черту.

12 июля.

Встал сегодня с мыслью, что моя егерская песенка, кажется, спета. Возле моего окна с шуточками и прибаутками то и дело проходят толпы отдыхающих, направляясь в лес...

И я сажусь за стол писать заявление с общепринятой формулировкой: «По собственному желанию...»

За окном шум. Слышу голос лагерного сторожа — опять кого-то не пускает.

Через минуту в комнату врывается Лобов.

— Ну и порядочки! — бормочет он на ходу, ощупывая себя руками. — Все пуговики оборвал! Ну так как, было бюро?

— Чего ж ему не быть?

— Ну, а дальше?

— Вот — пишу заявление...

— Что за шутки? — выходит из себя Лобов. — Ты мне толком объясни!

— Я и объясняю: работать в такой обстановке больше не могу.

— А ты обмяк! — неожиданно принимается стыдить меня Лобов, — быстро обмяк. — Он ходит по комнате, бьет кулаком в свою ладонь. —

И оказывается, что название птицы пришло в славянские языки из греческого. В далекие времена первоначальный корень **вирб**, что означает **звенеть, звонить**, в результате различных фонетических процессов превратился в русском языке в **воробья** — название птицы, которое случайно совпало по звучанию с сочетанием **вора бей**.

А каково исходное значение названия **выдры** — зверька, промышляющего в воде? Не правда ли, так и хочется подобрать однокоренные слова: **выдрать, выдирать, драть**. И опять — ошибка. **Выдра** и **выдирать** ничего не имеют общего, кроме случайной звуковой близости. Дело в том, что русское **выдра**, болгарское **видра**, литовское **удра** — родственные слова, которые в свою очередь родственны греческому **гидор** — **вода** (отсюда гидра — водяная змея), значит **выдра** и **вода** однокоренные слова, и, следовательно, **выдра** — значит **водяное животное**. Но тогда почему **выдра**, а не **водра**? В древние времена гласная **О** в корне **вод** могла чередоваться с **Е** и **Ы**, которые и сохранились в словах одного корня: **вода, ведро, выдра**.

А вот — **голубь**. Тут уж точно, скажете вы, голубя назвали так потому, что он голубого цвета. Однако большинство ученых-языковедов склонно полагать обратное: от **голубя**, цвета его оперения образовалось прилагательное **голубой**. А название птицы, как считают некоторые ученые, родственно литовскому **гулбе** — **лебедь**, древнепрусскому **гулбис** в этом же значении.

По какому же принципу люди давали имена окружающим их животным, птицам? Один способ нам уже известен — звукоподражательный. Популярную водяную птицу назвали **гагарой**, так как она издает звуки **га-га**. Птица, кричащая несколько раз подряд **дёрг-дёрг**, зовется **дергачем**.

Очень часто какой-нибудь характерный, резко бросающийся в глаза признак становится именем. Так, вид голубя, имеющего большой зоб, получил название **горлица**. Понять смысл названия **дятла** нам помогут названия этой же птицы, например, в украинском языке: **довбач, довбало**. Правда, некоторые сельские жители производят слово **дятел** от **деготь, дескать**, и звучит похо-

же и цвет одинаково черный. Но такое объяснение неправильно. Во-первых, слово **дятел** обнаруживается во многих славянских языках, что свидетельствует о его древнем происхождении, и в то время вряд ли людям был известен деготь. А во-вторых, совершенно неоспоримо научно доказано, что слово **дятел** происходит от древнего глагола **долбить**. Так же по характерному признаку зовут птицу **горихвосткой** за ее огненного цвета хвост. **Медведь** — дословно **едящий мед, медвед**. А в некоторых диалектах медведя зовут **хозяином** — самый сильный в лесу, всего леса хозяин.

По характерному признаку названа и наша любимая **ласточка**, которую зовут еще **ка-саткой**. Правильнее было бы писать **ко-сатка**, а не **ка-сатка**, так как происходит это название птицы от слова **коса**: раздвоенный ласточкин хвост похож на две косички. Однако ударение не падает на первый слог — произносим **ка-сатка**, что и закрепилось на письме.

Но откуда все же взялось название **ласточка**? В общеславянском языке было слово **ласта**, что значит **летающая**.

Через неделю — общее собрание охотников... И вот что я тебе еще скажу, друг мой: начинай-ка ты лучше сенокос!.. Ей-богу, не пожалеешь! Через пару дней, в субботу, подскочим и мы на мотоциклах. Человек пять. Устроит тебя это? Ну, а теперь я пойду! — он снова принимается осматривать полы своего пиджака и вдруг принимается хохотать: — Пуговики пришивать пойду!

20 июля.

Вчера состоялось общее собрание охотничьего коллектива. Ожогин больше не председатель. Почти весь состав бюро новый.

Память моя, точно магнитофонная лента: я слышу голоса выступающих, словно все еще сижу на собрании.

— Если обо всем, что творится в нашем охотничьем хозяйстве, — горячится Кочнев, — узнает Россохотрыболовсоюз или областное общество охотников, то могут отнять у нас эти уголья и передать другому хозяину... Тому, кто будет содержать их в образцовом порядке. Как пить дать, отнимут!

— И правильно сделают! — Это уже Лобов. — Дело даже не в том, что нас, охотников, выдворили из собственного дома. Для чего, скажите вы мне, государство передало охотничьи уголья в руки общественности? Отнюдь не для того, чтобы мы развлекали себя пальбой из ружей. Дело в том, что мы с вами отвечаем перед

государством за сохранность охотничьей фауны, за то, чтобы не исчезли из наших лесов ни зверь, ни птица. Чтобы наши потомки не упрекали нас в том, что мы, прошедшие по земле раньше их, выступали в роли мота, распоряжаясь богатством природы. Люди и так уже краснеют за то, что сделано ими по истреблению живности на земле. Вот послушайте, — Лобов раскрывает журнал, читает: «За то время, которое мы называем нашей эрой, то есть менее чем за две тысячи лет, с лица Земли исчезло сто десять видов млекопитающих. Тридцать из них представлены близкими видами, а восемьдесят не оставили после себя никакого следа...».

* * *

Мы идем молча, каждый по своему переживая случившееся. Наконец жена не выдерживает:

— Но ведь охотником-то он, надеюсь, останется? — спрашивает она об Ожогине.

— Кто ж у него собирается отнимать охотничий билет? К тому же, борьба еще вся впереди, и он может показать себя в ней с самой лучшей стороны... если, конечно, понял кое-что сегодня... Во всяком случае, — помолчав, добавляю я, — заявления об уходе писать я пока не буду.

В разговор мы и сейчас еще можем обнаружить: **ластка**, **ластовка**, **ластича**. Кроме того, древнему **ласта** родственно и слово **ласка**. Значит, слова **ласточка** и **ласка** возникли из одного источника.

Люди обратили внимание, что у ерша острые, подобные иглам плавники, которые служат ему надежной защитой от нападения хищных рыб. Отсюда и название — **ерш**, что первоначально значило **игла**, **шип**, **гвоздь**.

Несмотря на то, что животные разных видов совершенно не похожи друг на друга, нередко их обозначает одно и то же слово. В древнеиндийском языке словом **хаяс**, первоначальное значение которого — **прыгун**, назвали **коня**, а в общеславянском, как нетрудно догадаться, словом **хаяс** величают **зайца**: ведь он тоже **прыгун**. А в некоторых других языках **зайцем** называют **козу**. Родственны по происхождению имена таких животных, как **лань**, **олень**, **лось**, исходное значение которых — **желтый**, **рыжеватый**. Все они названы по цвету их шерсти.

Наверное, по характерному признаку, по цвету оперения,

возникло название птицы **синица**? Ведь ясно же видно, что синица — значит **синяя птица**. Но постойте! Ведь в оперении ее ничего нет синего! Здесь что-то не так... Придется опять обратиться к этимологическому словарю. Вот что там написано: «**Синица** — слово образовано с помощью суффикса **-ица** от звукоподражательного **зинь**». А затем, ввиду сходства звучания **зинь** и **синь**, вместо **зиница** возникло **синица**. Но это далеко не единственное мнение. В разных языках эта птица зовется по-разному, по-разному объясняют и судьбу ее имени. Очень глубоко, подробно, а главное, очень интересно исследует историю названия этой птицы Лев Успенский в своей знаменитой книге «Слово о словах».

И, наконец, есть у нас такие птицы, животные, чьи имена окружены легендой, родились благодаря сказочной фантазии народа.

Птицу называли **козодоем**, так как по народному поверью считалось, что птица эта ночью высасывает молоко у коз. Или, например, птица **королек** или **крапивник**. Существует легенда, будто бы птицы решили

выбрать себе царя. Начались состязания, и крапивник поднялся выше всех птиц и одержал победу. И стал царем всех птиц, и на голову его надели корону. Такова легенда. А поводом для нее, возможно, послужил маленький венчик из перьев на макушке этой птицы, который и в самом деле напоминает корону. А птица **удод**, по поверью, является предвестницей несчастья, и еще в древнерусском языке ее называли **дивом**. Слово **див**, заимствованное из тюркского, первоначально имело значения **демон**, **дьявол**, **злой дух**.

Ну, а как насчет **тушканчика**? Через несколько дней после разговора с юным натуралистом я вновь встретил его. Теперь он уже знал, откуда взялось название хитрого зверька, ловко обманывающего своих врагов черно-белой кисточкой хвоста.

Слово **тушканчик** образовано с помощью суффикса **-чик** от тюркского **тушкан** — **мышь**. Со всем просто.

А. БЕЛЯЕВ

ЭФФЕКТ Баранова

ПРАКТИЧЕСКОЕ ПРИМЕНЕНИЕ МЕТОДА
КЛУБА ВЕСЕЛЫХ И НАХОДЧИВЫХ

Юмористический рассказ

Эрнст БУТИН

Рисунки Е. Стерлиговой

Молодой инженер Слава Баранов, бывший призёр студенческого КВН, деловито раскрыл пухлую папку с надписью «ИСХОДЯЩИЕ». Он всего неделю работал в этом учреждении с названием непризнанным, как заклинание картавого шамана, и, наконец, дождался настоящего дела — ему поручили вычислить процент применения научной организации труда в работе отдела. Поручили явно не без умысла.

— Побольше деловитости! — потребовал от него начальник. — Пора вам стать солидней и запомнить, что здесь руководящий аппарат, а не КВН!

Слава, к которому в отделе относились снисходительно и иронично, — молодой, зелёный, смету составить не может, — горько усмехнулся. В душе, конечно. Он произнес пылкий монолог в защиту любимого клуба веселых и находчивых, тоже в душе, разумеется, и пошел вычислять процент.

В кабинете, забитом столами, было тихо и уютно. Скрипели перья. Шуршала бумага. Изредка лениво чавкал дырокол. Время от времени арифмометр с треском выяснял отношения между активом и пассивом. Посапывал над отчетом Слава начальник. Изнывала в жажде свежего воздуха муха на оконном стекле.

Поглядывая в книгу «исходящих» и спотыкаясь о деепричастные обороты, Слава уже заканчивал свое произведение, когда дверь скрипнула и в кабинет проскользнула секретарша. Слава стал еще деловитей, нахмурил брови, поставил сразу два восклицательных знака, покосился на дверь и обомлел. Софья Павловна, секретарша, побледневшая, с трагическим выражением на лице, беззвучно шевелила губами.

— Семен Семеныч! — прошептала она, наконец. — Он пришел!

Славин начальник вздрогнул и улыб-

нулся с тем недоверчивым видом, с каким выслушивают первого апреля сообщение о сокращении штатов.

— Не шутите так зло, Софья Павловна, — погрозил он пальцем. — У меня сердце.

— У всех сердце! — сказала Софья Павловна. — Однако, несмотря на это, ОН здесь.

— Нет, нет! — беспорядочно замазал руками Славин начальник. — Это слишком!..

Сослуживцы замерли, а потом началась тихая и некрасивая паника. Бросив свои отчеты, скоросшиватели и картотеки, солидные люди резво метнулись к двери.

Славин начальник, обхватив голову руками, раскачивался из стороны в сторону.

— О, судьба! — негромко подвывал он. — О, зачем ты опять посылаешь мне это испытание?!

Страдальческий взгляд начальника, блуждавший по комнате, замер на Славе и вдруг просветлел.

— Вячеслав Станиславич, выручайте!.. Вы молоды, сильны. Спортсмен! Гладиатор! Нервы — канаты!

Польщенный Слава потупился.

— Спасайте! — начальник распахнул шкаф и начал швырять на стол Славы какие-то папки, перетянутые изъеденными молью веревками.

Слава умел ценить доверие и был счастлив, что его, наконец, оценили. Сейчас Слава был готов на все...

— Приказывайте! — сдерживая волнение, сказал он.

— Сейчас войдет чудовище, — косясь на дверь, шептал начальник. — Поговорите... От ворот поворот, словом... Убедите его больше сюда не ходить...

— Слушаюсь! — сказал Слава и почувствовал дрожь.

Дверь скрипнула. Вошел невысокий хиленький старичок со щетинистым лицом и недоверчивым взглядом.

Начальник Славы бочком вдоль стены стал красться к выходу.

— Проходите, Евлампий Силыч, проходите. Вот товарищ вами займется, — бормотал он. — А меня вызывают. Спешу! — и юркнул за дверь.

Евлампий Силыч присел на краешек стула, аккуратно поставил на колени видавшую виды дерматиновую сумку и улыбнулся ревизорской улыбкой.

— Молоды вы чтой-то, — с сомнением покачал он головой. — В технике-то, чай, не разбираетесь?

— Инженер я, — вымолвил Слава.

— Двоешник, небось, в техникум-то был. Второгодник, — размышлял старичок. — А может, у какого жулика диплом купил? И очки заодно?

Славины щеки побелели, но он сдержал себя, произнес нарочито спокойно:

— Слушаю вас.

— Деньги-то когда дадите?

— Сколько?

— Да уж сколько положено, — скучно посмотрел Евлампий Силыч. — Сами, чай, знаете.

Слава порылся в карманах, достал несколько гривенников, сдул с них крошки. Припомнилось, что такой же номер имел когда-то успех на институтском «заседании» КВН.

— У меня, правда, немного,— протянул Слава монеты старичку.— Но чем богаты...

Евламий Силыч окаменел.

— Шутками балуетесь! Оскорблением над мыслью, которая техническая да передовая, занимаетесь! Запомним! — и вдруг затопал ногами.— Куда мои изобретения дели?!

— Ах, вы изобретатель... — разочарованно протянул Слава.— А я думал, вы сирота... Стихийные бедствия, знаете ли, пожар, саранча, и вот... без родного крова... А вы творец и это все ваши труды? — похлопал он по папкам, покрытым пылью, точно серым бархатом.

Евламий Силыч утвердительно замотал головой.

— Читал,— отвел глаза в сторону Слава.— Изучал. Изумлялся.

— Ну! — с угрозой потребовал изобретатель.

— Неплохо,— Слава уже входил в роль и торопливо соображал, что мог придумать этот талантливый дедушка. Прищурясь, смотрел на нетерпеливого изобретателя, и вдруг в памяти всплыл вечный, как сама вечность, образ страдальца, скручивающего ржавой проволокой какие-то реечки и планочки.

— Неплохо,— твердо повторил Слава.— Но ваш вечный двигатель не двигается.

— Это машина, которая, ежели ее раз толкнуть, то всю жизнь крутится?

— Вот, вот,— обрадовался Слава и развел руками.— Не крутится.

Старичок сконфуженно отвел глаза, словно его поймали, когда он сыпал соль в соседский чайник.

— А материал-то какой,— привычно заныл он.— Подшипник-то какой?

Он торопливо выдернул из-за пазухи химический карандаш, поплевал им его и нервно стал пачкать какими-то линиями бумаги на Славиной папке.

— Материалы ни при чем,— двумя руками потянул к себе папку Слава.

— Нет, при чем! — старичок вцепился в папку и еще быстрее стал приводить в негодность недочитанное Славой распоряжение.— Вот смотрите... Ежели он ни при чем, то что же при чем?

— Наука не позволяет,— сопел Слава, отбирая у Евлампия Силыча бумагу.

— Наука! — оскорбительно хмыкнул изобретатель.— Знаем мы эту науку!

— Да, наука! — пораженный пренебрежением к науке Слава выпрямился.— Наука утверждает... — он взглянул в безмятежно-невежественные глаза изобретателя, и вдохновение понесло Слаvinу мысль по знакомому и любимому руслу кавээновских импровизаций.— Наука утверждает, что у вас в машине орфоэпическая амплитуда бинокулярного момента суспензии эритроцитов не соответствует сверхзадаче Станиславского, поэтому колапсируется эффект Баранова.

Слава ждал, что Евламий Силыч рассмеется ему в лицо за этот псевдонаучный бред, но старичок икнул и выпустил папку.

— Кого? Баранова? — недоверчиво спросил он.

— Его, его,— успокоившись заверил Слава.— И еще Бойля — Мариотта.

— Да-а,— протянул Евламий Силыч.— Ну, ладно. А новый смывной бакчок? — ехидно склонил он голову набок.

— А-а... — пренебрежительно поморщился Слава.— Не тот плюсквамперфект, совсем не тот. Нет нужной партикулярной колоратуры и Эдипова комплекса.— Слава с удовольствием мстил и за науку, и за двойки в каком-то техникуме, и за купленный диплом.— А без плюсквамперфекта ни один завод делать не возьмется!

Старичок виновато моргал глазами. Он сник. Он был повержен.

— А четырехдырная клоповка? — уже без надежды спросил он.

— Нет! — непреклонно и сурово покачал головой Слава.— Морфема, синусоидальная перигелию, дает отрицательный парадокс. Надежды никакой!

— Наука! — вздохнул изобретатель, надолго замолк, потерянно уставившись в пространство. Потом достал какую-то бурую, невкусно пахнущую тряпицу и прижал ее к глазам.

— Платок вот, слезосушилку, изобрел,— доложил он.

— С естественной грязепопиткой? — участливо спросил Слава.

Евламий Силыч кивнул, сунул слезосушилку во внутренний карман и вдруг застыл. Глаза его недобро и плотноядно заблестели. Он закрыл их, прислушиваясь к чему-то, скорее всего к внутреннему голосу. Внутренний голос был явно недружелюбен к Славе.

— Как же так,— наливаясь гневом, спросил Евламий Силыч,— а докумен-

ты? У меня же справки есть, что я изобретатель. Из ЖЭКа и еще кое-откуда,— он многозначительно посмотрел на Славу.— По форме, с печатями и разными подписями...

Евламий Силыч достал из кармана пачку спрессованных и изжеванных временем бумаг цвета и запаха слезосушильного платка и стал старательно совать их под нос Славе.

— Это что? — убийственно смеялся старик.— Документы? Документы! Значит, я изобретатель! А какой же я изобретатель без изобретений? А?

— Папаша, папаша! — отползал вместе со стулом Слава.— Наука ведь!

— Наука? Ха-ха-ха! — раздельно и сухо произнес Евламий Силыч.— Пущай! А мы самоучки! Левши! И правши тоже! Топором да долотом любой треньбрень сделаем, без науки!

Слава встал и прижался лбом к оконному стеклу, чтобы унять прыгающую бровь...

— Молчишь, бюрократия! — метался за спиной торжествующий голос нового Левши-Правши.— А то, что меня без средств оставил, тебе нипочем? А я сарайчик строить начал, где теперь денег возьму? А насос садовый на какие шиши куплю? Молчишь?!

Слава отупело смотрел в окно. А за спиной набатом гудел голос владельца недостроенного сарайчика.

— Я тебе так жить не дам! Ты у меня спокою, как твоя начальник, лишишься! Я тоже разные слова знаю, не один ты. Напишу, куда следует, все отпишу!..

— Пишите, пишите,— обреченно решил Слава. Он по буквам читал табличку у подъезда напротив и не понимал написанного. Вдруг слово на табличке дошло до сознания Славы.

— Так вы еще и пишете? — обернувшись, вкрадчиво спросил он.

— Еще как! — потирал руки экс-изобретатель.— Комиссии замордуют!

— Евламий Силыч, дорогой! — взревел Слава.— Будет вам сарайчик! И насос будет. Все будет!

Он обнял старика за плечи и в восторге затряс его, как трясет нервный мальчишка в чужом саду грушу.

— Вон там... — Слава поволок спотыкающегося старичка к окну,— там вы получите любую сумму, какую пожелаете. Видите, что написано? Редакция! А этот вот, видите, толстенький такой,—

редактор. На улицу выбежал, по сторонам смотрит — не несет ли кто рукопись, не идет ли бывалый человек с воспоминаниями. Очень он их любит...

— Ну-ка, ну-ка, который толстенький? — заинтересовался Евламий Силыч.

— А ведь он вас ждет! — убежденно заверил Слава.— Вы до того как гением стали, кем были?

— Человеком был... Кондуктором на железной дороге.

— Жизнь, значит, видели?

— Видел. Из вагона. И на станциях тоже, — подтвердил Евламий Силыч.

— Ну вот, значит, бывалый?

— Бывалый, — неуверенно согласился изобретатель, закрыл глаза и опять прислушался к внутреннему голосу. Внутренний голос не возражал.

— А басни можно? — уже деловито осведомился Евламий Силыч.— Это про животных, которые...

— Басни!? Да за басни вас на руках носить будут!

— Можно еще стихи. Про природу, — размышлял будущий баснописец.

— Не можно, а нужно! Рубль за строчку вам положат.

— Ну-у! — застеснялся Евламий Силыч и засуетился.— Надо идти, а то надоед, поди.

— Идите, идите, — подталкивал его к выходу Слава.— Что вам изобретения? Пока дадут десятку, так все мозги набор свернешь, новое-то придумывая. А там — знай пиши, думать не надо.

Евламий Силыч засеменил к двери.

...На следующий день Слава стоял у окна и с опаской смотрел на улицу. По тротуару, скособочившись от тяжести набитой бумагами дерматиновой сумки, спешил Евламий Силыч. Он подошел к двери редакции и деловито толкнул ее плечом.

Через неделю он опять вошел в редакционный подъезд, а спустя несколько минут из дверей стали торопливо выходить интеллигентного вида люди с испуганными лицами. Через месяц эти интеллигентные люди, похудевшие, с безумными глазами, выскакивали из дверей уже скопом и, размахивая руками, сбивая прохожих, пугая милиционеров, бросались врассыпную.

Славе выписали премию, и все в отделе стали уважительно обращаться к нему — товарищ Баранов...

ГРОССМЕЙСТЕР

ЧАСОВЫХ ДЕЛ

По комнате растекается звон 150-летнего «Беккера». Мелодия часов напоминает приглушенную игру на органе и перезвон далеких колоколов. Мы сидим в домашнем музее ангарского умельца Павла Васильевича Курдюкова.

— Я не думал быть собирателем, — рассказывает Павел Васильевич. — Просто хотелось попробовать себя в новом деле — в ремонте часовых механизмов. Попались однажды мне старинные японские часы с разбитым механизмом, долго пришлось с ними повозиться, пока не пошли. Они-то и положили начало коллекции.

Павел Васильевич познакомился со всеми часовыми мастерами своего города, стал переписываться с часовщиками из Москвы, Риги, Волгограда, Владивостока и многих других городов. И отовсюду стали поступать в Ангарск посылки с искалеченными, давно списанными в утиль уникальными хронометрами, каминными часами, старинными луковичками с витиеватой и напыщенной гравировкой типа «Павел Буре, поставщик высочайшего двора»...

Так прибыли в Ангарск безжизненные, редчайшей работы французских мастеров, каретные королевские часы «Пале Ройаль» с тончайшей гравировкой золотом, в золоченом корпусе, стилизованном под старинный каретный фонарь. На корпусе сохранилась дата: «1653 год».

Это самый старый механизм в коллекции.

Интересных и редких экспонатов в музее Курдюкова немало.

На кончике хобота слона

мерно покачиваются часы-маятник. Изготовленные более двух столетий назад, они и сегодня как новые. С 1925 года часы не ходили, Павел Васильевич воскресил их. Удивительный ход у этого хронометра. В механизме часов есть противовес — маленький молоточек, который при каждом колебании маятника создает силовое напряжение, достаточное, чтобы восполнить амплитуду колебания маятника. Часы имеют два маленьких конусных зерна, которыми они устанавливаются в подпятнике на конце хобота слона. Конус зерна должен быть точно 60 градусов. Малейшее отклонение — часы остановятся.

Вот еще один уникальный измеритель времени — часы-паровой котел. Отвернешь вентиль — и начинает вращаться большое маховое колесо. На паровом котле стоят манометр, измерители давления воды и пара, а здесь вместо них — термометр, барометр и часы.

Самый ценный, самый удивительный экспонат получил Павел Васильевич совсем недавно. Это — деревянные часы, изготовленные знаменитым вятским умельцем Николаем Михайловичем Бронниковым в середине прошлого столетия, — уникальное творение замечательного русского мастера. Корпус часов сделан из капа — березового нароста, пружина — из бамбука, стрелки — из жимолости, другие детали — из пальмового дерева.

— Я слышал, что всего было сделано Бронниковым и его сыновьями десять таких часов, — говорит Павел Васильевич. — Знаю, что одни из них находятся в музее города Кирова, вторые — в Томске, третьи, сам

их видел, — в Оружейной палате в Московском Кремле, четвертые, говорят, в Женевском музее, а вот теперь обнаружены пяте и шестые.

На ладони Курдюкова лежат карманные чудо-часы, тоже творение Бронникова.

Двери домашнего музея ангарского умельца всегда открыты для желающих посмотреть его уникальную коллекцию.

Но сейчас многие экспонаты удивительного музея Павла Васильевича Курдюкова переменили адрес. 150 часов из своей коллекции он отправил в Московский Политехнический музей, 280 часов передал в Ангарский музей.

Павел Васильевич Курдюков каждый день бывает в местном музее, водит экскурсантов по залу, рассказывает об истории часового дела в России, в Европе, о лучших часовых делах мастеров, о том, как нашлись и оживали русская кукушка, бекеровский перезвон, каретные часы, часы-загадка...

Недавно в Ангарске установлены главные городские часы. Все чертежи, большинство деталей их разработывал и делал П. В. Курдюков.

В. МУТИН, А. ХАМЗИН
г. Ангарск

РУКОПИСИ НЕ ВОЗВРАЩАЮТСЯ

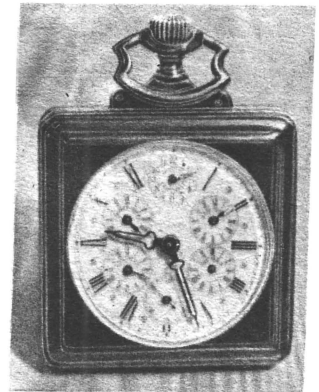
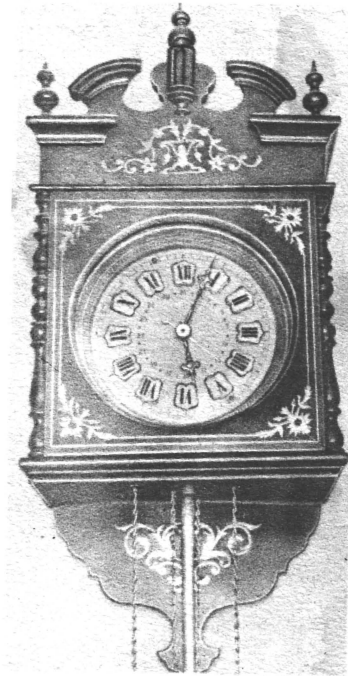
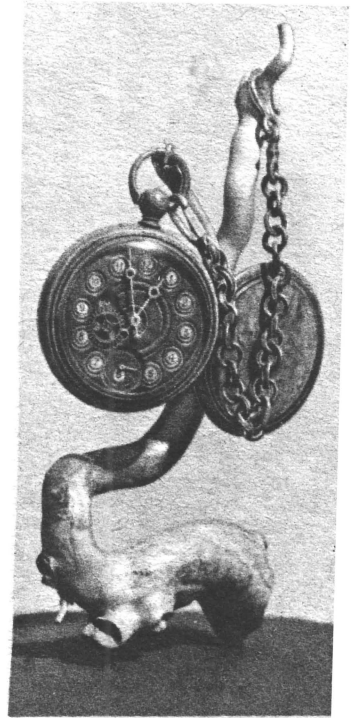
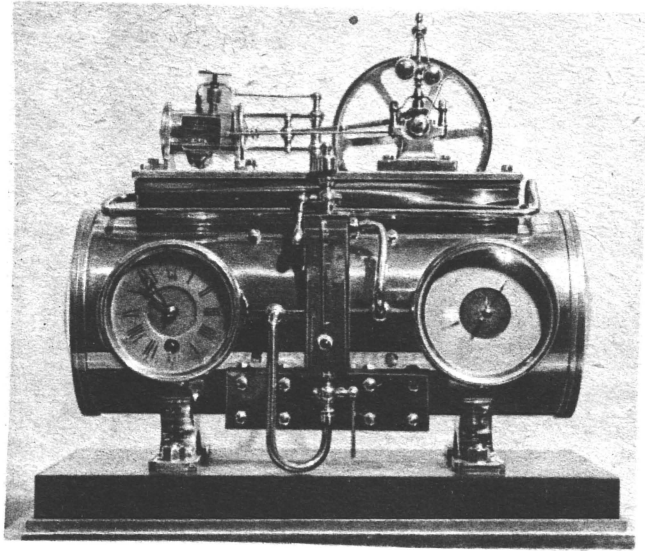
Технический редактор Э. Максимова.

Корректор В. Бурангулова.

Адрес редакции: Свердловск, ГСП-353, ул. 8 Марта, 8. Телефон 51-22-40.
Средне-Уральское Книжное Издательство

НС 12029. Подписано к печати 3/II 1972 г. Бумага 84×108¹/₁₆—2,6 бум. л.—8,8 печ. л.
Уч.-изд. л. 10,4. Тираж 185 000. Цена 30 коп. Заказ 690.

Типография изд-ва «Уральский рабочий», г. Свердловск, пр. Ленина, 49.

М. ГЛАДУНОВ (г. Красноярск)

ЖУРАВЛИНАЯ ГОРКА В С. ШИШЕНСКОМ

30 коп.

73413

Главный редактор С. МЕШАВКИН

Редколлегия: В. АЛТОВ, А. АСС, А. БОГАЧЕВ [зам. главного редактора],
М. ГРОССМАН, Ю. КУРОЧКИН, О. ЛЕОНОВА, А. МАЛАХОВ, Г. МАШКИН, МУСА
ГАЛИ, В. НИКОНОВ, Н. НИКОНОВ, Л. РУМЯНЦЕВ, И. ТАРАБУКИН [ответственный
секретарь], В. ШУСТОВ